

АИВ@Лит

Х. ЛОРТУНГ

ПРИКЛЮЧЕНИЯ
ДОКТОРА ДУЛИТТЛА

ПУТЕШЕСТВИЯ
ДОКТОРА ДУЛИТТЛА

АЙБОЛИТ

Х. ЛОРТУНГ

ПРИКЛЮЧЕНИЯ
ДОКТОРА ДУЛИТТЛА

ПУТЕШЕСТВИЯ
ДОКТОРА ДУЛИТТЛА

Сигма F
Remi
Москва
1992

**ББК 84.4.В
Л81**

Хью Лофтинг

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ДОКТОРА ДУЛИТТЛА

ПУТЕШЕСТВИЯ ДОКТОРА ДУЛИТТЛА

Перевод С.Мещерякова

ISBN 5-558-0002-3

© Перевод на русский язык МП "Сигма F" 1992 г.

**© Оформление рекламно-художественного
агентства "REMİ" 1992 г.**

ЗДРАВСТВУЙТЕ, ДЯДЯ ДЖОН!

Кому из нас, взрослых, не приходилось, склоняясь над детской постелью, бойко и несколько бездумно отбарабанивать в ответ на каждый жалобный писк "Папа, сказку!... Мама, почитай!..."

**Добрый доктор Айболит!
Он под деревом сидит!...**

Что мы знаем о докторе Айболите?

Ну-у!... Это главный герой нескольких стихотворных и прозаических сказок Корнея Чуковского!

Я раскрываю книгу сказок Чуковского. Здесь три повести о добром целителе - "Доктор Айболит", "Огонь и вода", "Приключения белой мышки". В коротеньком (на три строчки) предисловии сказано, что эти сказки написаны "по Гью Лофтингу". Ни дети, ни их родители обычно этих строчек не читают. А все же интересно - кто он такой, этот Гью (наверно, все-таки лучше Хью) Лофтинг?

Сразу хочу оговориться: здесь не научная статья. Просто несколько слов о Лофтинге.

Вы пришли в библиотеку и берете "Литературную энциклопедию". Она у нас называется краткой (хотя полной не существует). В энциклопедии Лофтинга нет. Может быть, в статье В.В. Жданова о Чуковском мы найдем какие-то сведения об этом таинственном Лофтинге, "по-которому" Чуковский писал свои сказки? Ничего подобного! Мы узнаем только, что в 1916 году Горький пригласил Чуковского руководить детским отделом издательства "Парус" и посоветовал самому писать для детей (о мудрый Горький! Неужели он провидел грядущие времена, когда критику-теоретiku Чуковскому придется - закон выживания! - обратиться к Мухе-Цокотухе?). Но дальше: вслед за "Крокодилом", первой стихотворной сказкой Чуковского, последовали другие, в том числе (в 1929 году) "Айболит". А до "Айболита" (в 1926 году) был опубликован "Бармалей", а там тоже есть про Айболита.

А где же загадочный Лофтинг?

Но, может быть, сам Корней Чуковский расскажет нам о нем в шеститомном собрании своих сочинений! Тоже вполне доступное издание. Раскроем его. Так! Сказки в прозе сюда не вошли. "Бармалей" и "Айболит" есть! И есть статья Чуковского о его сказках. Так и называется: "Об этих сказках". Читаем: "Приходилось с величайшим трудом добывать каждое двустишие, каждый ритмический ход. Но сдаваться я считал невозможным: сюжет был захватывающим (погодите, а сюжет-то чей был? Лофтинга?), и я стал исписывать целые тетради, одну за другой, чтобы в конце концов раздобыть две строки:

И пришла к Айболиту лиса:
"Ой, меня укусила оса!"...

Вообще, начиная с Айболита, а, пожалуй, еще раньше - с "Федорина горя", для меня началась полоса кропотливого труженичества". А Лофтинга все нет!

Не буду больше интриговать вас. Хью Лофтинг по профессии инженер. Во время Первой мировой войны был мобилизован. Доктор Дулиттл впервые появился в его письмах к детям, рассказы о добром докторе он иллюстрировал своими же рисунками. После войны Лофтинг с семьей переселяется из родной Англии в Америку. Там в 1920 году выходит его первый роман "История доктора Дулиттла". Согласно легенде (такие легенды легко множатся вокруг творчества и личности популярных детских писателей) выросшие дети Лофтинга случайно показали письма отца одному издателю. И тот был настолько очарован ими, что немедленно заказал роман! Лофтинг стал писателем. Всего он написал четырнадцать книг о докторе Джоне Дулиттле. Умер Хью Лофтинг в 1947 году (значит, и Вторую мировую пережил!), на шестьдесят втором году жизни.

Теперь извините мне эпическую фразу: романы Лофтинга переведены на все языки мира. Ну, почти на все. Ну, на все основные. А на русском лишь одна книга, открывающая серию ("Приключения Доктора Дулиттла". М., 1924) в переводе Хавкиной. И все. Далее - только сказочные повести Чуковского и его же сказки в стихах о докторе Айболите.

Шекотливый вопрос: почему Корней Чуковский сам не перевел ни одного романа Хью Лофтинга? Согласно легенде дет-

ский писатель - обязательно очень добрый человек. Но даже самый добрый писатель имеет скверную привычку обедать ежедневно, а порою у него есть еще и маленькие дети! Чуковский не скрывал причины, которая толкнула его на тернистую ниву литературной сказки. Причина эта - безденежье. А за вольный пересказ платили (и сейчас платят) много больше, чем за обычный перевод. Да если бы Чуковский и перевел Лофтинга, вряд ли удалось бы это напечатать, наверняка бы сочли это чтением "буржуазным" и вредным для советских детей и взрослых. И все же, и все же! Почему Чуковский Лофтинга даже не упоминает?

Честно говоря, здесь, видимо, простое недоразумение. О Чуковском известно не так уж много. Только недавно едва приоткрылась его обширная дневниковая летопись, а уж о письмах и говорить нечего! Не может быть, чтобы там не нашлось ни строчки о Хью Лофтинге! И будет очень приятно, если эти строчки будут опубликованы.

Чуковский переиначил Лофтинга, следуя особенностям своего таланта и личности. Романы Лофтинга, рассчитанные на подростков и взрослых, превратились в сказки для совсем маленьких детей. Романы Лофтинга - прежде всего романы о жизни в Викторианской Англии. Сказки Чуковского - истории о сказочной стране. В романах Лофтинга действуют конкретные люди и звери, наделенные чертами людей, в сказках Чуковского - условные поселяне, моряки и "просто добрые" животные. Когда Джон Дулиттл отправляется в Африку спасать обезьян от эпидемии - это гуманный англичанин едет спасать туземцев. Когда в Африку едет доктор Айболит - это всего лишь переезд из одной сказочной страны в другую. Поросяенок с ухватками балованного мальчишки превращается у Чуковского в свинку Хрю-Хрю, филин-математик - в сову Бумбу, рачительная домоправительница утка Даб-Даб - в добрую утку Кику.

Сказочная страна Чуковского - оазис добра и мира. Но увы! Ей грозят враги - пираты, например. (Старый миф о мирной стране, которой грозят враги?) Злодеи Чуковского - злые, потому что злые. Такова сестра доктора Айболита Варвара. У доктора Дулиттла тоже есть сестра, суровая пуританка Сара, сухая старая дева, в преклонном возрасте вышедшая замуж за приходского священника. Она вовсе не злая, просто привыкла жить по раз и навсегда определенным правилам и поэтому

негодует на брата, который стремится жить не "как велят", а "как хочется"!

Вообще в романах Лофтинга нет "изначальных природных злодеев", есть просто люди, наделенные обычными человеческими слабостями. Романы эти ведут читателей в жизнь, сказки Чуковского от нее уводят.

И здесь, конечно, сыграли роль время и место создания произведений. Когда и где были написаны сказки Чуковского? В 30-40-е годы в Советском Союзе. Соблазнительно выстроить конструкцию: писателю не по вкусу окружающая действительность, критиковать ее невозможно, и вот он уводит маленьких читателей в сказочную страну. Что ж, может быть, так и было.

А Лофтинг? Его романы были созданы после Первой мировой войны. Газовые атаки, массовые убийства - все это потрясло интеллигентов Европы. Болезненно и остро встал вопрос о значимости, о достоинстве, о правах и свободе личности. Именно после Первой мировой войны доктор (опять доктор!) Януш Корчак поднимает голос в защиту прав и свободы ребенка. Снова всплывают дебаты о праве на жизнь умственно отсталых, калек. Животные в романах Лофтинга - как бы квинтэссенция незащитности личности, живой, эмоциональной, в обществе нормальных людей. Лофтинг не верил в концепцию злодея. Директор цирка Блоссом держит зверей в грязных и тесных клетках - но он просто зарабатывает деньги. Сэр Уильям Пибоди охотится на незащитных лисиц не только затем, чтобы "регулировать их численность", но ему это еще и нравится. Никто из "нормальных членов общества" просто не в состоянии "поставить себя на место лисицы", как призывает гуманист Дулиттл. Впрочем, охотиться ведь можно и на людей: чтобы регулировать их численность и потому что это нравится. Надо только не видеть себя на месте другого, слабейшего.

Романы Лофтинга - философские. Ведь Джон Дулиттл начинает лечить животных, потому что разочаровывается в человеческой природе. Особенно привлекают доктора мудрые, кроткие, красивые лошади, которых человек доводит до истощения, заставляя непосильно трудиться. И тут у Дулиттла есть литературный предшественник, тоже доктор, хирург Лемюэль Гулливер. Он тоже разочаровывается в людях и

предпочитает проводить время в обществе двух специально приобретенных коней, с которыми беседует на их языке (он выучил его в стране лошадей).

А еще романы Лофтинга - романы-путешествия. Маленькие энциклопедии жизни викторианской Англии, ее разнообразных типов, ее колоний. Покинув общество людей, "живущих по правилам", Дулиттл становится другом не только животных, но и бедных циркачей, цыган. А лучший его приятель Мэтью Мэг - "человек без определенной профессии", бывший узник многих тюрем.

Джон Дулиттл - характер неоднозначный. Он может быть чудаковатым, бескорыстным, расчетливым, властным, он умеет настоять на своем. Потому что Лофтинг тоже верил в победу добра. Нет, не в придуманной сказочной стране и даже не в родной Англии, а хотя бы... ну, когда-то давно... в одном цирке, в Цирке доктора Дулиттла!

Вполне возможно, они нашли бы общий язык - Джон Дулиттл и доктор Айболит.

- Здравствуйте, дядя Джон!

Несколько слов о переводе. Хотелось, чтобы язык его был, как и в живой речи, не вполне "правилен", ведь и Джон Дулиттл - герой, живущий "не по правилам" и ненавидящий всевозможные "навыки и полезные привычки".

Фаина Гримберг

МИСТЕР ЛОФТИНГ И ДОКТОР ДУЛИТТЛ

Некоторые из нас, достигнув средних лет, выясняют, что так или иначе сожалеют о прошлом и что нынешние книги для детей не сравнить с издававшимися лет тридцать назад. Я сказал "книги для детей", потому что новые книги не столько для детей, сколько — о детях, как будто дети — маленькие взрослые или отданы на откуп какому-то ужасно научному методу, чрезвычайно популярному сегодня. Писать не о детях, а именно для детей чрезвычайно сложно, что известно всем, кто занимается этим. Я убежден: подобная работа под силу лишь тому, кто в основном сохранил детское восприятие мира. Такими были авторы "Маленького герцога" и "Голубя в орлином гнезде"¹, "Утюга за грош"² и "Истории короткой жизни"³. Таким был и автор "Алисы в стране чудес".

Взрослые полагают, что дело выгорит, если они приспособятся к языку детей и спустятся до уровня детской аудитории. Это грубейшая ошибка. Воображение автора должно совпадать с воображением ребенка и в то же время следовать логике взрослого человека. Например, Белая Королева в "Алисе" представлена так, как ее мог бы увидеть ребенок, но она остается сама собой во время всех своих печальных приключений. Изумительная сценка с белым кроликом, в спешке натягивающим перчатки, — тоже плод исключительно детского воображения, но белый кролик как проводник, знакомящий Алису с предстоящими приключениями, принадлежит миру взрослых.

Гении вообще редкость, и, не предаваясь чрезмерному восхвалению прошлого, можно без колебаний сказать, что до появления Хью Лофтинга у мисс Йонж, миссис Ивинг, миссис Гетти и Льюиса Кэролла не было преемников. Помню, с каким

¹ Шарлотта Мари Йонж (Jonge, Charlotte Mary, 1823-1902) — английская писательница.

² Юлиана Горация Ивинг (Ewing, Julianna Haratia, 1841-1885) — английская писательница.

³ Маргарет Гетти (Gatty, Margaret, 1807-1873) — английская писательница, мать Юлианы Ивинг.

восторгом где-то полгода назад я приобрел первую книгу из серии о Докторе Дулиттле. Мне было довольно лишь взглянуть на один из рисунков Лофтинга — цепочка схватившихся за руки и повисших над пропастью обезьян. Потом я увидел Бумпо, читающего волшебные сказки. А затем и домик Джона Дулиттла.

Но рисунки еще не все, хотя большинство авторов рисует столь скверно, что если у кого-нибудь из них появится такой же талант художника, как у мистера Лофтинга, можете быть уверены: вдобавок к рисункам там есть что читать. Так же обстоят дела и с этой книгой.

Уже с первого абзаца, с первых слов вы понимаете, что Лофтинг безусловно верит в реальность, собственного рассказа и ждет того же от читателя. Затем убеждаетесь, что у писателя прекрасное чувство детали. Какой же любопытный ребенок устоит перед увлекательной картиной, нарисованной всего одной фразой: "В пруду на окраине сада резвились золотые рыбки, в кладовой жили кролики, в пианино обосновались мыши, в бельевом шкафу поселилась белка, а в подвале — еж". Почитав еще немного, вы убедились: Дулиттл не просто "гвоздик", на который автор навешивает волнующие и разнообразные приключения. Доктор — сам по себе, это человек с необычным и убедительно вычерченным характером. Он очень добр и великодушен, а всякий, кто когда-либо писал рассказы, знает, что изобразить добрых великодушных героев намного сложнее, чем злых и бесчестных. Но Дулиттл нам интересен. И не только потому, что необычен, но и потому, что мудр и знает свое дело. Читатель, как бы ни был молод, встретившись с Доктором, сразу поймет, что в случае любых неприятностей, не обязательно связанных со здоровьем, надо бы отправиться к Дулиттлу за советом. Кажется, что Дулиттл протягивает нам руку, и я могу представить этого героя в дали веков словно какого-нибудь Гамельнского крысолова с тысячами детей позади. И не только Дулиттл наделен жизненной силой и убедительностью, его создатель сумел вложить в каждое существо искру жизни.

Крайне сложно нарисовать животных, говорящих и действующих, как люди. Льюису Кэроллу это удалось в полной мере, но я не уверен, что кто-нибудь после него до Хью Лофтинга сумел сделать нечто подобное. Даже автор такого замечательного произведения, как "Ивовый ветер" не вполне

справился с этой задачей. Друзья же Джона Дулиттла жизненно убедительны, потому что их создатель никогда не шел наперекор природе. Попугай Полинезия, например, естествен от и до. Он действительно беспокоится о докторе Дулиттле, но так, как могла бы беспокоиться птица, у которой своих дел довольно. И когда Лофтинг изобретает фантастических животных с характеристиками, вполне достоверными, он тем самым полностью убеждает читателя в их существовании. Прочитав эту книгу, нельзя не поверить в реальность Тяни-Толкая, даже если бы не было его изображения, однако рисунок Лофтинга безусловно снимает вопрос о реальности этого необычного существа раз и навсегда.

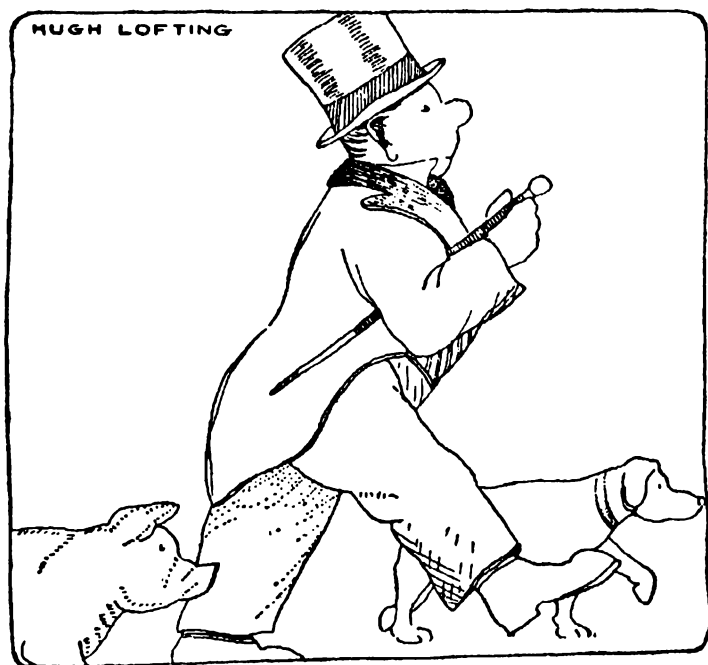
Фактически, эта книга — творение гения. И, как всегда бывает с такими произведениями, трудно анализировать составляющие его элементы. Здесь и поэзия, и фантазия, и юмор, немного пафоса, и, самое главное, персонажи, в реальность которых должны поверить и четырехлетний ребенок, и девяностолетний старец, и преуспевающий сорокапятилетний банкир. Я не знаю, как Лофтинг добился этого, не думаю, что он и сам может ответить на такой вопрос.

Перед нами первое настоящее классическое произведение для детей после "Алисы".

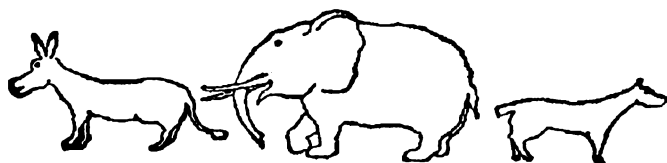
Хью Уолпол¹

¹ Хью Уолпол (Walpole, Hugh, 1884-1941) — английский писатель и общественный деятель.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ

ДОКТОРА ДУЛИТТЛА

Глава I

ПУДЕЛБИ-НА-БОЛОТЕ

Давным-давно, когда наши дедушки еще были детьми, жил на свете доктор по имени Дулиттл – Джон Дулиттл, Д-р. "Д-р" означало, что он был настоящий и очень умный доктор.

Он жил на окраине маленького городка, названного Пуделби-на-Болоте, и здесь все, от мала до велика, знали его в лицо. Когда бы он ни шел по улице в своей высокой шляпе с широкими полями, говорили:

– Вот идет доктор! Он очень умный.

Собаки и дети бежали вслед за ним, и даже вороны на колокольне каркали и трясли головами.

В его маленьком домике с большим садом хватало места и для просторной лужайки, и для каменных скамеечек, и для плакучих ив. Хозяйство вела сестра Доктора Сара, за садом Доктор ухаживал сам.

Он очень любил животных и многих держал у себя дома. В пруду в глубине сада резвились золотые рыбки, в кладовой жили кролики, в рояле обосновались мыши, в бельевом шкафу – белка, в погребе – еж. Кроме того, у Доктора еще были корова с телятком, старая хромая лошадь, которой стукнуло двадцать пять лет, также цыплята, голуби, двое ягнят и множество других живых существ. Но любимцами были утка Даб-Даб, пес Джип, поросенок Хрюк, попугай Полинезия и филин Бу-Бу.

Сестра не разделяла его пристрастий, она обычно ворчала, что в доме из-за животных одна грязь. К тому же пожилая дама с ревматизмом, пришедшая на прием к Дулиттлу, уселась на ежа, спокойно спавшего на диване, и уже никогда больше не обращалась к Джону, а каждую субботу ездила в Бычью Деревню, городок в десяти милях от Пуделби, к другому врачу.

Тогда Сара Дулиттл сказала брату:

— Как ты можешь ждать пациентов, когда у тебя в доме столько зверья? Чтобы у хорошего доктора в гостиной водились ежи и мыши! Это уже четвертый посетитель, сбежавший отсюда. Сквайр Дженкинс и Парсон заявили, что как бы они ни болели, ноги их здесь больше не будет. С каждым днем мы становимся все беднее и беднее. Если будет так продолжаться, никто из уважаемых людей не обратится к тебе за помощью.

— Но я люблю животных больше, чем уважаемых людей! — ответил Доктор.

— Ты смешон, — сказала сестра и вышла из комнаты.

Время шло, животных у Доктора становилось все больше и больше, а пациентов приходило все меньше и меньше. В конце концов посетителей не стало, кроме Продавца кошачьей еды, который не обращал внимания на друзей Дулиттла. Но он был не очень богат и болел раз в году — на Рождество, когда обычно давал Доктору шесть пенсов за пузырек лекарства.

На эти деньги прожить было нельзя даже в те далекие времена, и если бы у Доктора не оставалось кое-что в копилке, кто знает, что бы случилось. Животных все прибавлялось, прокормить их, конечно, было нелегко, запасы быстро таяли.

Тогда он продал пианино и пересилил мышей и выдвижной ящик письменного стола, но и эти деньги подошли к концу, так что пришлось расстаться с выходным костюмом. Постепенно Доктор совсем обеднел.

Теперь, когда он шел по улице в своем поношенном цилиндре, люди говорили:

— Вот идет Джон Дулиттл. Одно время он был самым известным врачом в Западном Крае. Посмотрите на него сейчас: дырявые носки и совсем нет денег.

Но собаки, кошки и дети все равно бежали за доктором, сопровождая Дулиттла через весь город, точно так же, как в те времена, когда он был богат.

Глава II

ЯЗЫК ЗВЕРЕЙ И ПТИЦ

Однажды Дулиттл сидел у себя на кухне и разговаривал с Продавцом кошачьей еды Мэтью Мэггом, который жаловался на боль в животе.

— Почему бы вам не перестать лечить людей и не взяться за животных? — спросил Мэтью.

Попугай Полинезия, наблюдавший с окна за дождем и напевавший себе под нос морскую песенку, замолчал и настоятельно.

— Видите ли, Доктор, — продолжал Продавец кошачьей еды, — вы знаете о животных гораздо больше, чем все здешние ветеринары. Ваша книга о кошках — просто замечательная. Я не умею ни читать, ни писать, иначе, наверное, тоже что-нибудь сочинил бы. Но моя жена Теодозия — настоящий грамотей, она прочла мне вслух вашу книгу. Книга изумительная. Вот все, что я могу сказать. Вы, должно быть, сами были кошкой, и знаете, о чем они думают. Послушайте, вы можете заработать кучу денег, если начнете лечить животных. Я буду направлять к вам всех старушек с больными кошками и собаками. А здоровым животным подложу что-нибудь в мясо. Ясно для чего?

— Нет-нет, — отозвался Доктор. — Вы не должны этого делать. Это нехорошо.

— Ну, я не имел в виду ничего особенно плохого, — ответил Мэтью. — А так что-нибудь, от чего бы они ослабели немного. Они все равно заболеют, потому что старушки всегда их перекармливают. Увидите, все окрестные фермеры с хромыми лошадьми и больными ягнятами тоже придут к вам. Повторяю: начинайте лечить животных.

Когда Продавец кошачьей еды ушел, попугай слетел с окна к Доктору на стол и сказал:

— Он прав. Это то, что нам надо. Лечи животных. Брось глупых людей, у которых не хватает мозгов уразуметь, что ты лучший в мире доктор. Позаботься лучше о животных, они это быстро поймут.

— Ох, вокруг так много ветеринаров, — заметил Джон Дулиттл, выставляя под дождь горшки с цветами.

— Да, их очень много, — согласился Полинезия, — но нет ни одного стоящего. Теперь послушай, Доктор, что я тебе скажу. Знаешь ли ты, что животные умеют говорить?

— Ты про попугаев?

— О, мы владеем двумя языками — человеческим и птичьим, — гордо промолвил Полинезия. — Если я говорю: "Полли хочетпечень", ты понимаешь меня. Но послушай вот это: "Кэй-кэй, ой-и, фи-фи?"

— Боже мой! — воскликнул Доктор. — Как это понять?

— На птичьем языке это значит: "Каша еще не остыла?"

— Ну и дела! Не может быть! — отозвался Доктор. — Ты никогда раньше не говорил со мной об этом.

— А что за польза была в этом? — заметил Полинезия, стряхивая крошки печенья с левого крыла. — Ты бы не понял меня тогда.

— Расскажи что-нибудь еще, — попросил Доктор, затем бросился к кухонному шкафу, принес тетрадь и карандаш. — Теперь не слишком торопись, я записываю. Это интересно, нечто совершенно новое. Научи меня вначале птичьему языку — только не спеши.

Таким образом, Доктор узнал, что у животных есть собственный язык и они могут разговаривать друг с другом. И после обеда, пока шел дождь, Полинезия сидел на кухонном столе и диктовал Доктору слова на птичьем языке.

К полднику, когда вошел пес Джип, попугай сказал Доктору:

— Взгляни, он обращается к тебе.

— Мне кажется, он почесывает ухо.

— Животные не всегда говорят ртом, — объяснил попугай, подняв брови. — Они говорят ушами, ногами, хвостами — всем, чем угодно, иногда даже не издавая звуков. Видел, как у него подергивается одна ноздря?

— Что это значит? — заинтересовался Доктор.

— Он спрашивает тебя, — ответил Полинезия. — "Разве ты не видишь, что дождь уже кончился?" Собаки почти всегда так спрашивают.

Вскоре с помощью попугая Доктор так хорошо выучил язык животных, что все понимал и мог разговаривать с ними. Тогда он перестал лечить людей.

Как только Мэтью Мэг рассказал всем, что Джон Дулиттл начинает лечить животных, пожилые дамы стали нести к нему своих обьевшихся пирожными мопсов и пуделей, а фермеры шли по многу миль, чтобы показать больных коров и овец.

Однажды к нему привели лошадь, и она очень обрадовалась, встретив человека, который понимает ее язык.

— Послушай, Доктор, — сказала лошадь. — Этот коновал за горой совсем ничего не знает. Он лечил меня шесть недель от судорог, а между тем мне нужны очки. Я слепну на один глаз. Почему бы лошадям, как и людям, не носить очков. Но этот глупец даже не посмотрел моих глаз, а все пичкал огромными таблетками. Я пыталась что-то объяснить, но он не знал ни слова из нашего языка. А мне нужны очки.

— Конечно, — согласился Доктор. — Я вскоре тебе их достану.

— Я бы хотела такие же, как у тебя, только зеленые, — попросила лошадь. Они защитят мои глаза от солнца, когда я буду пахать свое поле в пятьдесят акров.

— Да-да, — сказал Доктор. — Ты получишь зеленые очки.

— Беда, сэр, знаете, в том, — промолвила лошадь, когда Доктор открывал парадную дверь, дабы выпустить ее, — что всякий берется лечить животных — это, мол, легко, они ведь не жалуются. А на самом деле лечить животных гораздо труднее, чем людей. Сынок моего хозяина считает, будто знает о лошадях все. Я бы хотела, чтобы вы взглянули на него: глаза у него заплыли жиром, а мозгов не больше, чем у пареной репы. На прошлой неделе он хотел поставить мне горчичник.

— На какое место?

— О, не знаю, — ответила лошадь. — Он только попытался. Я так двинула ему копытом, что он улетел в пруд к уткам.

— Ничего себе!

— Обычно я довольно покладистая, — продолжала лошадь, — очень терпеливая и не люблю напрасной суеты. Но весьма скверно, что этот коновал неправильно лечил меня. А когда другому краснолицему болвану задумалось подшутить надо мной, я уже не смогла стерпеть.

— Сильно его ударила? — спросил Доктор.

— О нет, — ответила лошадь. — Только слегка стукнула, куда следует. Теперь о нем заботится тот самый ветеринар. Так когда же будут готовы мои очки?

— Я получу их на следующей неделе, — обещал Доктор. — Приходи опять во вторник, а сейчас — до свидания!

Джон Дулиттл приобрел прекрасные большие очки с зелеными стеклами, и лошадь больше не слепла на один глаз, а видела все, как раньше.

Вскоре сельскохозяйственные животные в очках стали обычным явлением в окрестностях Пуделби, а о слепых лошадях никто и не вспоминал.

Столь же удачно Доктор помогал остальным животным, которых приносили к нему. Как только они убеждались, что Дулиттл может говорить на их языке, то рассказывали, где у них болит и как они себя чувствуют. И, конечно, было нетрудно им помочь.

Потом все пациенты Дулиттла возвращались домой и рассказывали своим братьям и друзьям о настоящем докторе, который живет в маленьком домике с большим садом. И когда кто-либо из животных заболел — не только лошади, коровы и собаки, но и такая мелюзга, как полевки, водяные крысы, летучие мыши и даже барсуки, они сразу же шли к нему, ожидая приема в саду.

Животных приходило так много, что Доктор вынужден был сделать для них специальные входы. Он сделал вывески: "Для лошадей" над парадным, "Для коров" — над боковой дверью, "Для овец" — над кухонной. Для мышей сделали узенький тоннельчик в подвале, где они выстраивались в очередь и терпеливо ждали, когда Доктор заглянет к ним.

Очень скоро любое живое существо на многие мили в округе знало о Джоне Дулиттле. Птицы, улетающие на зиму в теплые края, рассказывали там о замечательном докторе из Пуделби-на-Болоте, который понимал их речь и помогал в беде. Таким образом, он стал известен животным всего мира, чем очень гордился и был счастлив.

Однажды днем, когда Доктор писал свою книгу, Полинезия, по обыкновению сидевший на окне, следя за опадающими листьями, вдруг громко рассмеялся.

— Что случилось, Полинезия? — спросил Доктор, поднимая глаза от записей.

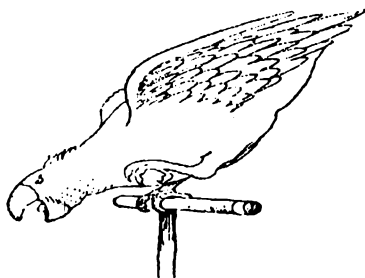
— Я просто задумался, — сказал попугай, продолжая наблюдать за листьями.

— О чем же?

— О людях, — ответил Полинезия. — Меня тошнит от них. Они воображают о себе очень много. Мир существует тысячи лет, не правда ли? А люди усвоили из языка животных лишь то, что виляющий хвост собаки означает радость. Смешно, верно ведь? Ты — первый человек, говорящий на нашем языке. О, люди меня иногда ужасно раздражают. С каким самодовольным выражением на лице они говорят о бессловесных животных. Бессловесных! Ну-ну! Я знал одного попугая ара, который мог сказать семью различными способами "Доброе утро!", ни разу не открывая при этом рта. Он мог говорить на любом языке — даже греческом. Старый профессор с седой бородой купил его. Но ара не остался там. Он утверждал, что старик плохо владел греческим, и его это раздражало. Я часто спрашиваю себя, что стало с этой птицей, которая знала географию лучше, чем люди. Люди, как они бездарны! Я думаю, что если бы даже они научились летать, как самый обычный воробей, например, они все равно не способны были бы разобраться в географии до конца.

— Ты старая мудрая птица, — сказал Доктор. — Сколько же тебе лет?

— Не уверен, что знаю наверняка, — ответил Полинезия. — Сто восемьдесят три или сто восемьдесят два. Когда я впервые попал сюда из Африки, король Чарльз еще лазал прятаться под крону дуба. Я сам видел. Он тогда был насмерть перепуган.

Глава III

НОВЫЕ ДЕНЕЖНЫЕ ЗАТРУДНЕНИЯ

Вскоре Доктор начал опять зарабатывать, его сестра Сара купила себе новое платье и была счастлива.

Некоторые животные, приходившие к Доктору, были так больны, что оставались у него на целую неделю. А когда начинали поправляться, обычно сидели на лужайке.

И часто, даже окончательно выздоровев, они не хотели уходить — так любили Доктора и его дом. И у него не хватало решимости отказать им, когда они просили разрешения остаться. Таким образом, у Доктора собиралось все больше и больше животных.

Однажды вечером, когда он, покуривая трубочку, сидел на широкой каменной ограде сада, мимо проходил итальянский шарманщик с обезьяной на веревке. Доктор сразу заметил, что ошейник у обезьяны слишком тесен, что она грязная и несчастная. Он отобрал обезьянку у итальянца, дал ему шиллинг и велел убираться. Шарманщик страшно рассердился и заявил, что не хочет отдавать обезьянку. Но Доктор пригрозил итальянцу, что если он не уйдет, то получит кулаком по носу. Джон Дулиттл был сильным, хотя и невысокого роста.

Шарманщик, ругаясь, ушел, а обезьянка осталась у доктора. Животные прозвали ее Чи-Чи. Это слово часто встречается в языке обезьян и означает "рыжеватая".

В другой раз, когда в Пуделби приехал цирк, к Доктору оттуда прибежал крокодил, у которого болели зубы.

Доктор поговорил с ним в саду на крокодильем языке, привел к себе и вылечил. Но когда крокодил увидел, какой это был прекрасный дом, со специально отведенными местами для разных животных, он тоже захотел здесь остаться, попросив разрешения спать в пруду для рыбок и обещая не трогать их. Когда же из цирка пришли забрать его, крокодил так разозлился и рассвирепел, что они в страхе убежали. Но с обитателями дома он был ласков, как котенок.

Однако теперь пожилые дамы боялись отправлять комнатных собачек к Доктору Дулиттлу, а фермеры не верили, что крокодил не ест ягнят и больных телят, которых они приносили на лечение. В конце концов Доктор попросил Крокодила вернуться в цирк, но у того из глаз покатались такие крупные слезы, он так умолял разрешить ему остаться, что у Доктора не хватало решимости его выпроводить.

Тогда сестра Доктора пришла к нему и сказала:

– Джон, мы должны избавиться от этого существа. Фермеры и пожилые дамы стали бояться посылать к тебе своих животных именно сейчас, когда мы вновь начали жить прилично. Теперь разоримся окончательно. Чаша моего терпения переполнена. Я не буду больше у тебя хозяйничать, если ты не выгонишь этого аллигатора.

– Это не аллигатор, – уточнил Доктор, – это крокодил.

– Мне не важно, как ты его называешь, – ответила сестра.

– На такую тварь противно смотреть, а тем более обнаружить ее под кроватью. Я не потерплю ее в доме.

– Но он обещал никого не кусать, – возразил Доктор. – Он не любит цирк, а у меня нет денег отправить его в Африку. Он занят своими делами и в общем ведет себя очень хорошо. Не стоит так волноваться по этому поводу.

– Повторяю, я не потерплю его рядом, – заявила Сара. – Он ест линолеум. Если ты не выгонишь его сию же минуту, я ... я уйду от тебя и выйду замуж.

– Ну что ж, – ответил Доктор, – сделай так, как считаешь нужным.

Он снял с вешалки шляпу и отправился в сад.

Сара Дулиттл собрала свои вещи и уехала, а Доктор остался со своими животными.

Очень скоро он опять обеднел. С таким множеством животных, домашним хозяйством на плечах, приближающимся ремонтом и без денег, чтобы оплатить счета мясника, жить было очень непросто. Но Доктор совсем не переживал.

– От денег одни неприятности, – утверждал он. – Мы жили бы гораздо лучше, если бы их вообще не было. На что нам деньги, когда мы и так счастливы?

Но вскоре сами животные начали беспокоиться. И однажды вечером, когда Доктор заснул в кресле около кухонного очага, они начали шепотом обсуждать ситуацию. Филин Бу-Бу, кото-

рый был силен в арифметике, подсчитал: у них осталось денег лишь на неделю, при том условии, что они будут есть всего раз в день.

Тогда попугай заметил:

— Думаю, мы должны сами выполнять домашнюю работу. По крайней мере, большую часть. В конце концов только из-за нас этот пожилой человек оказался таким одиноким и бедным.

Тогда все договорились, что обезьянка Чи-Чи будет готовить и заниматься ремонтом, собака — подметать, утка — вытирать пыль и убирать постели, филин — вести счета, поросенок — следить за садом. Полинезию, попугая, самого старшего по возрасту, назначили домоправителем и прачкой.

Конечно, сначала новые обязанности показались всем очень тяжелыми, за исключением Чи-Чи, у которой были руки и поэтому она могла делать все так же, как человек. Но вскоре они привыкли и с удовольствием наблюдали за псом Джипом, подметающим пол привязанной к хвосту тряпкой. Понемногу они научились выполнять свою работу так хорошо, что, по словам Доктора Дулиттла, его дом никогда прежде не содержался в таком порядке и чистоте.

С домашней работой дело пошло на лад, но без денег все равно было очень тяжело.

Тогда животные соорудили у ворот сада овощной и цветочный ларьки и стали продавать прохожим редис и розы.

Но было ясно, что денег для оплаты счетов собрать не удастся. И все же Доктор не унывал. Когда Попугай пришел к нему и сказал, что торговец рыбой отказался поставлять свой товар, он ответил:

— Не беспокойся. Пока куры несут яйца, а коровы дают молоко, у нас будут омлет и сладкий творог с мускатным орехом и сливками. На огороде много овощей, а до зимы еще далеко. Не волнуйся. Суету раньше устраивала Сара — она бы и сейчас не давала никому покоя. Интересно, как у нее дела? Прекрасная женщина — но лишь в некоторых отношениях. Ну.

Однако снег в том году выпал раньше, чем обычно, и хотя старая хромая лошадь притащила много дров из леса, так что они могли постоянно поддерживать огонь в кухонном очаге, большая часть овощей в огороде пропала — их покрыл снег, и многие животные начали голодать.

Глава IV

ВЕСТИ ИЗ АФРИКИ

Зима выдалась холодной. Однажды декабрьской ночью, когда они сидели на кухне вокруг огня и Доктор на языке птиц и зверей читал всем вслух отрывки из своих книг, филин Бу-Бу неожиданно прервал его:

— Ш-ш-ш, что это там за шум снаружи?

Все замолчали и вскоре услышали, что кто-то бежит к дому. Затем дверь открылась и буквально влетела, едва переводя дух, обезьянка Чи-Чи.

— Доктор! — закричала она. — Я только что получила вести из Африки. Там среди обезьян появилась ужасная болезнь. Они все заразились и умирают сотнями. Они слышали о тебе и просят приехать в Африку и вылечить их.

— Кто об этом рассказал? — спросил Доктор, снимая очки и откладывая книгу.

— Ласточка, — ответила Чи-Чи. — Она здесь, на улице, на бочке для дождевой воды.

— Неси ее скорее к огню, — захолопотал Доктор. — Она, должно быть, дрожит от холода. Ласточки улетели на юг уже шесть недель назад.

Замерзшую ласточку внесли в дом. Вначале она немного испугалась, но вскоре согрелась, уселась на край каминной доски и повторила свой рассказ.

Доктор сказал:

— Я бы с удовольствием поехал в Африку, тем более, что здесь такой мороз. Но, боюсь, у нас не хватит денег на билеты. Дай мне копилку, Чи-Чи.

Обезьянка тут же достала ее с верхней полки кухонного шкафа. Увы, она была пуста.

— А я был так уверен, что оставалось два пенса, — недоумевал Доктор.

— Действительно, оставалось, — ответил филин. — Но ты купил на них погремушку для барсучонка, у которого резались зубки.

— В самом деле? Боже мой, Боже мой! Сколько неприятностей из-за этих денег! Ну ничего, не беспокойтесь. Я спущусь к морю и, возможно, мне удастся одолжить корабль, который доставит нас в Африку. У одного моряка я вылечил ребенка от кори. Может быть, он и поможет нам.

На другой день рано утром Доктор спустился к морю, а когда вернулся, сообщил животным, что судно будет.

Крокодил, обезьянка и попугай очень обрадовались, запели: они возвращаются в Африку, на свою родину.

Доктор предупредил:

— Я могу взять только вас троих, а также пса Джи-па, утку Даб-Даб, поросенка Хрюка и филина Бу-Бу. Остальные животные отправятся к себе и будут жить там, пока мы не вернемся. Но так как большинство из них зимой спит, они почти не заметят нашего отсутствия, и, кроме того, поездка в Африку могла бы повредить им.

После этого попугай, который и раньше совершал длительные морские путешествия, начал перечислять Доктору, что следовало бы взять на корабль.

— У тебя должно быть много хлеба, который берут с собой летчики. Его называют галеты. Кроме того, необходимы консервы и якорь.

— Полагаю, на корабле есть якорь, — ответил Доктор.

— Хорошо, тогда убедитесь в этом, потому что это очень важно, — заметил Полинезия. — Ты не сможешь остановиться, если у тебя не будет якоря. Нужен также колокольчик.

— А для чего он? — удивился Доктор.

— Чтобы не забывать о времени. Ты идешь, и звонишь каждые полчаса, и знаешь, который час. И возьми как можно больше веревки, она всегда пригодится в путешествиях.

Потом они задумались, где достать денег, чтобы купить все необходимое.

— Ах, черт возьми! Опять эти деньги! — закричал Доктор. — Боже мой! Скорее бы попасть в Африку, где они нам не потребуются. Пойду попрошу бакалейщика, может, он согласится отпустить нам все необходимое, а с уплатой долга подождать, пока я вернусь. Нет, лучше пошлю к нему моряка.

Моряк отправился к бакалейщику и вскоре вернулся со всем необходимым.

Затем животные стали упаковывать вещи, открыли краны и выпустили воду из труб, чтобы она не замерзла, заперли ставни. Ключ от замка на двери они отдали старой лошади в конюшню.

Наконец, убедившись, что сена на сеновале хватит лошади на целую зиму, они спустились с вещами к морю и сели на корабль.

Продавец кошачьей еды пришел проводить их и принес в дорогу путешественникам много всякой снеди.

Как только Доктор и его животные оказались на корабле, поросенок Хрюк спросил, где его кровать: было уже четыре часа и ему хотелось вздремнуть по привычке. Тогда Полинезия отвел его по ступенькам в трюм и показал кровати, расположенные у стены одна над другой, как книжные полки.

— Да это же совсем не кровати! — закричал поросенок. — Это полка!

— На кораблях всегда такие кровати, — ответил попугай. — Это не полка, а койка. Давай карабкайся и засыпай.

— Кажется, мне еще рано спать, — заметил Хрюк. — Я слишком возбужден. Хочу подняться наверх и посмотреть, как мы отплываем.

— Конечно, это же твое первое путешествие, — согласился Полинезия. — Вскоре оно тебе приестся.

И он пошел назад на палубу, напевая песенку:

*Я плавал в Черном море,
И в Красном плавал я.
Открыл я темной ночью
Две речки вам, друзья.
Оранжевая речка и Желтая река,
Потом была Гренландия и Синий океан.
Везде я след оставил, теперь спешу домой,
Прими меня, малютка, я весь навеки твой.*

Все уже было готово к отплытию, когда Доктор вспомнил, что ему надо вернуться и спросить у моряка дорогу в Африку.

Но ласточка сказала, что была в этой стране много раз и не собьется с пути.

Доктор велел Чи-Чи поднять якорь, и путешествие началось.

Глава V

БОЛЬШОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

Вот уже целых шесть недель Доктор и его друзья плыли по волнующемуся морю вслед за ласточкой, летевшей впереди корабля и указывавшей дорогу. Ночью она брала крошечный фонарик, чтобы ее было видно в темноте, и люди с проходящих мимо кораблей думали, что это свет падающей звезды.

По мере того, как они плыли все дальше и дальше на Юг, вокруг становилось теплее. Полинезия, Чи-Чи и крокодил целыми днями купались в лучах горячего солнца. Они резвились, смеялись и заглядывали через борт в надежде поскорее увидеть Африку.

Поросенок, собака и филин Бу-Бу вообще не могли ничего делать в такую жару, они только сидели на корме в тени большой бочки, попивая лимонад.

Утка Даб-Даб освежалась, прыгая в море и плавая позади корабля. Всякий раз, когда ее голова нагревалась на солнце, она ныряла под корабль. По вторникам и пятницам она к тому же ловила сельдь, и все ели рыбу, чтобы сэкономить мясо.

Когда Доктор и его друзья приблизились к экватору, они увидели несколько летучих рыб, спешащих навстречу. Рыбы спросили попугая, не корабль ли это Доктора Дулиттла, и когда он ответил им "да", весьма обрадовались, так как обезьяны в Африке начали беспокоиться, что Доктор никогда не придет. Полинезия спросил, сколько миль еще осталось до побережья Африки, летучие рыбы ответили, что всего пятьдесят.

В другой раз целое стадо дельфинов приплыло, танцуя на волнах, они тоже спросили Полинезию, не это ли корабль знаменитого Доктора. И когда услышали утвердительный ответ, то поинтересовались у попугая, не нужно ли чего-нибудь Доктору во время путешествия.

Полинезия сказал:

— У нас кончился лук.

— Недалеко есть остров, где растет хороший дикий лук, — ответили дельфины. — Плывайте прямо, а мы его нарвем и принесем вам.

После этого дельфины нырнули в море, а вскоре попугай увидел, что они возвращаются и тащат лук по волнам в больших сетях из водорослей.

На следующий вечер, когда солнце начало садиться, Доктор попросил:

— Дай мне подзорную трубу, Чи-Чи. Наше путешествие подходит к концу. Очень скоро мы увидим берега Африки.

Часа через полтора путешественникам показалось, что они видят впереди нечто похожее на землю. Но тут начало темнеть, и ничего нельзя было утверждать с уверенностью.

Налетел сильный шторм с громом и молнией. Ветер завывал, дождь лил, как из ведра, волны вздымались так высоко, что перекатывались через борт. Вскоре послышался страшный удар. Корабль остановился и наклонился на бок.

— Что случилось? — встревожился Доктор, поднимаясь наверх.

— Похоже, мы потерпели кораблекрушение, — ответил попугай. — Скажи утке, чтобы она вылезла наружу и посмотрела.

Даб-Даб нырнула прямо в волны, а когда вернулась, сообщила, что корабль налетел на скалу, в днище большая дыра, трюм заливает, и суденышко может пойти ко дну.

— Мы обязательно должны добраться до Африки! — воскликнул Доктор. — Боже мой! Боже мой! Ну что ж, придется вплавь.

Однако Чи-Чи и Хрюк не умели плавать.

— Возьми веревку! — крикнул Полинезия. — Я же говорил вам, что она пригодится. Где утка? Даб-Даб, возьми конец веревки, привяжи на берегу к пальме, а другой мы закрепим на корабле.

Те, кто не умели держаться на воде, по веревке проползали до суши, неся с собой чемодан и саквояж Доктора.

Корабль уже ни на что не годился, бурное море вскоре разбило его о скалы, а обломки унесло прочь.

Потом они нашли убежище в большой пещере высоко в горах и переждали там непогоду, а на следующее утро с восходом солнца спустились на песчаный берег, чтобы обсохнуть.

— Дорогая старая Африка, — вздохнул Полинезия. — Как хорошо вернуться сюда. Только подумайте: завтра исполнится сто

шестьдесят девять лет с тех пор, как я покинул эти края, а ничего особенно не изменилось: те же старые пальмы, выжженная земля, черные муравьи! Но нет ничего лучше родного дома!

И тут все заметили, что на глазах Полинезии выступили слезы радости.

Затем Доктор вспомнил о своей шляпе, которую сдуло во время шторма, и Даб-Даб полетела искать ее. Вскоре она увидела шляпу далеко в море — качающуюся на волнах, как игрушечный корабль. Когда Даб-Даб спустилась, чтобы забрать ее, она обнаружила внутри испуганную белую мышку.

— Что ты здесь делаешь? — спросила утка. — Тебе же велели остаться там, в Пуделби.

— Но мне так хотелось увидеть, как выглядит Африка. Кроме того, у меня здесь родственники. Так что я спряталась в багаже и пробралась на судно вместе с галетами. Когда корабль начал тонуть, я ужасно перепугалась, потому что плаваю неважно. Я барахталась в воде, пока были силы, но вскоре почувствовала, что изнемогаю и скоро пойду ко дну. В этот миг я увидела проплывающую мимо шляпу старого джентльмена и забралась в нее, так как мне совсем не хотелось тонуть.

Утка схватила шляпу вместе с мышью и принесла ее на берег Доктору. Все собрались, чтобы взглянуть на находку.

— Это как раз то, что у вас называется ехать "зайцем", — сказал при этом Полинезия.

Вскоре, когда начали подыскивать удобное место в чемодане для белой мыши, обезьянка Чи-Чи сказала:

— Тс-с! Я слышу шаги в джунглях.

Все замолчали и прислушались. Чуть позже чернокожий человек вышел из леса и спросил, что они здесь делают.

— Мое имя Джон Дулиттл, Д-р, — сказал Доктор. — Меня просили приехать в Африку, чтобы вылечить больных обезьян.

— Для этого вы все должны показаться королю, — заявил чернокожий человек.

— Какому? — спросил Доктор, которому не хотелось терять время.

— Королю Джоллиджинки. Все эти земли принадлежат ему. Следуйте за мной.

Тогда они собрали багаж и отправились в джунгли вслед за посланцем короля.

Глава VI

ПОЛИНЕЗИЯ И КОРОЛЬ

После непродолжительного пути сквозь заросли они оказались на широкой поляне перед королевским дворцом, сплетенным из ила.

Здесь обитало все королевское семейство: король, королева Эрминтруда и их сын принц Бумпо. Его в это время не было дома: он ловил в реке семгу. Король и королева сидели под навесом перед парадной дверью. Эрминтруда спала.

Когда Доктор подошел к дворцу, Король спросил, чем он занимается, и Доктор объяснил, зачем прибыл в Африку.

— Тебе нельзя путешествовать по моей земле, — сказал Король. — Много лет назад белый человек приплыл к этим берегам, и я был очень добр к нему. Он раскопал всю землю в поисках золота, перебил всех слонов и забрал их бивни, а потом тайком убрался прочь на своем корабле, даже не поблагодарив меня. Никогда больше белый человек не будет путешествовать по земле Джоллиджинки.

Затем король повернулся к стоящим рядом чернокожим и распорядился:

— Уберите прочь этого доктора вместе во всеми его животными и закройте в самую прочную тюрьму.

Шестеро чернокожих отвели Доктора и его зверей в каменную темницу с одним маленьким зарешеченным окошком, почти у самого потолка, массивными прочными дверьми.

Доктор и его друзья очень опечалились, а поросенок начал плакать. Но Чи-Чи сказала, что отшлепает его, если он не прекратит издавать столь отвратительные звуки, и тот успокоился.

— Все ли мы здесь? — спросил Доктор после того, как его глаза стали привыкать к тусклому свету.

— Мне кажется, да, — ответила утка, пересчитывая окружающих.

— А где Полинезия? — поинтересовался крокодил. — Его здесь нет.

— Ты уверен? — отозвался Доктор. — Посмотри еще. Полинезия! Полинезия! Где ты?

— Похоже, он ускользнул, — проворчал крокодил. — Что ж, это похоже на него — улизнуть в джунгли, как только друзья попали в беду.

— Я совсем не похож на других птиц, — заметил попугай, вылезая из кармана пиджака Доктора. — Видите, я такой маленький, что могу пролезть сквозь решетку этого окошка, и боялся, как бы они не засадили меня в клетку. Поэтому пока Король был занят разговорами, я спрятался у Доктора в кармане. Это то, что вы называете уловкой, — пояснил он, приглаживая перышки клювом.

— Боже мой! — воскликнул Доктор. — Твое счастье, что я не сел на тебя.

— Теперь слушайте, — сказал Полинезия. — Сегодня, как только стемнеет, я пролезу сквозь решетку, полечу во дворец и, вы увидите, заставлю Короля быстренько выпустить вас из тюрьмы.

— Ах, что ты можешь сделать? Ты же только птица! — Хрюк задрал нос и вновь заплакал.

— Совершенно верно, — ответил попугай. — Но, пожалуйста, не забывай, что хотя я только птица, могу говорить, как человек, и знаю этих туземцев.

Ночью, когда луна светила сквозь пальмы, а вся королевская свита спала, попугай проскользнул сквозь решетку и полетел во дворец. За неделю до этого окно в кладовой было разбито теннисным мячом, и Полинезия свободно пролез в дырку.

Он слышал, как принц Бумпо похрапывает в своей комнате в задних покоях дворца. Аккуратно, на цыпочках Полинезия поднялся по лестнице в королевскую спальню, осторожно открыл дверь и заглянул внутрь.

Королева в ту ночь была на танцах у двоюродного брата, Король спал, как убитый.

Тихо, подобно тени, проскользнул Полинезия в комнату и забрался под кровать.

Потом он кашлянул точно так же, как обычно кашлял Доктор Дулиттл. Полинезия мог подражать любому.

Король открыл глаза и пробормотал спросонок:

— Это ты, Эрминтруда?

Он подумал, что Королева вернулась с танцев.

Тогда попугай кашлянул еще раз, громко, как мужчина, и Король, совершенно проснувшись, уселся на кровати и спросил:

— Кто здесь?

— Я, Доктор Дулиттл, — ответил Полинезия голосом Доктора.

— Что ты делаешь в моей спальне? — закричал Король. — Как ты посмел выйти из тюрьмы. Где ты? Я не вижу тебя.

Но попугай только рассмеялся звучным, веселым голосом.

— Прекрати смеяться и покажись сию минуту, чтобы я мог увидеть тебя, — потребовал Король.

— Глупый Король! — ответил Полинезия. — Разве ты забыл, что разговариваешь с Джоном Дулиттлом, Д-ром, самым замечательным из всех людей на земле? Конечно, ты не можешь меня видеть. Я сделался невидимкой. Нет ничего такого, чего бы я не умел. Теперь послушай. Я пришел предупредить тебя: если ты не позволишь мне и моим животным проехать через твои земли, я напущу на тебя и на всех твоих людей ту же болезнь, от которой страдают обезьяны. Я могу сделать людей здоровыми, и я же могу заставить их болеть — просто поднимая мизинец. Сейчас же пошли солдат открыть дверь темницы, или у тебя сильно испортится настроение, прежде чем солнце поднимется над холмами Джоллиджинки.

Король очень испугался и задрожал.

— Доктор, — закричал он, — все будет, как ты хочешь. Не поднимай свой мизинец, пожалуйста.

И он вскочил с кровати и побежал отдавать приказ солдатам, чтобы они открыли дверь тюрьмы.

Как только он ушел, Полинезия пробрался вниз по ступенькам и покинул дворец через окно кладовой.

Но Королева, орудуя отмычкой, как раз входила через черный ход и видела попугая, вылетавшего из разбитого окна. Когда Король вернулся и улегся в постель, она рассказала об этом.

Король понял, что был одурачен, и ужасно разозлился. Он тут же бросился в тюрьму, но ... слишком поздно. Дверь была открыта, темница пуста. Доктор и все животные исчезли.

Глава VII

МОСТ ИЗ ОБЕЗЬЯН

Никогда королева Эрминтруда не видела своего мужа в таком гневе, как в ту ночь. Он скрежетал зубами от ярости, обзывая всех дураками, швырял зубную щетку в дворцовую кошку, носился по дворцу в ночной рубашке, наконец, поднял всех своих солдат и отправил их в джунгли ловить Доктора. Затем он послал туда же всех слуг, поваров, садовников, парикмахеров, воспитателя принца Бумпо. Даже Королеве, порядком уставшей от танцев в тесных туфлях, он велел присоединиться к участникам поисков.

А Доктор и его животные изо всех сил бежали через лес в Страну Обезьян.

Хрюк с его коротенькими ножками быстро устал, и Доктор был вынужден нести его вместе с чемоданом и саквояжем, что было довольно тяжело.

Король Джоллиджинки думал, что его солдаты легко найдут беглецов, поскольку Доктор в чужой стране не знал дороги. Однако это было не так, потому что обезьянке Чи-Чи были знакомы все тропинки сквозь джунгли — даже лучше, чем людям Короля. Она провела Доктора и его животных через самые густые заросли там, где не ступала нога человека, и спрятала всех в большом полом дереве среди высоких скал.

— Лучше переждать здесь, пока солдаты не вернуться домой, — сказала Чи-Чи. — Тогда мы сможем отправиться в Страну Обезьян.

И они провели там целую ночь.

Часто слышно было, как люди Короля их ищут и переговариваются где-то поблизости. Но путешественники находились в полной безопасности, потому что никто, ни один человек и даже ни одна обезьяна, кроме Чи-Чи, не знали об этом убежище.

Наконец, когда дневной свет начал пробиваться сквозь густую листву, они услышали, как Королева Эрминтруда устало заявила, что дальше искать нет никакого смысла и можно возвращаться домой и немного поспать.

Как только солдаты отправились отдыхать, Чи-Чи вывела Доктора из тайника, и все отправились в Страну Обезьян.

Это был долгий, очень трудный путь, и они часто очень уставали — особенно Хрюк. Но когда он начинал слабеть, ему давали молока из кокосовых орехов.

У Доктора и животных всегда было много еды и напитков, потому что Чи-Чи и Полинезия знали все сорта фруктов и овощей, что росли в джунглях, — финики, инжир, земляные орехи, имбирь, батат — и показывали, где их найти. Они делали напиток из сока дикорастущих апельсинов, подслащенный медом из пчелиных гнезд, которые находили в дуплистых деревьях. Что бы они ни попросили, Чи-Чи и Полинезия всегда могли добыть это или предложить что-нибудь взамен. Однажды, когда Доктору захотелось курить, а его запасы кончились, обезьяна с попугаем добыли даже табак.

Ночью они спали в палатках из пальмовых листьев на мягких постелях из сухой травы. Вскоре они привыкли идти подолгу, не слишком уставая, и наслаждались жизнью путешественников.

Друзья всегда радовались наступлению ночи и остановке на привал. Доктор научился добывать огонь в помощью палочек, а после ужина все садились в кружок и слушали песни моря, которые пел Полинезия, или истории из жизни джунглей, которые рассказывала Чи-Чи.

Многие рассказы Чи-Чи были удивительно интересны. Конечно, у обезьян не было книг по собственной истории (пока Доктор Дулиттл не приехал, чтобы написать их), однако они помнили все примечательные случаи, рассказы о которых передавались из поколения в поколение. И Чи-Чи вспоминала о том, что слышала от бабушки. Это были давние предания, восходящие к временам до Ноева ковчега и Всемирного потопа, когда человек одевался в шкуры животных, жил в пещерах и ел сырое мясо, потому что еще не знал огня. Она рассказывала об огромных мамонтах и ящерах длиной с поезд, которые тогда прогуливались среди гор и пощипывали верхушки деревьев. И часто Доктор и его друзья так увлекались, слушая Чи-Чи, что

когда она заканчивала очередную историю, костер гас и надо было поскорее собрать побольше веток и развести новый.

А тем временем королевские солдаты вернулись домой и положили Королю, что не смогли найти Доктора, но тот снова послал их на поиски беглецов и велел оставаться в джунглях до тех пор, пока те не найдутся.

И получилось, что Доктор и его животные пробирались в Страну Обезьян, уверенные в своей полной безопасности, а люди Короля шли за ними по пятам.

Если бы Чи-Чи стало известно об этом, она, скорее всего, вновь бы спрятала Доктора. Но обезьянка ничего не знала.

Однажды Чи-Чи вскарабкалась на высокую скалу и начала осматриваться поверх деревьев, а спустившись, сообщила, что Страна Обезьян уже рядом и они скоро там будут.

В тот же вечер они действительно увидели двоюродного брата Чи-Чи и множество других, еще не заболевших обезьян, сидевших на деревьях у болота в ожидании Доктора. Когда же они увидели, что знаменитый Доктор прибыл, то, приветствуя его, обезьяны подняли страшный шум. Они кричали, размахивали листьями, раскачивались на ветвях.

Они захотели понести саквояж, чемодан и другие вещи, а одна большая обезьяна даже подхватила Хрюка, который вновь утомился.

Затем две обезьяны помчались вперед, чтобы сообщить большим жителям своей страны, что великий Доктор здесь.

Однако королевские солдаты, все еще идущие по следам беглецов, услышав приветственные крики обезьян, поняли, где Доктор, и поспешили туда, чтобы схватить его.

Большая обезьяна, несущая Хрюка, медленно шла позади и первой увидела королевского полководца, крадущегося между деревьями. Тогда она бросилась к Доктору и предупредила, что надо бежать от преследователей.

Доктор и его животные помчались изо всех сил, так, как никогда в жизни не бегали. Следующие за ними королевские солдаты тоже прибавили шагу, а полководец понесся быстрее всех.

Вдруг Доктор споткнулся, зацепившись о свой чемодан с лекарствами, и свалился в грязь, и полководец подумал, что уж на этот раз наверняка схватит беглеца.

Но у полководца были очень длинные уши и очень короткие волосы. И как только он устремился вперед, чтобы задержать Доктора, одно его ухо крепко зацепилось за дерево, и солдаты остановились, чтобы помочь своему начальнику.

А в это время Доктор поднялся с земли и снова побежал вперед вместе со своими друзьями. Вскоре Чи-Чи закричала:

— Все в порядке! Мы уже близко!

Но тут все были вынуждены остановиться, потому что оказались на кругом скалистом берегу широкой реки. Это была граница королевства Джоллиджинки. Страна Обезьян начиналась на другом берегу.

Пес Джип посмотрел вниз с края обрыва и спросил:

— Как же мы переберемся?

— О Боже мой! — воскликнул Хрюк. — Королевские солдаты уже совсем близко, посмотрите! Боюсь, мы снова попадем в тюрьму.

И он заплакал.

Однако большая обезьяна, которая несла поросенка, поставила его на землю и закричала остальным:

— Ребята, мост! Быстро! Стройте мост! У нас всего минута! Они освободили полководца, и он бежит сюда, как олени! Живей! Мост! Мост!

Доктор заинтересовался, из чего же обезьяны собираются строить мост, и начал озиаться по сторонам в поисках спрятанных досок.

Однако, когда он посмотрел вперед, то увидел висящий через реку мост из живых обезьян! Пока он осматривался, быстрые, как молния, обезьяны образовали мост, крепко сцепившись руками и ногами.

Большая обезьяна закричала Доктору:

— Переходите! Переходите все быстрее!

Хрюк был немного напуган, переходя по узкому мостику на такой головокружительной высоте над рекой. Но он перебрался благополучно, как и остальные.

Джон Дулиттл шел последним. И когда он был уже у противоположного берега, королевские солдаты подбежали к обрыву. Увидев, что произошло, они затрясли кулаками и закричали от ярости. Преследователи опоздали. Мост был переброшен. Доктор и все животные находились в безопасности в Стране Обезьян.

Чи-Чи повернулась к Доктору и сказала:

— Многие великие исследователи и седобородые натуралисты провели долгие недели, прячась в джунглях, чтобы увидеть этот обезьяний трюк. Но мы не позволяли до этого взглянуть на него ни одному белому человеку. Ты первый, кто видел знаменитый мост обезьян.

И Доктору было очень приятно.

Глава VIII

ПРЕДВОДИТЕЛЬ ЛЬВОВ

Теперь Джон Дулиттл был ужасно занят. Он встретил сотни, тысячи больных обезьян всех видов: горилл, орангутангов, шимпанзе, мартышек, бабуинов, похожих на собак, серых и рыжих обезьян.

Первым делом Доктор отделил больных от здоровых, затем попросил Чи-Чи и ее двоюродного брата построить ему из травы небольшой домик. Затем еще здоровым обезьянам Дулиттл сделал прививку.

Три дня и три ночи обезьяны все шли и шли из лесов, долин и холмов к маленькому домику, где Доктор днем и ночью их принимал.

Потом у него появился другой дом, большой, с множеством кроватей. Дулиттл перевел туда всех больных.

Но их было так много, что не хватало здоровых обезьян, чтобы ухаживать за ними. Тогда Доктор попросил прийти на помощь львов, леопардов, антилоп. Но предводитель львов был очень горд и, когда подошел к большому дому Доктора, где из-за кроватей негде было шагу ступить, выглядел рассерженным и высокомерным.

— Как вы осмелились просить об этом меня, сэр? — возмутился он, свирепо глядя на Доктора. — Как вы осмелились просить меня, царя зверей, прислуживать толпе грязных обезьян? Да я не стал бы их даже есть в перерыве между нормальной пищей!

Хотя лев выглядел очень страшным, Доктор изо всех сил старался не показать испуга.

— Я не просил вас есть их, — ответил он тихо. — И, кроме того, они совсем не грязные. Все мылись сегодня утром. Ваша шерсть выглядит так жалко, что, похоже, нуждается в чистке. Теперь слушайте, что я вам скажу: может настать такой день, когда разболеются и львы. И если вы не поможете другим животным сейчас, то и львам не помогут, когда они попадут в беду. Такое часто бывает с гордецами.

— Львы никогда не попадают в сложные ситуации, они только создают их, — ответил Предводитель и величественно направился в джунгли, гордясь своей находчивостью и остроумием.

И леопарды отказались помогать Доктору. А за ними, конечно, и антилопы, хотя те были слишком застенчивы и скромны, чтобы грубить Доктору, как лев. Они лишь били копытом землю, глупо улыбались и утверждали, что никогда раньше не ухаживали за больными.

Бедный Доктор ужасно волновался и спрашивал себя, где найти помощников, чтобы ухаживать за тысячами обезьян.

Однако когда Предводитель львов вернулся в свое логово, то увидел, что выбежавшая ему навстречу жена, Королева Львица, выглядит очень расстроенной:

— Один из наших малышей не хочет ничего есть, — пожаловалась она. — Не знаю, что с ним делать. С прошлого вечера у него маковой росинки во рту не было.

И она заплакала и задрожала от волнения, потому что была хорошей заботливой матерью, хотя и львицей.

Тогда Предводитель вошел в логово и взглянул на детей — двух очаровательных малышей, лежащих на земле. На одного из них просто больно было смотреть.

А когда лев с гордым видом поведал жене, что он сказал Доктору, она рассердилась и стала выталкивать его из пещеры.

— У тебя никогда не было ни капли мозгов! — кричала она. — Все животные до самого Индийского океана только и твердят об этом замечательном человеке, о его доброте, о том, как он может вылечить любую болезнь. Ведь он единственный во всем мире человек, который умеет говорить на языке животных. И теперь, когда у нас заболел ребенок, ты оскорбил его! Болван! Только дурак может обидеть Доктора. Ты ... — и она вцепилась в шерсть мужу.

— Сейчас же возвращайся к тому человеку и извинись перед ним! — продолжала она. — И возьми с собой всех остальных

пустоголовых львов и этих дурных леопардов и антилоп. Делай все, что Доктор тебе скажет. Работай, как негр! И, возможно, по доброте своей доктор позже навестит нашего малыша. А теперь иди! Бегом, я тебе говорю! Ты не создан быть отцом!

И она отправилась в соседнее логово к другой львице-матери, чтобы рассказать о случившемся.

А Предводитель Львов вернулся к Доктору и сказал:

— Я проходил мимо и решил заглянуть. Вам еще никто не пришел на помощь?

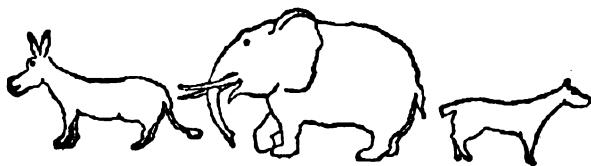
— Нет, — ответил Доктор, — и меня это ужасно беспокоит.

— Не так-то просто добиться помощи в наше время, — заметил лев. — Похоже, животные не хотят больше трудиться. И нельзя порицать их, так как... Короче, видя, в каком вы затруднительном положении и желая оказать вам услугу, я готов помочь, лишь бы мне не пришлось мыть обезьян. И я уже сказал остальным животным, желающим принять участие в работе. Леопарды будут здесь с минуты на минуту. Да, кстати, у нас дома заболел детеныш. Я-то сам не думаю, будто там что-то особенное, но жена беспокоится. Если бы вы оказались в наших краях сегодня вечером, то не могли бы посмотреть его?

Доктор очень обрадовался, поскольку все львы, леопарды, антилопы, жирафы и зебры — все животные из всех лесов, гор и равнин пришли помочь ему. Зверей было так много, что он отправил часть назад и оставил у себя только самых сообразительных.

Вскоре после этого обезьяны начали поправляться, и к концу недели большой дом с кроватями был полупустым. А через две недели выздоровела последняя обезьянка.

Работа у Доктора закончилась, но он так устал, что проспал три дня и три ночи, даже не повернувшись с боку на бок.

Глава IX

ОБЕЗЬЯНИЙ СОВЕТ

Пока Доктор спал, Чи-Чи сидела у дверей, не пуская никого. Потом Джон Дулиттл сказал обезьянам, что ему пора возвращаться в Пуделби. Это их очень удивило, им казалось, доктор собирается остаться навсегда.

В ту же ночь в джунглях собрались обезьяны.

Главный шимпанзе поднялся и сказал:

— Почему этот хороший человек уезжает? Разве ему плохо с нами?

Но никто не мог ему ответить.

Тогда выступила Главная Горилла:

— Мне кажется, нам всем следует пойти попросить его остаться. Может, если мы построим ему новый дом с большой кроватью и пообещаем дать множество обезьян-служанок, которые бы работали на него и улаживали ему жизнь, он не захочет уезжать.

Потом поднялась Чи-Чи, и все зашептали:

— Тс-с! Слушайте! Чи-Чи, великая путешественница, хочет что-то сказать!

И Чи-Чи заявила:

— Друзья мои, Доктора бесполезно просить остаться. Он должен отдать в Пуделби деньги, которые задолжал.

И тогда обезьяны спросили ее:

— А что такое деньги?

И Чи-Чи объяснила, что в Стране Белых Людей ничего не получишь без денег, ничего не сможешь сделать без денег, там просто невозможно жить без денег.

Кто-то из обезьян спросил:

— Что же, там и пить и есть без денег нельзя?

Чи-Чи кивнула в ответ и рассказала, что даже когда она служила у шарманщика, была вынуждена выпрашивать у детей деньги. После этого Главный Шимпанзе повернулся к Старейшему Орангутангу и сказал:

– Послушай, братец, странные существа эти люди. Кому захочется жить в их стране? Боже, какая глупость!

Однако Чи-Чи продолжала:

– Когда мы собирались приехать к вам, у нас не было ни корабля, чтобы переплыть море, ни денег, чтобы купить еды на время путешествия. Тогда один хороший человек одолжил нам сухого печенья, и мы пообещали, что заплатим ему, когда вернемся. Мы также наняли корабль у моряка, но корабль разбился о скалу у берега Африки. Теперь Доктор говорит, что должен добыть моряку другой корабль, потому что моряк беден, у него только и было, что это суденышко.

Обезьяны на какое-то время замолчали, успокоились и сосредоточенно задумались.

Наконец поднялся Самый Большой Бабуин:

– Думаю, мы не должны позволить, чтобы этот хороший человек уехал без какого-нибудь замечательного подарка, который покажет, как мы благодарны за все сделанное.

Крошечная рыжая обезьяна, сидевшая на дереве, закричала:

– Верно! Верно!

И все стали изо всех сил шуметь, кричать:

– Точно! Точно! Давайте найдем подарок, какого не было ни у одного Белого Человека!

Тут они начали думать, советоваться, что бы такое подарить.

– Пятьдесят сумок кокосовых орехов! – крикнула одна обезьяна.

– Сто связок бананов! – отозвалась другая. – По крайней мере нам не надо покупать эти фрукты в Стране-Где-Платишь-Чтобы-Есть!

Но Чи-Чи сказала, что всю эту еду слишком тяжело нести и что она наполовину испортится, пока ее съедят.

– Если вы хотите сделать Доктору приятное, – продолжала Чи-Чи, – подарите ему какое-нибудь редкое животное, которого нет в зверинцах. Не сомневайтесь, он будет добр к нему.

Обезьяны стали спрашивать:

– Что такое зверинец?

Чи-Чи объяснила, что зверинцы – это такие места в Стране Белых Людей, где животные сидят в клетках, а люди приходят полюбоваться на них. И обезьяны были поражены:

— Эти люди, как бестолковые сосунки — безмозглые и забавляющиеся ерундой. Фу! Да это же не зверинец, а тюрьма.

Потом они спросили Чи-Чи, что за редкое животное можно подарить Доктору, такое, какого Белые Люди еще в глаза не видели. Старая Мартышка спросила:

— Есть ли у них там игуана?

Чи-Чи отмахнулась:

— Да, одна в лондонском зоопарке.

Другая обезьяна предложила:

— А окапи?

Но Чи-Чи пояснила:

— В Бельгии, где я была со своим шарманщиком, мы видели окапи в большом городе, который называется Антверпен, пять лет назад.

Третья обезьяна нашла выход:

— А есть ли у них Тяни-Толкай?

И Чи-Чи сказала:

— Нет, ни один Белый Человек не видел Тяни-Толкай. Давайте достанем его для Доктора.

Глава X

САМОЕ РЕДКОЕ В МИРЕ ЖИВОТНОЕ

Тяни-Толкай теперь вымерли. Их больше нет. Но много лет назад, когда жил Доктор Дулиттл, они еще водились в непроходимых джунглях Африки, но и тогда уже их мало кто встречал. У Тяни-Толкаев было по две головы, увенчанных острыми рогами. Одна голова располагалась над передними ногами, а вторая, повернутая в противоположную сторону, — над задними. Поэтому Тяни-Толкай видел все вокруг, не оглядываясь назад. Тяни-Толкай были очень осторожными, никто не мог их поймать. Чернокожие охотники ловили животных, в основном подкрадываясь к ним сзади, незаметно. С Тяни-Толкаем этого сделать было нельзя, потому что откуда бы

вы ни подходили, он всегда смотрел на вас. Кроме того, одна голова время от времени спала, другая бодрствовала и смотрела вокруг. Вот почему Тяни-Толкаев никто никогда не видел в зоопарках. Хотя многие великие охотники и умнейшие содержатели зоопарков провели годы, выслеживая днем и ночью в джунглях Тяни-Толкаев, ни один так и не был пойман. Даже тогда, много лет назад, это было единственное животное в мире с двумя головами.

Итак, обезьяны отправились сквозь лес на охоту за этим животным, и после долгого пути одна из них увидела странные следы у кромки реки. Было очевидно, что Тяни-Толкай где-то неподалеку.

Они немного прошли вдоль берега и увидели участок, заросший высокой сочной травой. Конечно, Тяни-Толкай там.

Тогда обезьяны взялись за руки, образовав большое кольцо вокруг лужайки, где скрывался Тяни-Толкай. Услышав их приближение, он попытался вырваться, но это не удалось, тогда он сел и стал ждать.

Обезьяны спросили, не хотел бы он поехать вместе с Доктором Дулиттлом в Страну Белых Людей, где его будут показывать, но Тяни-Толкай решительно закачал обеими головами и сказал:

— Конечно, нет!

Ему объяснили, что его не запрут в зверинце, а только будут выставлять для обозрения. Обезьяны объяснили, что Доктор — очень добрый человек, но у него совсем нет денег, а люди готовы платить, чтобы увидеть двухголовое животное. Доктор разбогатеет и сможет заплатить за корабль, который он одолжил, чтобы приехать в Африку.

Тяни-Толкай ответил:

— Нет. Ни за что. Вы знаете, какой я стыдливый. Не выношу, когда на меня смотрят.

И он чуть не заплакал.

Три дня обезьяны уговаривали его Наконец, Тяни-Толкай сказал, что хочет сначала посмотреть, что за человек этот Доктор. Обезьяны вместе с Тяни-Толкаем пришли к маленькому травяному домику, где жил Доктор, и постучали в дверь.

Утка, собиравшая чемодан, ответила:

— Войдите!

Чи-Чи с гордым видом показала необычное животное Доктору.

— Что это за чудо такое? — спросил Джон Дулиттл, пристально разглядывая странное существо.

— Боже мой! — закричала утка. — Как же это у него соединяются мозги?

— Похоже, у него их и вовсе нет, — заметил пес Джип.

— Доктор, — заявила Чи-Чи, — Тяни-Толкай самый редкий зверь африканских джунглей, единственное двухголовое животное в мире. Возьми его к себе домой — и твое будущее обеспечено. Люди будут платить, чтобы взглянуть на него.

— Но мне совсем не нужны деньги, — смутился Доктор.

— Нужны, нужны, — вмешалась Даб-Даб. — Разве ты забыл, как мы должны были экономить и ограничивать себя, чтобы оплатить счета мясника в Пуделби. А как ты намереваешься вернуть моряку новый корабль, если у тебя нет денег, чтобы его купить?

— Я собирался построить его.

— Да приди же в себя! — закричала Даб-Даб. — Где ты возьмешь дерево и гвозди? А на что мы будем жить? Когда мы вернемся, то окажемся еще беднее, чем прежде. Чи-Чи совершенно права: обязательно возьми с собой эту смешную штуку.

— Что ж, возможно, в твоих словах что-то есть, — пробормотал Доктор. — Это наверняка был бы прекрасный новый вид домашнего животного. Но захочет ли этот — как там его, поехать в другую страну?

— Да, я согласен, — ответил Тяни-Толкай, который сразу же, лишь взглянув на Доктора, понял, что ему можно верить. — Ты был так добр ко всем животным здесь, и обезьяны сказали мне, что только я могу тебе помочь. Но ты должен пообещать, что отправишь меня назад, если мне не понравится в Стране Белых Людей.

— Ну, что ты, конечно-конечно, — сказал Доктор. — Извини меня, ты действительно принадлежишь к семейству оленей, не правда ли?

— Да, к абиссинским газелям и азиатским сернам — по материнской линии, а мой прапрадедущка был последним единокором.

— Крайне интересно! — пробормотал Доктор. — Затем он достал из чемодана книгу, которую только что упаковала Даб-

Даб, и начал листать. — Давайте посмотрим, есть ли об этом что-нибудь у знаменитого натуралиста Бюффона...

— Ты издаешь звуки при помощи только одного своего рта, — заметила утка. — А другая голова умеет говорить?

— Да, — ответил Тяни-Толкай. — Но второй рот мне нужен в основном для еды. И я таким образом могу одновременно есть и говорить, не нарушая правил приличия. Мои родственники всегда были очень вежливыми.

Когда вещи были уложены и все готово к отъезду, обезьяны устроили грандиозный званый обед в честь Доктора, на который пришли все животные джунглей. Их угощали ананасами, манго, медом и другими вкусными вещами.

После сытной трапезы Доктор поднялся и сказал:

— Друзья мои, в отличие от некоторых, я не умею произносить длинных речей. Просто я съел много фруктов и выпил много меда. Но, хочу сказать, мне очень грустно покидать вашу прекрасную землю. Но поскольку у меня есть дела в Стране Белых Людей, я должен ехать. Следите, чтобы мухи не садились вам на еду и не спите на земле под дождем. Тогда вы будете здоровы и счастливы.

Когда Доктор сел, все обезьяны долго хлопали в ладоши и говорили друг другу:

— Пусть наши народы навсегда запомнят, что здесь, под деревьями, он ел вместе с нами. Потому что он, несомненно, Величайший из Людей.

И Главная Горилла, сильная, как семь лошадей, прикатила громадный камень к почетному месту за столом, где сидел Дулиттл, и сказала:

— Этот камень всегда будет напоминать, что это место Доктора.

Камень и по сей день там, в сердце джунглей. И обезьяны-матери, пробираясь по лесу со своими семьями, указывают на него с ветвей своим детям и шепчут:

— Тс-с! Вот оно, смотрите, место, где Добрый Человек сидел с нами в Год Большой Болезни!

После обеда Доктор вместе со своими животными двинулся к берегу моря. И все обезьяны отправились проводить его до границы их владений и несли чемодан и сумки.

Глава XI

ЧЕРНЫЙ ПРИНЦ

У кромки реки они остановились, чтобы проститься. Это заняло много времени, потому что каждая из тысяч обезьян хотела пожать руку Доктору Дулиттлу.

Потом, когда Доктор и его животные продолжали путь, Полинезия сказал:

— Мы должны идти осторожно и говорить шепотом, потому что идем по земле Джоллиджинка. Если Король услышит, он пошлет солдат, чтобы вновь схватить нас, так как, я уверен, он страшно зол за ту шутку, которую я сыграл.

— Хотелось бы знать, где мы возьмем корабль, чтобы вернуться домой, — заметил Доктор. — Может, найдем заброшенное судно на берегу? Впрочем, зачем заранее об этом думать?

А вскоре, когда они шли сквозь очень густые заросли, и Чи-Чи отправилась вперед поискать кокосовых орехов, Доктор и другие животные, не знавшие джунглей, заблудились в глухой чащобе. Они бродили взад и вперед, но никак не могли найти дорогу, ведущую к берегу моря. Чи-Чи вернулась и, не найдя своих друзей, ужасно расстроилась. Она забиралась на высокие деревья и всматривалась вокруг, надеясь увидеть высокую шляпу Доктора, размахивала руками и кричала, звала всех по именам. Но все усилия были бесполезны. Ее друзья словно куда-то провалились. Они в самом деле заблудились, ушли далеко от тропинки, а заросли из деревьев, кустов, вьющихся и ползучих растений были столь густыми, что иногда Доктору приходилось доставать карманный нож и прорубать всем путь. Путники увязали в сырых, болотистых топях, запутывались в скрученных ползучих растениях, царапались о шипы и дважды чуть не потеряли сумку с медикаментами в молодой поросли. Бедствиям не было конца, нигде они не могли найти тропинку.

Наконец, после многодневных блужданий, в изорванной одежде и с измазанными грязью лицами они вдруг оказались

позади Королевского дворца. Тут же прислужники Короля их схватили. Однако Полинезия незаметно взлетел на дерево в саду и спрятался, а Доктор с остальными был доставлен к Королю.

— Ха-Ха! — засмеялся правитель. — Значит, вновь попались. На этот раз вам не выбраться. Отправьте всех в тюрьму и укрепите запоры на дверях. Этот человек будет мыть полы моей кухни до конца своих дней!

Приказ был выполнен. Доктора с животными опять заточили в тюрьму, а с утра он должен был драить кухню.

Все были крайне удручены.

— Какая досада! — сетовал Доктор. — Я в самом деле должен вернуться в Пуделби, а то бедный моряк подумает, что я украл у него корабль. Интересно, насколько надежны дверные петли.

Но запоры были очень прочны. Казалось, выбраться не было никакой возможности.

Поросенок вновь принялся хныкать.

А Полинезия сидел на дереве в дворцовом саду, прикрыв глаза, и молчал. Так он всегда поступал в трудных случаях. Если попугай молчал, прикрыв глаза, значит кто-то натворил бед, и он думал, как все поставить на свои места. Люди, причинившие неприятности Полинезии, или его друзьям, потом почти всегда сожалели об этом.

Вскоре он заметил Чи-Чи, которая качалась среди ветвей и все еще разыскивала Доктора. Когда и Чи-Чи увидела попугая, она перебралась к нему поближе и спросила, что случилось.

— Доктор и все животные вновь схвачены людьми Короля и заточены в тюрьму, — прошептал Полинезия. — Мы потерялись в джунглях и, идя вслепую, по ошибке забрели в дворцовый сад.

— Что же ты не показал им дорогу? — спросила Чи-Чи и начала бранить попугая, упрекая его в том, что из-за него Доктор и животные потерялись, пока она собирала кокосовые орехи.

— Во всем виноват глупый поросенок, — ответил Полинезия. — И надо было ему умчаться с тропинки в поисках корней имбиря! И я изрядно заплутался, ловя его и возвращаясь назад, так что, когда мы подошли к болоту, повернул налево, а не направо. Т-с-с! Смотри! Принц Бумпо идет в сад. Ему незачем нас видеть. Замри, что бы ни случилось!

И действительно, королевский сын принц Бумпо открывал калитку в сад. Под мышкой у него была книга сказок. Он брел, мурлыкая печальную песенку, по дорожке, посыпанной гра-

вием, пока не подошел к каменной скамеечке, над которой прятались обезьяна с попугаем. Он улегся и стал читать волшебные истории.

Чи-Чи и Полинезия наблюдали за ним, затаив дыхание. Через некоторое время принц отложил книгу и утомленно вздохнул.

— О, если бы я был белым принцем, — вздохнул он мечтательно.

Тогда попугай громко сказал высоким, звонким, как у маленькой девочки, голосом:

— Бумпо, возможно, кто-то и сможет превратить тебя в белого принца.

Принц вскочил со скамеечки и огляделся.

— Что я слышу? — закричал он. — Мне показалось, что сладкая музыка прозвучала из той вон беседки. Странно!

— Достойный принц, — продолжал в ветвях Полинезия, — ты изрек крылатые слова истины. Это я, Трипситинка, Королева Фей, говорю с тобой. Я прячусь в бутоне розы.

— О, скажи мне, Королева Фей, кто может сделать меня белым? — закричал Бумпо, сжимая от радости руки.

— В тюрьме твоего отца, — продолжал попугай, — сидит знаменитый волшебник по имени Джон Дулиттл. Он очень сведущ в медицине и совершил множество удивительных дел. Несмотря на это, твой царственный отец заставил его прозябать в темнице. Иди к нему на закате, храбрый Бумпо, и, может быть, он поможет тебе. Прощай! Я и так сказала слишком много. Мне пора возвращаться в Волшебную Страну.

— Прощай! — закричал Принц. — Тысячу благодарностей, добрая Трипситинка!

И он вновь сел на скамейку, улыбаясь, в ожидании заката солнца.

Глава XII

МЕДИЦИНА И МАГИЯ

Тихо, очень тихо, убедившись, что никто не видит его, Полинезия перебрался на противоположную сторону дерева и оттуда полетел дальше к тюрьме.

Там он увидел Хрюка. Тот пытался просунуть свой нос между прутьями решетки, стремясь уловить запахи, доносившиеся из дворцовой кухни. Полинезия попросил поросенка подвести к окну Доктора. Тот разбудил его.

— Послушай, — прошептал попугай Дулиттлу, — к тебе сегодня вечером придет принц Бумпо. — Ты должен каким-то образом сделать его белым, но пусть он сначала пообещает открыть двери тюрьмы и найти тебе корабль для возвращения домой.

— Все это очень хорошо, — сказал Доктор. — Только ведь совсем непросто превратить черного человека в белого. Как будто речь идет об одежде, которую нужно перекрасить. Это не так легко.

— Ничего не знаю, — прервал нетерпеливо Полинезия. — Но ты должен сделать этого принца белым. Подумай, как это выполнить, и получше. У тебя множество лекарств, придумай что-нибудь, и он сделает для тебя все, что угодно. Это единственный шанс выбраться из тюрьмы.

— Ну, если так, надо подумать, — сказал Доктор и потянулся к сумке с лекарствами, бормоча что-то вроде:

— Освобождение хлора в пигменте животных, может, цинковая мазь, положенная толстым слоем, как временное средство...

Вечером принц Бумпо пришел тайком к Доктору в тюрьму и взмолился:

— Белый Человек, я несчастный принц. Давным-давно я отправился на поиски Спящей Красавицы, о которой прочел в книге. После долгих странствий я, наконец, нашел ее и нежно поцеловал, чтобы разбудить, как учили в книге. И в самом деле она проснулась, но, увидев мое лицо, в ужасе закричала: "Ой, он же черный!". И не вышла за меня замуж, тут же умчалась

прочь и улеглась спать где-то в другом месте. Я же, исполненный печали, вернулся в королевство отца. Я слышал, что ты замечательный волшебник и что у тебя много сильнодействующих снадобий. Поэтому я и пришел к тебе за помощью. Если ты сделаешь меня белым, чтобы я мог предстать перед спящей красавицей, я дам тебе половину моего королевства и, кроме того, все, что ты попросишь.

— Принц Бумпо, — глубокомысленно изрек Доктор, глядя на бутылочки с лекарствами у себя в сумке, — предположим, я сделаю так, что у тебя вырастут прекрасные белокурые волосы. Может быть, тогда ты забудешь о своей просьбе и будешь счастлив?

— Нет, — ответил Бумпо. — Ничто другое не удовлетворит меня. Я должен стать белым принцем.

— Знаешь, как это сложно — изменить цвет кожи, — сказал Доктор. — Это одна из тяжелейших задач для волшебника. Ты хочешь, чтобы у тебя было белым только лицо, не так ли?

— Да, этого довольно, — подтвердил Бумпо. — Я облачусь в блестящие доспехи и стальные рукавицы, как другие белые принцы, и буду верхом на коне.

— Должно ли быть белым все лицо?

— Конечно, — ответил Бумпо. — И я также хотел, чтобы у меня были голубые глаза, но, я думаю, этого совсем уж сложно добиться.

— Да, очень, — быстро согласился Доктор. — Хорошо, я сделаю для тебя все, что смогу. Ты должен быть очень терпелив, хотя... знаешь, о некоторых медицинских препаратах ничего нельзя сказать наверняка. Мне потребуется две или три попытки. У тебя кожа крепкая? Да, действительно, все в порядке. Теперь возвращайся с фонарем. Да, но прежде чем я что-нибудь сделаю, ты должен спуститься к морю и подготовить корабль с припасами, который увезет меня отсюда. Никому ни слова! И когда я исполню твою просьбу, ты освободишь меня и всех моих животных из тюрьмы. Поклянись короной Джиллиджинки!

Принц поклялся и убежал готовить корабль.

Когда он вернулся и сказал, что все сделано, Доктор попросил утку Даб-Даб принести тазик и, смешав в нем множество лекарств, предложил принцу Бумпо опустить туда лицо.

Принц нагнулся и погрузил лицо в таз до самых ушей.

Он оставался в такой позе очень долго. Доктор стал даже беспокоиться. Переминаясь с ноги на ногу, он снова и снова пересматривал пузырьки из-под препаратов, перечитывал этикетки. Сильный запах, как от жженой бумаги, наполнил тюремную камеру.

Наконец, принц, тяжело дыша, поднял голову, и все воскликнули от изумления.

Лицо Бумпо стало белым, как снег, а невыразительные бесцветные глаза приобрели стальной блеск.

Когда Джон Дулиттл протянул ему маленькое зеркальце и он взглянул в него, то запел от радости и начал приплясывать.

Доктор быстро закрыл сумку с лекарствами и потребовал поскорее открыть ему двери тюрьмы.

Бумпо упросил оставить ему зеркальце — оно было единственным в королевстве Джиллиджинки, и он хотел смотреться в него целый день. Но Доктор сказал, что оно нужно ему самому — для бритья.

Потом принц вытащил из кармана связку медных ключей и отпер большие замки. И Доктор вместе со своими животными быстро побежал к морю, а Бумпо, прислонившись к стене опустевшей тюрьмы, счастливо улыбался им вслед, а лицо его сияло при свете луны, как полированная слоновая кость.

Когда доктор и его друзья добежали до берега, они увидели Полинезию и Чи-Чи, ожидающих его на скалах вблизи корабля.

— Я виноват перед Бумпо, — сказал Доктор. — Боюсь, что действие моего препарата не будет долгим. Скорее всего, принц завтра на рассвете станет таким же черным, как раньше. Это одна из причин, почему я не оставил ему зеркальца. Но, может случиться, он останется белым — я раньше никогда не пробовал этот препарат. Честно говоря, я был сам удивлен, что все это превращение так хорошо удалось. Но я должен был что-либо сделать, не правда ли? Не мог же я мыть Королевскую кухню до конца своих дней? Она была такая грязная. Я видел ее из окна тюрьмы. Ну-ну, бедный Бумпо.

— Он подумает, что мы просто пошутили над ним, — сказал попугай.

— Нечего было нас запирать, — вмешалась Даб-Даб, сердито тряся хвостом. — Мы не причинили ему никакого вреда. Если он снова почернеет, это пойдет ему на пользу! Пусть станет хоть иссиня-черным, чем это плохо?

— Но он-то совершенно ни при чем, — возразил Доктор. — Это Король, его отец, запер нас, здесь нет вины Бумпо... Интересно, если бы я должен был вернуться и извиниться... Ну, хорошо, я пошлю ему конфет, когда вернусь в Пуделби. И кто знает? В конце концов, он может остаться белым.

— Даже если это случится, Спящая Красавица не пойдет за него замуж, — решительно выразила свое мнение Даб-Даб. — Мне кажется, он раньше выглядел лучше. Впрочем, как бы он ни красился, всегда будет уродом.

— Но у него доброе сердце, — напомнил Доктор. — Романтическое, конечно, но доброе. В конце концов, не с лица воду пить, как говорится.

— Не верится, что бедный дурень вообще видел Спящую Красавицу, — вмешался пес Джип. — Скорее всего, он поцеловал какую-нибудь толстую фермершу, которая прилегла вздремнуть под яблоней. Не будем осуждать ее, что она испугалась! Интересно, кого он поцелует на этот раз? Чистая глупость!

Потом Тяни-Толкай, белая мышь, Хрюк, Даб-Даб, Джип и Бу-Бу взошли на корабль вместе с Доктором, а Чи-Чи, Полинезия и крокодил остались на берегу, потому что Африка была их родным домом.

Доктор стал с палубы оглядывать море. И вспомнил, что некому указывать им дорогу в Пуделби.

Широкое море казалось огромным и пустынным при лунном свете, и он задумался, что будет, если они собьются с пути.

Но пока он размышлял, вдруг с ночных небес послышался какой-то шум. Все прислушались.

Шум становился все сильнее и сильнее. Он напоминал шелест осеннего ветра в кронах тополей или сильный-пресильный ливень, барабанивший по крыше.

Джип, подняв нос и вытянув хвост, объяснил:

— Птицы! Целые миллионы... Летят.. Быстро... Вот что это такое!

Все подняли глаза и увидели на фоне тысячи маленьких птиц, напоминающих издали огромный рой насекомых. Немного погодя они заполнили почти все небо, и все прибывали и прибывали, а вскоре закрыли и луну, а море потемнело и почернело, как перед грозой. Чуть позже птицы спустились пониже, скользя над водой и землей, и ночное небо вновь стало чистым и засияла луна. Ни одна из птиц не пела, не кричала и не

издавала призывного клича. Ничего не было слышно, кроме усиливающегося шума от шуршания перьев. Когда они стали садиться на песок, на корабельные канаты — куда угодно, за исключением деревьев, Доктор разглядел синие крылья, белые грудки и очень короткие, покрытые перьями ноги. Как только птицы уселись, шум вдруг прекратился, наступила полная тишина.

И при лунном безмолвии Джон Дулиттл сказал:

— Я не знал, что мы так долго пробыли в Африке. Мы вернемся домой почти к лету. Смотрите, ласточки возвращаются из теплых краев. Благодарю вас, ласточки, что вы дождались нас. Это очень мило с вашей стороны. Теперь мы можем не беспокоиться, что собьемся с пути... Поднимайте якорь и ставьте паруса.

Когда корабль заскользил по воде, оставшиеся на берегу Чи-Чи, Полинезия и крокодил ужасно опечалились. Никого они не любили так, как Доктора Джона Дулиттла из Пуделби-на-Болоте.

Даже после того, как все попрощались, попугай, крокодил и обязына долго стояли на скалах, горько плача и глядя вслед уходящему кораблю, пока тот не скрылся из виду.

Глава XIII

КРАСНЫЕ ПАРУСА И СИНИЕ КРЫЛЬЯ

По пути домой корабль Доктора должен был пройти недалеко от Берберии. Тут начиналась Великая Пустыня — дикие, забытые Богом места, песок и камни. Здесь жили берберийские пираты, очень скверные люди.

Подкараулив моряков, терпящих бедствие, пираты нападали на них. Захватив в плен пассажиров, пираты грабили и топили корабль, после чего возвращались в Берберию, распевая песни и хвастаясь друг перед другом своими злодеяниями. Потом они заставляли пассажиров писать друзьям письма с просьбами о выкупе и, если не получали денег, бросали пленников в море.

Однажды солнечным днем Доктор и Даб-Даб прогуливались по кораблю. Дул свежий ветерок, все были счастливы. Вдруг Даб-Даб заметила красный парус – далеко позади, почти у самой линии горизонта.

– Не нравится мне этот парус, – сказала Даб-Даб. – У меня такое чувство, что на этом корабле враги. Боюсь, как бы его приближение не принесло нам неприятностей.

Спавший рядом на солнышке Джип заворчал и стал разговаривать во сне.

– Чую запах ростбифа, – пробормотал он, – недожаренного ростбифа с коричневой подливкой.

– Боже мой! – воскликнул Доктор. – Что случилось с собакой? Она в самом деле чует во сне!

– Думаю, что да, – ответила Даб-Даб. – Как и все собаки.

– Но на нашем корабле никто не жарит ростбифа.

– Правильно, – сказала Даб-Даб. – Ростбиф может быть вон на том корабле.

– Но до него десяток миль, – заметил Доктор. – Пес не может различать запахи на таком расстоянии.

– Нет, может, – отозвалась Даб-Даб. – Спроси его.

Затем Джип, все еще во сне, вновь заворчал, и губа его сердито изогнулась, открывая чистые белые зубы.

– Чую плохих людей, – проворчал пес, – самых плохих людей, которых когда-либо чуял. Чую неприятности. Пять, нет, шесть негодяев сражаются с одним храбрецом. Я хочу помочь ему. Гав, гав!

Он громко залаял и проснулся, удивленно оглядываясь.

– Смотри! – закричала Даб-Даб. – Корабль приближается. Уже можно сосчитать, на нем три паруса, все красные. Кто бы это ни был, они гонятся за нами... Интересно, кто же это?

– Это очень скверные моряки на очень быстром корабле, – сказал Джип. – Наверняка, берберийские пираты.

– Надо нам поставить побольше парусов, – всполошился Доктор. – Корабль пойдет быстрее, и мы уйдем от них. Спустишь вниз, Джип, и принеси все паруса, какие найдешь.

Пес бросился выполнять приказ Доктора. Но даже когда все паруса были подняты на мачтах, корабль Дулиттла все равно сильно уступал судну пиратов в скорости. Тот все приближался и приближался.

— Похоже, принц дал нам негодный корабль, самый негодный корабль, какой только мог найти, — сказал поросенок. — Надеяться уйти на этой старой барже — все равно что пытаться выиграть гонки в корыте. Посмотрите, как они приблизились! Их шестеро, и все с усами. Что же нам делать?

Тогда Доктор попросил Даб-Даб слетать к ласточкам и сказать, что пираты гонятся за ними на быстроходном корабле и он ума не приложит, как быть.

Когда ласточки услышали это, они спустились на корабль к Доктору и сказали ему, что надо как можно скорее распустить веревки на множество тоненьких. Бечевки привязали к носу судна, а ласточки взялись за их концы и полетели вперед, увлекая за собой корабль. Ласточки слабы поодиночке, но вместе — большая сила. А к кораблю Доктора была привязана тысяча бечевок, которые тянули две тысячи ласточек.

И сразу же судно Джона Дулиттла сразу же помчалось с такой скоростью, что Доктор должен был схватиться обеими руками за шляпу. Ему показалось, корабль полетел по волнам, которые пенились и кипели за кормой.

А все животные на судне, взглянув назад и увидев, что пиратский корабль уменьшается, а не увеличивается, начали смеяться и танцевать под струями ветра. Красные паруса остались далеко, далеко позади.

Глава XIV

КРЫСЫ ПРЕДУПРЕЖДАЮТ

Тянуть корабль по морю было нелегко. После двух или трех часов полета крылья у ласточек стали уставать, дыхание сбиваться. Тогда они послали гонца сказать Доктору, что вскоре им надо будет отдохнуть и что они отташат судно к острову и спрячут в глубокой бухте, пока не соберутся с силами.

Вскоре Доктор увидел остров, о котором они говорили. Посреди него возвышалась покрытая зеленью гора.

Когда корабль в целости и сохранности вошел в бухту и был уже не виден с моря, Доктор заявил, что отправится на остров поискать питьевой воды — на судне ее почти не осталось. Он велел животным тоже сойти на берег размяться и порезвиться на траве.

Когда они спускались на берег, Доктор заметил, что корабль покидают целые полчища крыс. Джим бросился было за ними, так как погоня за крысами была его любимой игрой, но Дулиттл остановил его. И тогда черная большая крыса, которая, казалось, что-то хотела сказать Доктору, подползла к нему осторожно по перилам, наблюдая за собакой краем глаза. Нервно откашлявшись два-три раза, почистив усы и вытерев рот, она сказала:

— Хм, м-да, вы, конечно, знаете, Доктор, что на любом корабле водятся крысы?

Доктор ответил:

— Да.

— И вы слышали, что крысы обычно бегут с тонущего корабля?

— Мне говорили об этом.

— Люди всегда говорят об этом с презрением, как будто здесь есть что-то постыдное, — продолжала крыса. — Но вы не будете винить нас, верно? В конце-то концов кто бы остался на тонущем корабле, если бы мог сойти с него?

— Это все очень естественно, очень естественно, — сказал Доктор. — Мне все понятно... Ты хотела что-то сказать?

— Да, — ответила крыса. — Я пришла сказать тебе, что мы покидаем этот корабль, но хотим предупредить тебя: это плохое судно, плавать на нем опасно, борта прогнили, к завтрашнему вечеру оно наверняка утонет.

— Но откуда вы знаете об этом?

— Кончики наших хвостов начинает покалывать — так же, как у вас немеют ноги. Сегодня утром, в шесть часов, во время завтрака мой хвост неожиданно начало покалывать. Сначала мне показалось, что ко мне вернулся ревматизм, и я отправилась за советом к тете. Вы, наверное, помните ее: большая редкошерстная крыса, довольно худая. Она приходила к вам в Пуделби лечиться прошлой весной. Ну так вот, оказалось, что у нее тоже покалывает хвост. Тогда мы уже знали наверняка, что не пройдет и двух дней, как этот корабль утонет, и решили

покинуть его, только окажемся где-нибудь поближе к земле. Это плохой корабль, Доктор. Не плавай на нем больше, иначе погибнешь. Прощай! Мы собираемся подыскать себе хорошее местечко на этом острове.

— Прощай, — сказал Доктор. — И большое спасибо, что ты предупредила меня. Это очень любезно с твоей стороны. Передай мои поздравления тете. Я прекрасно ее помню. Оставь эту крысу в покое, Джип! Иди сюда! Ложись!

Потом Доктор и все его животные с ведрами и кастрюлями отправились на берег в поисках воды, а ласточки отдыхали.

— Интересно, как называется этот остров? — спросил Доктор, взбираясь на гору. — Похоже, приятное местечко. Сколько же здесь птиц!

— Да ведь это Канарские острова, — сказала Даб-Даб. — Разве ты не слышишь, как поют канарейки?

Доктор остановился и прислушался.

— Конечно, это они, — промолвил он, — как глупо с моей стороны не догадаться сразу. Интересно, могут ли они подсказать, где найти воду.

И вскоре канарейки, знавшие все о Докторе Дулиттле от перелетных птиц, отвели его к прекрасному источнику с чистой прохладной водой, где обычно купались. Они показали ему чудесные лужайки, где росло зерно для птиц, и другие достопримечательности острова.

И Тяни-Толкай был рад очутиться на острове, потому что зеленая трава нравилась ему гораздо больше сушеных яблок, которые он ел на корабле. И поросенок хрюкал от радости, когда увидел долину с сахарным тростником.

После того, как они нашли множество еды и воды и улеглись слушать песни канареек, к Доктору быстро подлетели две взволнованные ласточки.

— Доктор! — закричали они. — Пираты вошли в бухту и все перебрались на наше судно. Сейчас они все в трюме, ищут, что бы украсть. На их корабле никого нет. Если вы поторопитесь и спуститесь на берег, можете захватить их судно и скрыться. Но это надо сделать как можно скорее.

— Прекрасная, идея! — воскликнул Доктор.

Он сразу же созвал своих животных, простился с канарейками и помчался к берегу.

Подбежав к морю, они увидели пиратский корабль с тремя красными парусами. Как и говорили ласточки, на нем совершенно никого не было: все пираты в поисках добычи спустились в трюм судна Доктора.

Джон Дулиттл велел своим животным очень осторожно подкрадываться к пиратскому кораблю.

Глава XV

ДРАКОН БЕРБЕРИИ

Все прошло бы хорошо, если бы поросенок не простудился, когда ел влажный сахарный тростник на острове. Неожиданно он громко чихнул уже после того, как они бесшумно подняли якорь и осторожно, очень осторожно стали выводить корабль из бухты. Пираты услышали и бросились бегом наверх – узнать, что за шум.

Увидев, что Доктор пытается убежать на их корабле, они загородили выход из бухты.

Предводитель пиратов по прозвищу Дракон Бен-Али помахал Доктору кулаком и громко закричал:

– Ха-ха! Вы попались, мои дорогие друзья! Хотели сбежать на моем корабле, а? Но вы не такие уж хорошие моряки, чтобы справиться с Бен-Али – Драконом Берберии. Я съем вашу утку и поросенка впридачу. Сегодня к ужину у нас будут отбивные котлеты и дичь. А ты останешься в плену, пока твои друзья не вышлют мне чемодан золота.

Бедный Хрюк начал плакать, а Даб-Даб уже собиралась лететь прочь, когда филин Бу-Бу прошептал Дулиттлу:

– Займи его разговором, Доктор. Будь полюбезней. Наш старый корабль должен скоро затонуть. Крысы говорили, что он окажется на дне моря до завтрашнего вечера, а они никогда не ошибаются. Будь полюбезней, пока корабль под ними не начнет тонуть. Займи его разговором.

– Что ж, если до завтрашнего вечера... – ответил Доктор. – Ну, я сделаю все, что могу... Дайте подумать, о чем говорить...

— Пусть они только приблизятся, — сказал Джип. — Мы будем драться с грязными негодяями. Их всего шестеро. Пусть только приблизятся! Когда мы вернемся домой, я расскажу соседской колли, что кусал настоящего пирата. Пусть они приблизятся! Мы будем драться с ними.

— Но у них пистолеты и сабли, — заметил Доктор. — Нет, до этого не должно дойти. Я отвлеку их разговором:

— Послушай Бен-Али...

Но прежде, чем Доктор смог что-либо добавить, пираты, смеясь и ликуя, подплыли совсем близко со словами:

— Кто же первым поймает поросенка?

Бедный Хрюк был ужасно напуган, Тяни-Толкай, готовясь к битве, начал точить рога о корабельную мачту, а Джип подпрыгивал, лаял и по всякому обзывал Бен-Али на языке собак.

Но вскоре всем показалось, что с пиратами что-то неладно: они перестали смеяться, отпускать шутки и явно встревожились. Что-то их обеспокоило.

Бен-Али, уставившись себе под ноги, закричал:

— Гром и молния! Ребята, корабль дает течь!

Остальные пираты посмотрели за борт и увидели, что судно все больше и больше погружалось в воду.

Один из них сказал Бен-Али:

— Если эта старая посудина тонет, мы наверняка увидим бегущих с нее крыс.

А Джип закричал с другого корабля:

— Вы бестолковые тупицы, на корабле уже нет крыс! Они ушли два часа назад, ха-ха!

Но люди, конечно, не поняли его.

Вскоре нос корабля стал погружаться все глубже и все быстрее, судно как будто встало на голову. Пираты цеплялись за поручни, мачты, канаты — за все, что помогло бы удержаться. Потом море с ревом ворвалось во все окна и двери.

Корабль с ужасным бульканьем опустился на дно, а шестеро негодяев остались барахтаться в воде. Некоторые поплыли к острову, остальные попытались было взобраться на судно, где находился Доктор, но Джип угрожающе рычал и щелкал зубами, не давая пиратам ухватиться за борт.

Вдруг раздался крик ужаса:

— Акулы! Сюда плывут акулы! Пустите нас на корабль, пока они не съели нас! Помогите! Помогите! Акулы! Акулы!

Теперь и Доктор, окинув взглядом бухту, увидел спинные плавники огромных, быстро плывущих акул.

Одна громадная акула приблизилась к кораблю, высунула нос из воды и спросила:

— Вы Джон Дулиттл, знаменитый Доктор, который лечит животных?

— Да, — ответил он. — Так меня зовут.

— Видите ли, — сказала акула, — мы знаем, что эти пираты — очень плохие люди, особенно Бен-Али. Если они раздражают вас, мы с удовольствием съедем их ради вашего спокойствия, и у вас уже не будет неприятностей.

— Спасибо, — поблагодарил Доктор. — Это действительно очень любезно с вашей стороны. Но я не думаю, что их обязательно надо съесть. Не давайте никому из них подплыть к берегу, пока я не скажу. Просто задержите их, плавая вокруг. Ладно? И, пожалуйста, заставьте Бен-Али подплыть сюда, чтобы я мог поговорить с ним.

Акулы выполнили просьбу.

— Слушай, Бен-Али, — сказал Джон Дулиттл, перегнувшись за борт. — Ты очень жесток, и я слышал, убил многих людей. Эти добрые акулы предложили съесть тебя — и действительно, было бы хорошо очистить от тебя море. Но если ты пообещаешь сделать то, что я скажу, то сможешь беспрепятственно вернуться на берег.

— Что я должен делать? — спросил пират, глядя на большую акулу под ним, которая явно собиралась схватить его за ногу.

— Ты не будешь больше убивать людей, прекратишь воровать, никогда не потопишь больше ни одного судна — одним словом, ты должен покончить с пиратской жизнью.

— Чем же я тогда буду заниматься? — взмолился Бен-Али. — На что жить?

— Ты и все твои приспешники должны отправиться на остров и заняться выращиванием семян для птиц, — ответил Доктор. — Будете выращивать зерно для канареек.

Дракон Берберии побелел от гнева.

— Выращивать семена для птиц, — простонал он с омерзением. — Разве я не могу остаться моряком?

— Нет, не можешь, — ответил Доктор. — Ты был моряком довольно долго и отправил много прочных судов и хороших людей на дно моря. Остаток дней проведешь, как мирный фермер. Вы-

бирай. Акула ждет. Не будем тратить понапрасну ее время. Решай.

– Гром и молния! Зерно для птиц, – проворчал Бен-Али.

Потом он вновь взглянул в воду и увидел, что еще одна гигантская рыба нацеливается на его вторую ногу.

– Очень хорошо, – сказал он с грустью. – Будем фермерами.

– И запомни, – добавил Доктор, – что если ты не сдержишь слово, если опять начнешь красть и убивать, я узнаю об этом, канарейки прилетят и все мне расскажут. И тогда, уж будь уверен, я найду способ наказать тебя. Возможно, я не могу управлять кораблем так же хорошо, как ты, но пока все птицы, все звери и все рыбы – мои друзья, я могу не опасаться главаря пиратов, даже если он назвался Драконом Берберии. Теперь плыви, стань хорошим фермером и живи мирно.

Потом Доктор повернулся к большой акуле и, помахивая рукой, сказал:

– Все в порядке, дайте им спокойно доплыть до берега.

Глава XVI

ТОНКИЙ СЛУХ БУ-БУ

Поблагодарив еще раз акул, Доктор и его животные продолжали путешествие домой на быстром корабле с тремя красными парусами.

Как только они вышли в открытое море, животные спустились вниз взглянуть, как их новое судно выглядит изнутри, а Доктор с трубкой во рту отдыхал у перил на корме корабля, глядя, как Канарские острова исчезают в синем вечернем сумраке.

Пока он стоял, размышляя, как идут дела у обезьян и как будет выглядеть его сад, когда он вернется в Пуделби, Даб-Даб, полная новостей и сияющая от счастья, поднялась, спотыкаясь, по ступенькам.

– Доктор! – закричала она. – Этот пиратский корабль просто чудо какое-то! Кровати сверху покрыты бледно-желтым шелком, а на них сотни больших подушек и диванных подушек.

чек. На полу — толстые мягкие ковры, вся посуда — из серебра и много разной хорошей еды и необычных напитков. Кладовая — просто целый магазин. Ты в своей жизни никогда такого не видел. Только подумай, у них пять видов консервированных сардин, ну и люди! Пойди, взгляни сам. Да, мы нашли внизу маленькую комнатку на замке и сгораем от любопытства: что же там внутри? Джип говорит, пираты, наверное, хранили там свои сокровища. Но мы никак не откроем дверь. Спустись и посмотри, может ты сможешь нам войти.

Доктор отправился вниз и увидел, что это действительно великолепный корабль. Он нашел животных, столпившихся у маленькой двери. Они говорили все разом и пытались догадаться, что же там внутри. Дулиттл повернул ручку, но дверь не открылась. Все стали искать ключ. Посмотрели под циновкой, подо всеми коврами, в буфетах, выдвижных ящиках, сундуках, но безрезультатно.

Пока Доктор и его животные занимались поисками, они нашли множество новых прекрасных вещей, которые пираты, должно быть, украли с других кораблей. Здесь были кашмирские шали, тонкие, как паутина, вышитые золотыми цветами; кувшины с прекрасным Ямайским табаком; резные коробочки из слоновой кости с грузинским чаем; старинная скрипка с порванной струной; набор больших шахмат, выточенных из коралла и янтаря; трость для прогулок, из которой выскакивал кинжал, если потянуть за ручку; шесть бокалов для вина с ободками из серебра и бирюзы; прекрасная перламутровая сахарница. Но ключа нигде не было.

Тогда они вновь вернулись к двери, и Джип заглянул в замочную скважину, но ничего не смог разглядеть.

Пока они стояли вокруг, размышляя, что делать, филин Бу-Бу неожиданно сказал:

— Тс-с! Слушайте! Я уверен, что там кто-то есть.

Тогда все замолкли на мгновение, а затем Доктор заметил:

— Ты, должно быть, ошибся Бу-Бу. Я ничего не слышу.

— Нет, я уверен. Послушайте еще, разве вы не слышите? — сказал филин.

— Нет, не слышу, — ответил Доктор. — Что же это за звук?

— Кто-то засовывает в карман руку, — отозвался филин.

— Как это можно слышать? — спросил Доктор. — Тем более отсюда?

— Извините, но я слышу, — сказал Бу-Бу. — Говорю вам: за дверью кто-то засовывает руку в карман. Почти все издает какой-то звук, и если у вас достаточно острый слух, вы это обнаружите. Летучие мыши слышат, как крот роет тоннель под землей, и думают, что у них острый слух. А мы, филины, легко можем определить цвет котенка, услышав, как он моргает в темноте.

— Ну и ну! — сказал Доктор. — Ты удивляешь меня. Это очень интересно. Послушай опять и скажи, чем он теперь занимается.

— Я еще не совсем уверен, что это мужчина, — сказал Бу-Бу. — Может, и женщина. Приподнимите меня и дайте послушать через замочную скважину, и я все скажу вам.

Доктор поднял филина к замочной скважине.

Через минуту Бу-Бу сказал:

— Сейчас он трет лицо рукой. Рука у него маленькая и лицо тоже маленькое. Но это все-таки не женщина. Там мужчина. Теперь он зачесывает волосы назад.

— Так иногда поступают и женщины, — заметил Доктор.

— Верно, — согласился филин. — Но когда они так делают, длинные волосы шуршат совершенно иначе... Тс-с! Успокойте этого неугомонного поросенка. Теперь все затаите дыхание на мгновение, чтобы я мог получше прислушаться. То, что я делаю, — очень трудная штука, а противная дверь такая толстая. Тс-с! Все замерли, закройте глаза и не дышите.

Бу-Бу наклонился и вновь напряженно прислушался. Наконец, посмотрел на Доктора и сказал:

— Этот человек очень несчастен. Он плачет. Не всхлипывает и не шмыгает носом, чтобы мы не догадались, что он плачет. Но я совершенно отчетливо слышал, как у него на рукав капнула слеза.

— Откуда ты знаешь, что это не капля воды, упавшая с потолка? — спросил Хрюк.

— Фу! Какое невежество! — засопел Бу-Бу. — Капля воды, упавшая с потолка, наделала бы в десять раз больше шума!

— Хорошо! — сказал Доктор. — Если этот человек так несчастен, мы должны войти и посмотреть, что с ним. Найдите мне топор, я взломаю дверь.

Глава XVII

ОКЕАНСКИЕ КУМУШКИ

Топор вскоре нашелся, и Доктор взломал дверь. За ней было так темно, что вначале он ничего не мог разглядеть, пришлось зажечь спичку.

Комнатка была совсем маленькой, без окон, с низким потолком. Из мебели там был один стульчик. По всей комнате вокруг стен стояли большие бочки, прикрепленные к полу на случай качки. Над бочками на деревянных крюках висели всевозможные оловянные кувшины и сильно пахло вином. А посередине на полу сидел маленький мальчик лет восьми и горько плакал.

— Готов поспорить, что это винный погреб пиратов, — шепотом сказал Джип.

— Да, самый винный, — согласился Хрюк, — У меня от этих запахов даже голова кружится.

Казалось, маленький мальчик немного испугался, увидев перед собой мужчину и всех животных, глядевших на него. Но как только он увидел при свете спички лицо Доктора, то перестал плакать и поднялся с пола.

— Но ведь вы не пираты, не так ли? — спросил он.

И когда Доктор откинул голову назад и громко захохотал, маленький мальчик тоже рассмеялся. Потом подошел и взял Доктора за руку.

— Ты смеешься как друг, а не как пират, — сказал он. — Не мог бы ты сказать, где мой дядя?

— Боюсь, что нет, — ответил Доктор. — Когда ты в последний раз видел его?

— Это было позавчера. Мы с дядей отправились ловить рыбу на нашей лодке, и нас захватили пираты. Они забрали нас обоих на корабль. Они хотели, чтобы дядя стал пиратом, потому что он хорошо управлял кораблем в любую погоду. Но дядя сказал, что не желает быть пиратом, поскольку убийство и воровство — не занятие для хорошего рыбака. Тогда их предводитель Бен-Али очень рассердился, заскрежетал зубами и сказал, что они выбросят дядю в море, если тот не послушается. Пираты от-

правили меня вниз, и я слышал, как наверху боролись. А когда на следующий день мне позволили подняться наверх, моего дяди нигде не было видно. Я спросил у пиратов, где он, но они не ответили. Я очень боюсь, что его бросили в море и он утонул.

Маленький мальчик вновь заплакал.

— Ну-ка, подожди минутку, — попросил Доктор. — Не плачь. Давай пойдем выпьем чаю в кают-компании и обсудим наши дела. Возможно, твой дядя находится где-нибудь в безопасном месте. Ты же не знаешь, утонул он или нет. А это уже кое-что. Не исключено, что мы и найдем его. Сначала выпьем чаю с земляничным джемом, а потом посмотрим, чем можно помочь твоему дяде.

Все животные стояли вокруг и слушали с большим интересом.

И когда все спустились в кают-компанию и стали пить чай, Даб-Даб подошла сзади к Доктору и прошептала:

— Спроси дельфинов. Если дядя мальчика утонул, они узнают и скажут тебе.

— Хорошо, — согласился Доктор, потянувшись за вторым бутербродом с джемом.

— Что это за смешные, щелкающие звуки ты производишь!

— О, я просто сказал пару слов на утином языке, — ответил Доктор. — Это Даб-Даб, она из числа моих домашних животных.

— Я не знал, что у уток есть свой язык, — сказал мальчик. — А все остальные животные тоже твои? Что это за странная штука с двумя головами?

— Тс-с! — прошептал Доктор. — Это Тяни-Толкай. Не надо, чтобы он слышал, как мы говорим о нем — он тогда ужасно смущается... Скажи, почему тебя заперли в той маленькой комнате?

— Пираты закрыли меня там, когда отправились красть вещи с другого корабля. Когда я услышал, что кто-то рубит дверь, я не знал, кто бы это мог быть. Я очень обрадовался, увидев, что это были вы. Как вы думаете, можно ли найти моего дядю?

— Что ж, мы будем стараться изо всех сил, — ответил Доктор. — А как выглядел твой дядя?

— У него были рыжие, очень рыжие волосы, а на руке вытатуирован якорь. Он сильный, добрый, лучший моряк во всей Южной Атлантике. Его рыбацья лодка называлась "Веселая прогулка". Это был одномачтовый шлюп.

— Что такое "одномачтовый шлюп"? — прошептал Хрюк, повернувшись к Джипу.

— Тс-с! Это тип судна, которое было у того человека, — сказал Джип. — Помолчи, ладно?

— О, только-то и всего? — не удержался поросенок. — А я-то думал, это какой-нибудь напиток.

Итак, Доктор, оставив мальчика играть с животными в кают-компании, поднялся наверх, чтобы высмотреть дельфинов.

Вскоре у корабля показалась целая стая, плывущая в Бразилию. Дельфины танцевали и выпрыгивали из воды.

Когда они увидели Доктора, облокотившегося о корабельные перила, они подплыли, чтобы узнать, как дела.

Доктор спросил, не приходилось ли им видеть в море рыжеволосого человека с татуировкой в виде якоря на руке.

— Вы имеете в виду хозяина "Веселой прогулки"? — спросили дельфины.

— Да, — ответил Доктор, — его. Он утонул?

— Его шлюп мы видели лежащим на дне моря, но внутри никого не было.

— Маленький племянник хозяина "Веселой прогулки" со мной, — сказал Доктор. — И ужасно боится, что пираты сбросили его дядю в море. Пожалуйста, будьте так добры, поищите рыжего моряка, неважно, живого или мертвого?

— О, рыбак не утонул, — ответили дельфины. — Случись такое, нам обязательно сообщил бы об этом глубокоуважаемый Десятиногий Рак. Ведь нам известны все морские новости. Не зря же устрицы и крабы прозвали нас океанскими кумушками. Нет-нет, скажите малышу: хоть мы и не знаем, где его дядя, и сожалеем об этом, но совершенно уверены, что он не утонул.

Доктор спустился вниз и сообщил мальчику эту новость, тот захлопал от радости в ладоши. Тяни-Толкай посадил малыша на спину и прокатил вокруг обеденного стола, остальные животные шли позади, изображая торжественную процессию.

Глава XVIII

ЗАПАХИ

— Теперь мы наверняка можем найти твоего дядю, раз уж известно, что он не утонул; — сказал Джон Дулиттл.

Но Даб-Даб вновь подошла к Доктору и прошептала:

— Попроси поискать этого человека орлов.

И Доктор послал одну из ласточек привести несколько орлов.

Примерно через час ласточка вернулась с шестью громадными птицами различных видов. Здесь были Черный Орел, Лысый Орел, Орел-Рыболов, Золотой Орел, Орел-Стервятник и Орлан, каждый в два раза выше мальчика. Они уселись на корабельных перилах, как солдаты, суровые, неподвижные, непреклонные, глядя вокруг огромными мерцающими черными глазами.

Поросенок напугался и спрятался за бочку. По словам Хрюка, он чувствовал себя так, будто эти ужасные глаза пронизывали его насквозь, видя, что ему удалось стащить на обед.

Доктор сказал орлам:

— Потерялся один хороший человек, рыжеволосый рыбак с вытатуированным на руке якорем. Не могли бы вы попытаться найти его? Этот мальчик — рыбака.

Орлы не любят подолгу разговаривать. Они ответили сиплыми голосами:

— Будьте уверены, мы сделаем все, что сможем, для Джона Дулиттла.

Они полетели, и тогда Хрюк вышел из-за бочки, чтобы взглянуть на птиц в воздухе. Они поднимались все выше, выше и выше. Потом, когда Доктор уже едва мог их разглядеть, птицы разделились и отправились на север, восток, юг и запад. Орлы летели так высоко, что казались маленькими черными песчинками в голубом небе.

— Боже мой! — воскликнул успокоившийся Хрюк. — Что за высота! Интересно, как они не опалят крыльев — ведь они летят так близко к солнцу.

Орлы вернулись почти под вечер.

И сказали Доктору:

— Мы обследовали все моря, все страны, все острова, все города и все села в этом полушарии, но не нашли вашего рыбака. На главной улице Глазго мы видели троих рыжих, лежащих на тачке перед дверью булочника, но выяснилось, что у них на головах шапки из рыжего меха. Нигде — ни на суше, ни на море мы не обнаружили и следа присутствия дяди этого мальчика. И уж если не смогли найти его мы, значит, просить больше некого. Для Джона Дулиттла мы сделали все, что возможно.

Потом шесть огромных птиц взмахнули крыльями и полетели к себе домой, в горы.

— Ну, что нам теперь делать? — спросила Даб-Даб, когда орлы скрылись. — Все равно мы должны найти рыбака, тут не о чем говорить. Его племянник слишком мал, чтобы скитаться по свету. Мальчики — не утята, о них надо заботиться, пока не вырастут. Хорошо, если бы здесь была Чи-Чи. Она сразу бы нашла пропавшего. Эх, старушка Чи-Чи! Интересно, как она там?

— Если бы с нами был Полинезия! — сказала белая мышь. — Он бы придумал, что сделать. Помните, как он вытащил нас из тюрьмы во второй раз? Ну и умная же птица!

— Я совсем не восторге от этих орлов, — заметил Джип. — (Они воображают о себе слишком много. Пусть они обладают отличным зрением и все такое прочее, но когда вы просите их найти человека, то они с этим не справляются, да еще нахально заявляют, что и никто другой тут не поможет. Они просто самодовольные типы, вроде колли из Пуделби. Кстати, я совсем не в восторге и от болтливых старых дельфинов. Нам не важно, где нет рыбака, мы хотим знать, где он есть.

— Ох, довольно разговоров, — сказал Хрюк. — Болтать проще всего, гораздо труднее найти человека, затерявшегося в огромном мире. Может быть, волосы рыбака побелели от забот о мальчишке, и поэтому орлы не смогли найти его. Ты ведь не знаешь всего. Просто болтаешь. И ничего не сделал, чтобы помочь. Ты не смог найти дядю мальчика, как и орлы.

— Это я-то не смог? — возмутился пес. — Что ты знаешь, глупый кусок сала? Я ведь еще не пробовал, не так ли? А теперь сиди и смотри.

Джип отправился к Доктору и сказал:

— Спроси, пожалуйста, мальчика, не осталось ли у него дя-
диных вещей.

Доктор спросил ребенка, и тот показал золотое кольцо. Мальчик продел через него бечевку и, завязав, повесил кольцо на шею как медальон, поскольку это кольцо было еще слишком велико для его пальца. Дядя передал ему кольцо, увидев приближающийся пиратский корабль.

Джип обнюхал кольцо и сказал:

— От этого мало проку. Спроси, может у него осталось что-
нибудь еще из вещей его дяди.

Тогда ребенок достал из кармана огромный-преогромный красный носовой платок и сказал:

— Это тоже дядин.

Джип закричал:

— Нюхательный табак! Черный нюхательный табак, черт поberi! Не чувствуете запаха? Его дядя любил нюхательный табак? Узнайте у него, Доктор!

Джон Дулиттл спросил у малыша, и тот подтвердил:

— Да, дядя очень любил нюхательный табак.

— Прекрасно! — заявил Джип. Можете считать, рыбак найден. Это сделать так же легко, как отнять молоко у котенка. Я найду этого человека меньше, чем за неделю. А сейчас давайте поднимемся чаверх и посмотрим, откуда дует ветер.

— Но сейчас так темно! — напомнил Доктор. — Как ты думаешь его искать?

— Мне совсем не нужен свет, чтобы найти человека, который пахнет крепким черным нюхательным табаком, — заявил Джип, взбираясь по ступенькам. — Если от человека едва пахнет бечевкой или горячей водой — другое дело. Но нюхательный табак!

— Разве у воды есть запах? — спросил Доктор.

— Конечно, — ответил Джип. — Горячая вода пахнет совсем по-другому, чем холодная. Вот у теплой воды или льда действительно едва уловимый запах. Что ж, однажды я шел десять миль в темноте за мужчиной по запаху горячей воды, которой он постоянно пользовался во время бритья. У бедного парня не было денег на мыло. Ну, давайте посмотрим, откуда дует ветер. Это очень важно при определении запаха на большом расстоянии. Не надо, чтобы ветер был сильным, главное, он должен дуть в нужном направлении. Приятный, постоянный, влажный морской ветерок подходит лучше всего. О, это северный ветер!

Джип поднялся на нос корабля и стал принюхиваться, бормоча про себя:

— Смола, испанский лук, керосин, мокрые плащи, толченый лавровый лист, жженая резина, занавески в стирке, нет, извините, вывешенные для просушки, лисы, сотни лис, детеныши и...

— Ты действительно чувствуешь все это в одном порыве ветра? — спросил Доктор.

— Ну да, конечно! — ответил Джип. — И это лишь часть простых сильных запахов. Любая дурная дворняжка может почуять все это. Теперь подождите, и я назову некоторые более сложные запахи, которые приносит ветер.

Пес плотно сжал веки и стал принюхиваться, открыв от напряжения рот. Довольно долго он молчал, сидя неподвижно, как камень. Казалось, он совсем не дышит. Когда же, наконец, заговорил, слова звучали печально и нараспев, как будто пес все еще был в мире сновидений.

— Кирпичи, — прошептал он, — старые желтые кирпичи садовой ограды, крошащиеся от времени, здоровое дыхание молодых коров, которые пришли напиться к горному ручью; крытая железом крыша голубятни или, возможно, амбара, нагретая полуденным солнцем; черные лайковые перчатки в выдвижном ящике комода, сделанного из орехового дерева; пыльная дорога с корытом для водопоя под кленами; маленькие грибочки, пробивающиеся сквозь гниющие листья, и... и...

— А укропа там нет? — спросил Хрюк.

— Нет, — ответил Джип. — Ты всегда только и думаешь о еде. Никакого укропа. И никакого нюхательного табака — множество трубок, сигарет и несколько сигар. Но никакого нюхательного табака. Подождем южного ветра.

— Ах, во всем виноват ветер, — сказал Хрюк. — Похоже, ты мошенник, Джип. Где это слыхано — найти человека посреди океана по запаху. Я же говорил: тебе это не под силу.

— Слушай, — сказал Джип, по-настоящему рассердившись. — Сейчас я тяпну тебя за нос! Не думай, что если Доктор не позволяет всыпать тебе, как ты этого заслуживаешь, то можно нагнать в свое удовольствие!

— Хватит ссориться, перестаньте! — приказал Дулиттл. — Жизнь и так коротка. Скажи, Джип, как ты думаешь, откуда идут эти запахи?

— В основном со стороны Девоншира и Уэлса, ветер дует отсюда.

— Хорошо, хорошо! — обрадовался Доктор. — Знаешь, это действительно замечательно, ну просто замечательно. Я должен отметить это в своей новой книге. Интересно, не мог бы ты научить меня разбираться в запахах так же хорошо, как... Но нет, лучше, наверное, не думать об этом. Как говорят, от добра добра не ищут. Пойдемте вниз ужинать. Я совсем проголодался.

— Я тоже, — сказал Хрюк.

Глава XIX

СКАЛА

На другой день рано утром они встали с шелковых постелей и увидели, что солнце сияет, а ветер дует с юга.

Джип принюхивался с полчаса, потом подошел к Доктору, качая головой.

— Все еще не чую запаха табака, — сказал он. — Надо подождать восточного ветра.

Но когда в три часа дня восточный ветер подул, пес не уловил запаха нюхательного табака.

Мальчик был страшно разочарован. Он заплакал и сказал, что, наверное, никто на свете не сможет отыскать дядю. Но Джип попросил Доктора:

— Передайте: когда подует западный ветер, я учую его дядю даже в Китае, если тот, конечно, еще нюхает черный табак.

Три дня пришлось ждать западного ветра. Наконец, на рассвете в пятницу, когда нежный туман лег на море как тонкая вуаль, с запада подул мягкий, теплый и влажный ветер.

Как только Джип проснулся, он бросился вверх и поднял нос, потом в страшном возбуждении помчался вниз будить Дулиттла.

— Доктор! — кричал он. — Я нашел его! Доктор! Доктор! Вставайте! Послушайте! Я нашел его! Западный ветер несет запах табака! Поднимайтесь! Пора пускаться в путь! Быстро!

Доктор вскочил с кровати и отправился к рулю, чтобы управлять судном.

— Следите за моим носом, — сказал Джип. — Куда я поверну его, туда направляйте корабль. Этот человек не может быть далеко — запах силен. И ветер приятный и влажный. Следите за мной!

Все это утро Джип прикидывался и указывал путь Доктору, в то время как все животные и мальчик стояли вокруг с широко раскрытыми глазами и наблюдали за псом.

К обеду Джип попросил Даб-Даб сказать Доктору, что начинает волноваться и хочет поговорить с ним. Когда Даб-Даб привела Доктора с противоположного конца корабля, Джип сказал:

— Дядя нашего мальчика голодает. Мы должны спешить из всех сил.

— Откуда ты знаешь?

— Западный ветер приносит только запах табака. Если бы этот человек что-нибудь готовил или ел, я бы обязательно учуял. Но у него нет даже пресной воды. Все, чем он живет, — это табак, и он принимает его в больших дозах. Мы приближаемся к нему, потому что запах усиливается с каждой минутой. Торопитесь из всех сил, этот человек наверняка умирает от голода.

Тогда Доктор немедленно послал Даб-Даб к ласточкам, попросить потянуть их корабль за бечевки — так же, как недавно, когда убегали от пиратов. Ласточки согласились.

Корабль помчался. Он мчался так быстро, что рыбы бросались врасыпную, дабы их не рассеяло килем.

Всех животных охватило необычайное возбуждение. Они уже не наблюдали за Джипом, а сами высматривали остров, где мог находиться умирающий от голода человек.

Но час шел за часом, а корабль все мчался по морю, и никакой земли не было видно на горизонте.

Животные, встревоженные и грустные, перестали болтать и молчаливо уселись в кружок. Мальчик опять расстроился, даже Джип казался обеспокоенным.

Наконец, ближе к вечеру, когда солнце уже начало садиться, филин Бу-Бу, усевшийся на верхушку мачты, неожиданно перепугал всех, закричав из всех сил:

— Джип! Джип! Я вижу большую-большую скалу, смотри, вон там, где сливается небо и вода. Видишь, как она сияет в лучах заходящего солнца? Будто золотая! Запах доносится оттуда?

Джип тотчас отозвался:

— Да. Этот человек там. Наконец-то, наконец-то.

Когда они приблизились, то увидели, что скала — просто огромная. Ее подножье занимало пространство с целое поле. Но на ней не росло ни деревьев, ни травы. Громадная скала была гладкой и плоской, как черепаший панцирь.

Тогда Доктор направил корабль вокруг скалы. Все животные прищурились и пристально вглядывались в безлюдные берега, как могли, но никого не было видно. Джон Дулиттл принес из трюма подзорную трубу, но они не находили ни одного живого существа, даже чайки, даже морской звезды, даже клочка морских водорослей.

Они все еще прислушивались, но раздавался лишь убаюкивающий плеск волны о борт корабля.

Потом Доктор и его друзья стали кричать:

— Эйей, сюда! Эйей!

Мальчуган разразился слезами:

— Боюсь, я уже никогда не увижу моего дяди. Что я скажу, когда вернусь домой?

Но Джип продолжал утверждать:

— Он должен быть здесь, должен, должен. Запах ведет сюда. Он где-то близко, говорю вам! Подведите корабль к скале и дайте мне выпрыгнуть на нее.

Тогда Доктор подвел корабль как можно ближе к берегу и бросил якорь. Они с Джипом вылезли на сушу.

Джип тут же опустил нос пониже к земле и помчался на разведку. Он бегал вверх и вниз, взад и вперед, делая зигзаги, петли, кружась на месте, поворачивая вправо, влево. И куда бы он ни направлялся, Доктор бежал следом, пока совсем не задохнулся.

Наконец, Джип громко залаял и остановился. Когда Доктор подбежал к нему, он увидел, что собака пристально смотрит на большую глубокую дыру посреди скалы.

— Дядя мальчика там внизу, — тихонько сказал Джип. — Не удивительно, что эти глупые орлы не увидели его. Чтобы найти человека, нужна собака.

Доктор спустился в дыру, которая была похожа на пещеру или глубокий подземный тоннель. Он зажег спичку и двинулся по длинному переходу. Джип следовал по пятам.

Спичка у Доктора скоро погасла, и он был вынужден зажигать новые и новые.

Наконец, проход закончился. Доктор оказался в помещении наподобие крошечной комнаты с каменными стенами. Посреди, подложив руку под голову, спал мужчина с ярко-рыжими волосами.

Джип бросился вперед и принялся к какому-то предмету, лежащему на полу рядом со спавшим. Это была огромная табакерка, полная черного нюхательного табака.

Глава XX

РЫБАЦКИЙ ГОРОД

Осторожно, очень осторожно Доктор разбудил мужчину. Но именно в этот момент спичка опять потухла. И рыбак подумал, что вернулся Бен-Али и в темноте бросился на Доктора с кулаками.

Когда же Доктор Дулиттл представился и сообщил, что маленький племянник рыбака в безопасности, мужчина обрадовался, а затем извинился, что напал на Доктора. Впрочем, тому не слишком досталось.

Потом рыбак предложил Доктору щепотку табака, затем рассказал, как Дракон Берберии высадил его на скалу и оставил одного, когда рыбак отказался стать пиратом, и как он привык спать в этой дыре, потому что на скале было холодно, а здесь тепло.

Потом он признался:

— Четыре дня у меня не было ни еды, ни воды. Я жил на табаке.

— Вот видите! — торжествовал Джип. — Что я говорил?

Они сожгли еще несколько спичек и вышли по коридору к дневному свету, и Доктор поторопил мужчину спуститься на корабль, чтобы накормить его.

Когда животные и мальчуган увидели рыжеволосого мужчину, они стали аплодировать, кричать и танцевать. Тысячи ласточек в вышине запели во весь голос, чтобы высказать свою радость от встречи мальчика со своим храбрым дядей. Они так шумели, что моряки в море подумали о приближении сильного шторма.

— Прислушайтесь к этому гулу с Запада! — говорили они.

А Джип очень гордился собой, хотя изо всех сил старался не показать этого. Даб-Даб подошла к нему и сказала:

— Джип, мне и в голову не приходило, что ты такой умный!

— Здесь нет ничего особенного, — покачал головой он. — Но, понимаешь, человека должна искать собака. Птицы не подходят.

Потом Доктор спросил рыжеволосого рыбака, где его дом, и попросил ласточек отвести корабль сначала туда.

Когда они подошли к земле, о которой говорил их гость, то увидели маленький рыбацкий городок у подножия скалистых гор, и мужчина показал дом, где жил.

Они бросили якорь, и мама маленького мальчика — сестра рыбака — бегом кинулась к берегу встречать их, плача и смеясь одновременно. Она просидела двадцать дней, глядя в море и ожидая их возвращения.

Она без конца целовала Доктора, и он начал хихикать и покраснел, как школьник. Она попыталась поцеловать и Джипа, но он убежал и спрятался в траве.

— Преглупое занятие эти поцелуи, — сказал он. — Я такого не терплю. Пусть целуют Хрюка, если уж обязательно надо кого-то поцеловать.

Рыбак и его сестра не захотели сразу отпустить Доктора. Они упростили его провести с ними несколько дней. Джон Дулиттл и его животные оставались в гостеприимном доме субботу, воскресенье и половину понедельника.

Все мальчишки городка пришли к пристани и, указывая на большой корабль, шепотом говорили друг другу:

— Смотри! Это был корабль Бен-Али, самого страшного пирата Семи Морей! А пожилой джентльмен в высокой шляпе, который остановился у миссис Тревелен, отнял корабль у Дракона Берберии, а грозного Бен-Али превратил в фермера. Кто бы мог заподозрить столько скрытой силы в таком деликатном, тихом и мягком человеке! Погляди на эти огромные красные паруса! Не

правда ли, корабль выглядит хоть и быстроходным, но зловещим?

Все два с половиной дня, пока Доктор гостил в маленьком рыбацком городке, его наперебой приглашали то на чай, то на завтрак, то на ужин, а дамы посылали ему букеты цветов, конфеты, и местный оркестрик играл каждую ночь под его окном.

Наконец Доктор сказал:

— Дорогие мои, я должен возвратиться домой. Вы были очень любезны, я всегда буду помнить эти дни, но дома меня ждут дела.

Когда Джон Дулиттл уже собрался уезжать, мэр города, а с ним множество празднично одетых горожан прошли по улице к дому, где жил Доктор.

Шесть мальчиков-пажей протрубили в сверкающие трубы. Доктор вышел на ступеньки, и мэр произнес речь:

— Доктор Джон Дулиттл, — сказал он, — мне доставляет огромное удовольствие преподнести человеку, очистившему моря от Дракона Берберии, небольшой подарок от благодарных жителей славного города.

И мэр достал из кармана маленький пакет из папиросной бумаги. Открыв его, он вручил Доктору великолепные часы с настоящими алмазами на крышке.

Потом мэр достал из кармана пакет побольше и спросил:

— Где же эта собака?

И все бросились разыскивать Джипа.

Даб-Даб нашла его на другом конце города во дворе конюшни, где все местные собаки с восхищением и уважением безмолвно стояли вокруг него.

Когда Джипа привели, мэр открыл второй пакет, внутри оказался ошейник из чистого золота. Громкий шепот удивления пробежал по толпе, когда мэр наклонился и собственноручно надел его псу на шею.

На ошейнике большими буквами было написано: "Джип — умнейшая собака в мире".

Потом вся толпа двинулась к берегу, чтобы проводить Доктора и его животных. И после того, как рыжеволосый рыбак, его сестра и маленький мальчик поблагодарили Доктора и его пса еще и еще раз, большой быстроходный корабль с красными парусами вышел в море и двинулся в Пуделби, провожаемый звуками местного оркестра.

Глава XXI

ОПЯТЬ ДОМА

Мартовские ветры пришли и ушли, прокатились апрельские ливни, расцвели майские бутоны, и уже июньское солнце освещало землю, когда Джон Дулиттл вернулся на родину.

Он не сразу поехал в Пуделби. Сначала отправился путешествовать по стране с Тяни-Толкаем в товарном вагоне, останавливаясь на каждой сельской ярмарке. И здесь рядом с афишами акробатов и кукольных театров Доктор и его животные повесили плакат, который гласил:

*П Р И Х О Д И Т Е !
И ВЫ УВИДИТЕ
ЧУДЕСНОЕ ДВУХГОЛОВОЕ ЖИВОТНОЕ
АФРИКАНСКИХ ДЖУНГЛЕЙ
Вход — шесть пенсов*

Тяни-Толкай стоял в вагоне, все остальные в это время ложились на пол. Доктор сидел на стульчике у входа, собирая шестипенсовые монетки и улыбаясь входящим. Даб-Даб была все время рядом с Доктором и ругала его, потому что он пропускал детей бесплатно, когда она не могла смотреть за ним.

Содержатели зверинцев и хозяева цирков приходили к Доктору и просили продать им странное существо, говоря, что заплатят огромные деньги. Но Дулиттл на это качал головой и отвечал:

— Нет. Тяни-Толкаю нельзя жить в клетке. Он всегда будет свободен, как вы и я.

Немало достопримечательностей увидели Доктор и его звери, немало приключений пережили они, странствуя по Англии, но все это представлялось вполне обычным после опасностей в чужих странах. Через несколько недель Доктор и животные устали и очень захотели домой. Желающих заплатить шесть пенсов, дабы полюбоваться Тяни-Толкаем, оказалось так много, что Доктор быстро разбогател.

В один прекрасный день, когда розы были в цвету, он вернулся в Пуделби, в свой маленький домик с большим садом.

И старая хромая лошадь на конюшне обрадовалась ему, обрадовались ласточки, которые успели построить гнезда под карнизами его дома и вывести малышей.

Рада была вернуться домой и Даб-Даб, хотя все покрылось пылью и заросло паутиной, а потому ей предстояла генеральная уборка.

Джип, похваставшийся золотым ошейником перед соседской самодовольной колли, носился по саду, как сумашедший, ища кости, которые он давно закопал, и гоняя крыс из сарая с инструментами. А Хрюк в это время копался в грядках у садовой ограды.

Доктор отправился к моряку, который одолжил ему корабль, и купил ему два новых, а еще резиновую куклу дочке. С бакалейщиком Дулиттл расплатился за еду, что брал в долг для путешествия в Африку. Еще он купил пианино для белых мышей, потому что в выдвижном ящике письменного стола, по их словам, сквозило.

И даже когда Доктор снова наполнил старую копилку на кухонной полке, у него осталось еще много монет, и пришлось купить еще три копилки, таких же больших, чтобы сложить оставшиеся сбережения.

— Деньги, — заключил он, — ужасная ерунда. Но так приятно, когда не надо о них беспокоиться.

— Да, — соглашалась Даб-Даб, поджаривая сдобные булочки к чаю, — да, в самом деле!

И когда вновь пришла зима, и снег закружился за окном кухни, Доктор и его животные усаживались после ужина вокруг большого, теплого камина, и Доктор читал им вслух отрывки из своей книги.

А далеко в Африке обезьяны, болтавшие под пальмами при свете большой желтой луны, говорили друг другу:

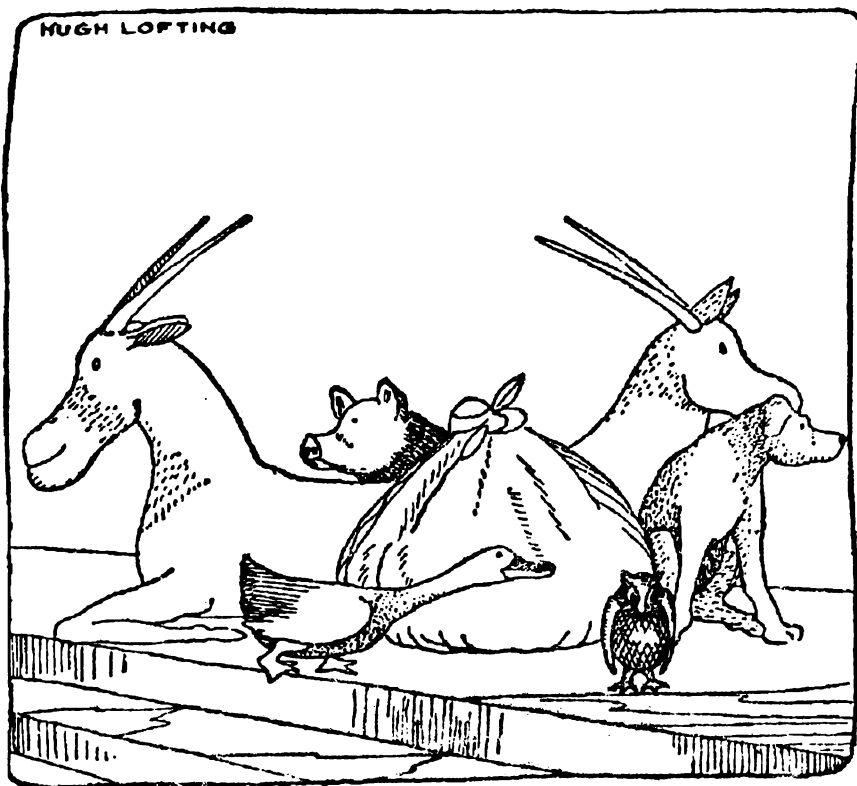
– Интересно, что сейчас делает Добрый Человек в Стране Белых Людей? Как ты думаешь, вернется ли он когда-нибудь сюда?

А Полинезия сквозь лианы скрипел:

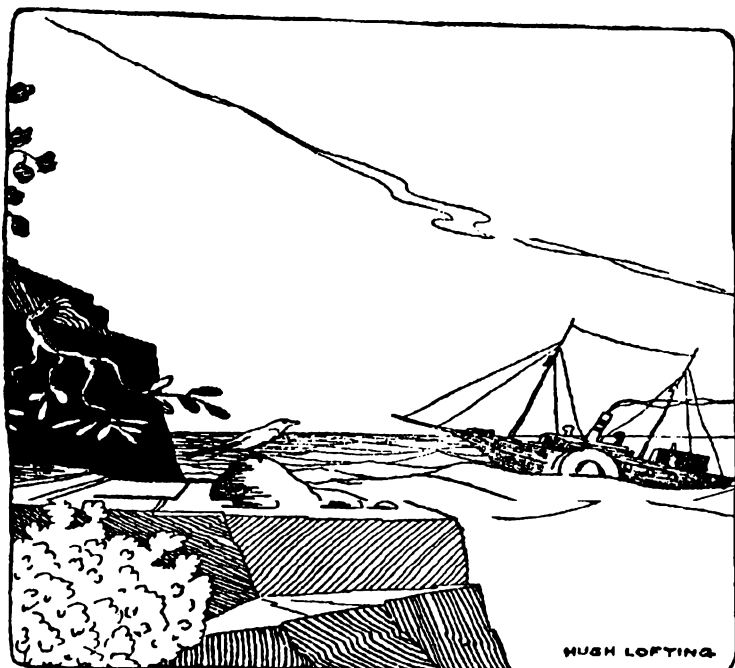
– Думаю, что да, догадываюсь и надеюсь.

Крокодил же ворчал из грязной речной тины:

– Я уверен, что мы его скоро увидим. Идите спать.

ПУТЕШЕСТВИЯ

ДОКТОРА ДУЛИТТЛА

ПРОЛОГ

Все, что я до этого написал о приключениях Доктора Дулиттла, я услышал от людей, знавших его. В основном все описываемые события произошли еще до моего рождения. Сейчас я собираюсь рассказать о том, что видел собственными глазами.

Давным-давно Доктор дал мне на это право. Однако мы оба были тогда столь заняты – кругосветное путешествие, приключения, сбор сведений из естественной истории – что, казалось, у меня никогда не будет времени рассказать обо всем.

Теперь я состарился, память у меня ослабела. Но всякий раз, когда я начинаю сомневаться и колебаться, то зову Полинезию – попугая Доктора Дулиттла.

Эта замечательная птица (ей почти уже двести пятьдесят лет) обычно сидит у меня на письменном столе и, пока я пишу, напевает морские песенки. Всякий, кто хоть раз встречал Полинезию, знает, что у него самая замечательная память на свете. Если я в чем-то не вполне уверен, он всегда может описать все совершенно точно, припомнив самые незначительные подробности. По существу, мне иногда кажется, что эта книга написана не мной, а Полинезией.

Что ж, очень хорошо, приступаю. Сначала – кое-что о себе и о том, как я познакомился с Доктором.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава I

СЫН САПОЖНИКА

Меня звали Томми Стаббинс, мне было девять с половиной лет. Мой отец, Джекоб Стаббинс, сапожничал в Пуделби-на-Болоте, что был тогда маленьким городишком. Посреди него протекала река, над ней возвышался старинный каменный мост, который все именовали Королевским — он соединял рынок с кладбищем.

Морские парусные суда поднимались по реке и бросали якорь у моста. Я обычно спускался к набережной понаблюдать за матросами, разгружавшими корабли. Карабкаясь по канатам, моряки пели странные песни, и я выучил их наизусть. Бывало, я усаживался на причале, свесив ноги в воду, и пел вместе с матросами, словно сам работал на корабле.

Мне всегда хотелось уплыть на одном из кораблей, когда они поворачивались кормой к местной церкви и начинали медленно ползти к морю по реке, окруженной огромными пустынными болотами. Я жаждал отправиться на поиски счастья в чужие края — Африку, Индию, Китай и Перу! Огромные коричневые паруса были видны даже за поворотом реки, скрывавшейся за домами, они возвышались над городскими крышами и медленно двигались вперед, подобные великанам, бесшумно прогуливающимся среди зданий. Сколько удивительного предстояло увидеть матросам! Желал бы я знать, когда в следующий раз они бросят якорь у Королевского моста. Мечтая о невиданных странах, я обычно сидел и смотрел до тех пор, пока корабли не исчезали за горизонтом.

В Пуделби у меня было три верных друга. Один из них — Джо, сборщик моллюсков, живший в крошечной хибарке на берегу реки под мостом. У этого старика были золотые руки, он делал восхитительные вещицы. Джо чинил мои игрушечные кораблики, которые я пускал по реке, строил ветряные мельницы из ящиков для упаковки и бочарных досок, делал со-

вершенно восхитительных воздушных змеев из старых зонтиков.

Иногда Джо брал меня с собой в свою похожую на моллюска лодку, и, когда заканчивался прилив, мы гребли по реке до самого моря, где собирали моллюсков и омаров на продажу. Над холодными пустынными болотами мы видели летящих диких гусей, кроншнепов, красноножек и прочих птиц, живущих среди высокой травы, выросшей на огромных соленых топях. Когда мы возвращались по вечерней реке вместе с приливом, огни на Королевском мосту мерцали в сумерках, напоминая об ужине и теплом очаге.

Другой мой друг — Мэтью Мэг, мясник, торгующий кормом для кошек. Это был забавный старичок. Он выглядел весьма пугающе, поскольку страдал косоглазием, но поговорить с ним — одно удовольствие. Он знал в Пуделби каждого, а также всех собак и кошек. В те времена его профессия была довольно обычным делом, и вы почти каждый день могли встретить такого торговца, прогуливающегося по улицам с криком: "Мясo! М-я-с-о!" Кусочки мяса, насаженные на небольшие вертела, лежали на деревянном подносе. Люди платили деньги и давали это лакомство своим кошкам и собакам, а не кормили их галетами или объедками со стола, как нынче.

Я радовался, прогуливаясь вместе со старым Мэтью и наблюдая за кошками и собаками, спешившими в любое время на его клич к воротам городского сада. Иногда он позволял мне самому кормить животных, и тогда наступало настоящее веселье. Он знал много интересного о собаках, показывал мне различные породы. У него было несколько своих собак. Одна из них, гончая, прекрасно бегала. Благодаря ей Мэтью обычно доставались призы на субботних собачьих бегах. Другая — терьер, была замечательным крысоловом. Продавец кошачьей еды зарабатывал на этой собаке, отправляя ее к мельникам и фермерам для ловли крыс, что было немалым подспорьем при его не слишком доходном ремесле.

Моим третьим другом был Лука Отшельник. О нем я расскажу попозже.

Я не ходил в школу, поскольку у отца не было на это средств. Я очень любил животных и целыми днями собирал птичьи яйца, охотился за бабочками, ловил рыбу в реке, бродил

по окрестностям в поисках ежевики и грибов, помогал сборщику моллюсков чинить сети.

Да, тогда я жил очень вольготно, хотя, конечно, не сознавал этого. Мне было девять с половиной лет, и, как всем ребятам, мне хотелось вырасти. Я и не знал, каким богачом был, живя без забот и тревог. Я всегда мечтал о времени, когда мне позволят покинуть отцовский дом, взойти на один из кораблей, спуститься по реке между туманных болот к морю — навстречу миру, в поисках удачи.

Глава II

Я УЗНАЮ О ВЕЛИКОМ НАТУРАЛИСТЕ

Однажды ранним весенним утром, прогуливаясь среди холмов за городом, я набрел на ястреба, вцепившегося когтями в белку. Он сидел на утесе, белка отчаянно сражалась за свою жизнь. Ястреб так испугался, неожиданно увидев меня рядом, что отпустил бедное создание и улетел прочь. Я взял на руки белку и обнаружил, что две ее лапки сильно повреждены. Я решил отнести бедняжку в город.

У моста я заглянул в хибарку к сборщику моллюсков и спросил его, не мог ли он что-либо сделать для белки. Джо надел очки, осмотрел внимательно пострадавшую, потом покачал головой.

— У твоей белки сломана лапка, а другая сильно поранена, — сказал он. — Я могу починить твои лодки, Том, но у меня нет ни инструментов, ни знаний, чтобы придать твоей раненой белке хорошие мореходные качества. Это — дело хирурга, притом настоящего. Я знаю здесь лишь одного человека, кто мог бы спасти жизнь белке. Это Джон Дулиттл.

— Кто такой Джон Дулиттл? — спросил я. — Ветеринар?

— Нет, — ответил сборщик моллюсков. — Он не ветеринар. Доктор Дулиттл — натуралист.

— Что это такое?

— Натуралист — это человек, который знает все о животных и бабочках, о растениях и скалах. Джон Дулиттл — очень известный натуралист, я удивлен, что ты никогда не слышал о нем, ты ведь сходишь с ума по животным. Об устрицах, крабах

и других существах с панцирем или раковиной он знает не меньше, чем я. Он скромн и не любит болтать, но люди утверждают, что Доктор Дулиттл – величайший натуралист в мире.

– Где же он живет? – спросил я.

– За Оксенторпской дорогой, на другом конце города. Ты не знаешь его дома, но, мне кажется, почти любой из тех мест покажет тебе. Иди и посоветуйся с ним. Это – великий человек.

Я поблагодарил сборщика моллюсков, взял мою белку и отправился к Оксенторпской дороге.

Первое, что я услышал, войдя на рынок, был крик:

– Мясо! М-я-с-о!

– Это Мэтью Мэг, – сказал я себе. – Он знает, где живет Доктор. Мэтью знает всех.

Я побежал через рыночную площадь и догнал его.

– Мэтью, знаешь ли ты Доктора Дулиттла? – спросил я.

– Еще бы! Доктора Дулиттла?! – ответил он. – Надо думать! Я знаю его не хуже, чем свою собственную жену, а, может, и лучше, как мне иногда кажется. Он великий человек, в высшей степени великий.

– Покажешь мне, где он живет? – спросил я. – Хочу отнести ему эту белку. У нее сломана нога.

– Конечно, – ответил Продавец кошачьей еды. – Я как раз собираюсь идти в ту сторону. Идем.

Мы пошли вдвоем, болтая.

– Я знаю Джона Дулиттла Бог знает сколько лет, – говорил Мэтью, пока мы шли через рыночную площадь. – Я совершенно уверен, что сейчас его нет дома. Он путешествует, но может вернуться в любой день. Я покажу тебе его дом, чтобы ты знал, где искать.

Все время, пока мы спускались к Оксенторпской дороге, Мэтью, почти не замолкая, рассказывал о своем великом друге Джоне Дулиттле, "Д-ре". Он так увлекся, что даже перестал кричать о своем товаре. Но тут мы обнаружили процессию собак, терпеливо сопровождавших нас.

– Куда же Доктор отправился путешествовать? – поинтересовался я, пока Мэтью раздавал им мясо.

– Я не могу тебе ничего сказать, – ответил он. – Никто не знает, где он путешествует и когда вернется. Он живет отшельником со своими домашними животными, совершает

великие путешествия и делает замечательные открытия. Вернувшись в прошлый раз, он рассказывал мне, что обнаружил племя краснокожих индейцев, живших на двух островах: мужья — на одном, жены — на другом. Разумные люди некоторые эти дикари! Они встречаются лишь раз в году, когда мужья приезжают навестить жен во время великого пиршества, скорее всего, на Рождество. Да, Доктор — замечательный человек. А что касается животных, тут уж никто не знает о них столько, сколько он.

— Откуда же ему удалось узнать так много? — спросил я.

Мясник остановился и хрипло прошептал мне на ухо:

— Доктор знает их язык.

— Язык птиц и зверей? — поразился я.

— Ну, конечно. Все животные говорят на разных наречиях. Одни говорят больше, другие изъясняются только знаками, как глухонемые. Но Доктор понимает их всех, птиц — так же хорошо, как зверей. Мы вдвоем храним его секрет, потому что люди смеются, когда слышат об этом. Он даже умеет писать на языке зверей и читает это вслух своим домашним животным. Он написал исторические книги на языке обезьян, стихи на языке канареек, комические куплеты для сорок. Сейчас он изучает язык устриц, крабов и других животных, имеющих панцирь или раковину. Но он говорит, что это тяжелая работа и он несколько раз был сильно простужен, поскольку пришлось долго держать голову под водой. В общем, это — великий человек.

— Конечно, — сказал я. — Мне очень хочется, чтобы он оказался дома, тогда я бы смог познакомиться с ним.

— Ну, вот его дом, смотри, — сказал Продавец кошачьей еды. — Вон тот маленький, у изгиба дороги, как будто взобравшийся на стену и возвышающийся над улицей.

Мы уже были за городской чертой, а домик, на который указывал Мэтью, действительно оказался маленьким и стоял как-то обособленно. Вокруг него был большой сад, он немного возвышался над дорогой, так что гостям следовало подняться по ступенькам, прежде чем достичь парадного входа. Я увидел в саду много прекрасных фруктовых деревьев, их ветви местами свешивались с высокой стены.

Мэтью подошел к парадному входу, я последовал за ним. Я думал, что он войдет в сад, но калитка была закрыта. Вокруг

дома бегала собака. Она взяла несколько кусочков мяса, которые Мэтью просунул сквозь решетку ворот, а также бумажные пакеты с зерном и отрубями. Я заметил: собака не остановилась, чтобы съесть мясо, как любая другая на ее месте, но отнесла все в дом и скрылась. У нее был странный широкий ошейник, сделанный, казалось, из меди или чего-то подобного. Мы с Мэтью пошли назад.

— Доктор еще не вернулся, иначе калитка не была бы заперта, — сказал Мэтью.

— А что в пакетах, которые ты дал собаке? — спросил я.

— Еда для животных, — пояснил Мэтью. — Дом Доктора просто набит ими. Когда Доктора нет дома, я приношу еду этому псу, а он раздает ее всем.

— А что за странный ошейник у него на шее?

— Это ошейник из чистого золота, — ответил Мэтью. — Он получил его много лет назад во время путешествия с Доктором, когда спас жизнь человеку.

— Давно ли этот пес живет у Доктора? — спросил я.

— Да, давно. Джип уже старичок. Вот поэтому Доктор не берет его больше в путешествия, а оставляет заботиться о доме. По понедельникам и четвергам я приношу ему еду сюда к воротам и просовываю сквозь решетку. Он не позволяет никому войти в сад в отсутствие Доктора, даже мне, хотя хорошо меня знает. Но если бы Доктор был дома, калитка наверняка была бы открыта.

Я отправился домой и положил мою белку в старый деревянный ящик, устланный соломой. Я лечил ее, ухаживал за ней, как умел, дожидаясь возвращения Доктора. И каждый день я ходил к маленькому домику с большим садом и проверял, не заперта ли калитка. Иногда пес Джип спускался к воротам взглянуть на меня, даже вилял хвостом и, казалось, был рад меня видеть, но не позволял мне войти в сад.

Глава III

ДОМ ДОКТОРА

Близился конец апреля. Как-то в понедельник после обеда отец попросил меня отнести починенные ботинки полковнику Беллоузу, жившему на другом конце города и слывшему большим оригиналом.

Я позвонил в колокольчик у парадного входа. Полковник приоткрыл дверь, высунул свою ярко-красную физиономию и сказал:

— Обойди вокруг дома, для ремесленников вход со двора.

Затем дверь захлопнулась.

Я почувствовал, что готов бросить туфли прямо посреди клумбы, но подумал, что отец может рассердиться и не стал этого делать. Я вошел во двор, там меня встретила жена полковника и забрала туфли. Это была маленькая робкая женщина с руками, перепачканными мукой, как будто она пекла хлеб. Она казалась ужасно напуганной мужем, я все еще слышал его тяжелые шаги по дому и возмущенное ворчание по поводу того, что я хотел войти через парадный вход. Жена полковника спросила шепотом, не хочу ли я сдобную булочку с изюмом и стакан молока.

Я сказал:

— Да, спасибо.

После, проглотив булочку и молоко, я поблагодарил хозяйку, направился было домой, но решил взглянуть, не вернулся ли Доктор, так как был крайне обеспокоен состоянием белки.

Итак, я повернул на Оксенторпскую дорогу и отправился к дому Доктора. По пути я заметил, что небо покрылось тучами и можно было ждать дождя.

Я подошел к калитке и, обнаружив, что она еще все заперта, почувствовал себя совершенно обескураженным. Вот уже неделю я тщетно ждал приезда Доктора. Джип подбежал к калитке, завилял, как обычно, хвостом, а потом уселся и стал внимательно следить, чтобы я не вошел.

Я начал опасаться, что моя белка умрет до возвращения Доктора. Печальный, я спустился по ступенькам и отправился домой.

Наверное, пришло время ужинать. У меня не было собственных часов, но я заметил на дороге идущего навстречу джентльмена, а когда он подошел ближе, узнал отправившегося на прогулку полковника. Он закутался в элегантное пальто, шарф, на руках — яркие перчатки. День был не слишком холодным, но полковник из-за обилия одежды походил на подушку среди свернутых одеял. Я спросил, не был бы он так любезен сказать, который час.

Он остановился, заворчал и свирепо взглянул на меня сверху вниз. Его багровое лицо покраснело еще сильнее, и, когда он заговорил, брызгая слюной, это походило на хлопок пробки, вылетающей из бутылки с имбирным лимонадом.

— Неужели тебе хоть на минуту могло прийти в голову, что я стану расстегиваться и доставать часы, чтобы сказать такому малышу, как ты, сколько времени?!

Он заковылял вниз по улице, ворча громче обычного.

Я замер на мгновение, глядя ему вслед и размышляя, сколько же должно быть лет человеку, чтобы полковник в ответ на вопрос о времени преодолел неудобства и извлек часы.

Вдруг, как из ведра, полил дождь. Я никогда не видел такого ливня. Стемнело, почти как ночью. Дул ветер, грохотал гром, сверкала молния, уличные канавы мгновенно превратились в реки. Укрыться было негде. Я пригнул голову навстречу сильному ветру и бегом пустился домой.

Неожиданно моя голова ударилась обо что-то тяжелое, от неожиданности я уселся на тротуар. Я поднял глаза, чтобы взглянуть, в кого же я врезался. Напротив меня на мокром тротуаре, так же, как и я, сидел маленький толстенький человек с очень добрым лицом. На голове у него была поношенная высокая шляпа, а в руках небольшая черная сумочка.

— Извините, пожалуйста, — сказал я. — Я наклонил голову и не видел вас.

К моему великому изумлению, маленький человечек вместо того, чтобы рассердиться, стал смеяться.

— Знаешь, это напоминает мне один случай, происшедший в Индии, — сказал он. — Однажды в грозу я тоже врезался — в женщину. На голове у нее был кувшин с черной патокой, и эту

патоку я потом носил на себе – мухи липли беспрестанно. Я не ушиб тебя?

– Нет, – успокоил я. – Со мной все в порядке.

– Понимаешь, я виноват так же, как и ты, – сообщил маленький человек. – Я тоже наклонил голову. Но, послушай, нам не стоит вот так сидеть и разговаривать. Ты, должно быть, промок, как и я. Далеко тебе идти?

– Я живу на другом конце города, – ответил я, пока мы поднимались.

– Боже мой, да мы же сидим на мокром тротуаре, в луже, – забеспокоился он. – Такие падения – штука прескверная. Пойдем ко мне домой, обсохнем. Такая буря проходит быстро.

Он схватил меня за руку, и мы побежали назад, вниз по дороге. Я заинтересовался, кем бы мог быть этот смешной маленький человек и где он живет. Я совершенно не знал его, а он вел меня к себе домой обсохнуть. Полная противоположность старому краснолицему полковнику, не захотевшему сказать мне, который час!

Вскоре мы остановились.

– Ну вот мы и пришли, – заявил мой новый знакомый.

Я поднял глаза, чтобы осмотреться, и увидел себя вновь у ступенек, ведущих к маленькому дому с большим садом. А заботливый человек уже бежал вверх по ступенькам и открывал калитку ключами, которые достал из кармана.

– Наверняка это он, сам великий Доктор Дулиттл! – подумал я.

Наслышавшись так много о нем, я полагал встретить высокого сильного мужчину. Трудно было поверить, что смешной маленький человек с добрым улыбающимся лицом действительно Доктор Дулиттл. Однако он довольно уверенно взбежал по ступенькам и открыл ту самую калитку, на которую я смотрел в течение стольких дней!

Пес Джип выскочил стрелой и начал от радости лаять и прыгать на него. Дождь полил еще сильнее, чем прежде.

– Вы Доктор Дулиттл? – прокричал я, пока мы торопливо поднимались по короткой садовой дорожке к дому.

– Да, я Доктор Дулиттл, – подтвердил он, открывая парадную дверь той же самой связкой ключей. – Входи! Не трудись вытирать ноги. Не обращай внимания на грязь. Неси ее с собой. Ведь во дворе дожди!

Я проскользнул в дом, Доктор и Джип вошли следом. Затем Доктор захлопнул за нами дверь. Из-за бури на улице было довольно темно, а в доме, при закрытой двери, совсем ничего не видно. Потом начался совершенно невообразимый шум, какого мне никогда не приходилось слышать. Как будто все виды и породы животных и птиц кричали, верещали и пищали в одно и то же время. Я слышал, как некоторые из них скатывались по ступенькам и спешили по коридорам. Где-то в темноте кричала утка, кукарекал петух, ворковал голубь, кричала сова, лаял Джип. Я ощутил, как птицы порхали и махали крыльями рядом с моим лицом. Какие-то существа ударялись о мои ноги и грозили свалить. Казалось, вся передняя кишит животными. Шум, усиленный ревом грозы, был ужасен, и я даже слегка испугался, когда почувствовал, что Доктор Дулиттл взял меня за руку и прокричал на ухо:

— Не волнуйся! Не бойся. Это домашние животные. Я уезжал на три месяца, и они рады встретить меня дома. Стой спокойно на месте, пока я не включу свет! Боже мой, что за гроза! Ты только прислушайся к раскату грома!

Итак, я стоял в крошечной тьме, в то время как самые разнообразные животные, которых я не мог видеть, шумели и толкались вокруг меня. Все мне казалось необычным и смешным. И раньше часто спрашивал себя, каков Доктор Дулиттл и что находится в маленьком смешном домике, но не мог представить ничего подобного. Тем не менее почему-то после того, как я почувствовал, что Доктор взял меня за руку, я уже не боялся, я был только смущен. Все походило на какой-то странный сон, и я уже подумывал: а не проснуться ли? Но тут вновь раздался голос Доктора:

— Мои проклятые спички совсем отсырели. Не хотят зажигаться. Нет ли у тебя спичек?

— Боюсь, что нет! — крикнул я.

— Не беспокойся, — сказал он. — Возможно, Даб-Даб сможет добыть нам огонек.

Затем Доктор произвел языком несколько смешных щелкающих звуков, и я услышал, что кто-то протопал вверх по лестнице и принялся расхаживать по комнатам.

Потом мы спокойно подождали некоторое время.

— Долго еще ждать света? — спросил я. — Какое-то животное сидит у меня на ноге, и скоро занемеют пальцы.

— Один момент, — попросил Доктор. — Она вернется через минуту.

И именно тогда я увидел первые проблески света над нашей площадкой. Сразу же все животные успокоились.

— Я думал, вы живете один, — сказал я Доктору.

— Ты ошибался, — ответил он. — А, вот Даб-Даб принесла свечу.

Я взглянул вверх, пытаюсь разобрать, кто там идет. Ничего вокруг не было видно, но я совершенно четко слышал шаги на верхнем пролете лестницы. Кто-то спускался вниз по ступенькам, будто прыгал на одной ноге.

Свет засиял ярче и отбрасывал странные пляшущие тени на стены.

— Ну, наконец! — сказал Доктор. — Добрая старушка Даб-Даб.

Я тогда подумал, что в самом деле, должно быть, сплю. Вытягивая шею за угол лестничной площадки, прыгая вниз по ступенькам на левой лапе, к нам опускалась белая, без единого пятнышка, утка. В правой лапе она держала зажженную свечу!

Глава IV

ВИФФ-ВАФФ

Когда я, наконец, смог разглядеть окружающее, то обнаружил, что передняя действительно полна животных.казалось, здесь представлены все виды местных птиц и зверей: голубь, белая крыса, сова, барсук, галка, даже маленький поросенок, только что пришедший из сада, омытого дождем, и осторожно вытиравший копыта о половики. Его мокрая розовая спина поблескивала при свете свечи.

Доктор взял у утки подсвечник и повернулся ко мне.

— Ты должен снять мокрую одежду. Кстати, как тебя зовут?

— Томми Стаббинс, — ответил я.

— Так, значит, ты сын сапожника Джекоба Стаббинса?

— Да, — подтвердил я.

— Прекрасный мастер твой отец, — сказал Доктор. — Видишь вот это?

И он поднял правую ногу, чтобы показать огромный тяжелый башмак.

— Твой отец сделал мне эти ботинки четыре года назад, я носил их, не меняя, — изумительная обувь. Ну, а теперь взгляни сюда, Стаббинс. Тебе придется сменить мокрую одежду, и побыстрее. Подожди минутку, пока я не зажгу еще несколько свечей, тогда мы пойдем наверх и найдем какое-нибудь сухое платье. Ты мог бы надеть мой старый костюм, пока мы высушим твой на кухне у огня.

Вскоре, как только свечи были зажжены по всему дому, мы поднялись наверх. Когда мы вошли в спальню, Доктор открыл большой платяной шкаф и достал два старых костюма. Мы переоделись, потом отнесли мокрую одежду вниз на кухню и разожгли огонь в большом камине. Костюм Доктора был мне так велик, что я все время наступал на брюки, пока помогал Доктору нести дрова из подвала. Но очень скоро в камине вспыхнуло пламя, и мы развесили вокруг на стульях мокрую одежду.

— Теперь давай приготовим ужин, — сказал Доктор. — Ты ведь, конечно, останешься, Стаббинс, и поужинаешь со мной?

Мне очень нравился маленький смешной человек который звал меня "Стаббинсом", а не "Томми", или "пареньком" ("паренька" я просто терпеть не мог!) Этот человек, казалось, сразу стал обращаться со мной как со взрослым другом. И когда он предложил мне остаться поужинать, я был очень горд и счастлив. Но тут я вспомнил, что не предупредил мать и печально ответил:

— Большое спасибо. Я бы с удовольствием остался, но, боюсь, моя мама начнет беспокоиться, если я не вернусь вовремя.

— Но, дорогой мой Стаббинс, — сказал Доктор, подбрасывая полено в огонь, — твоя одежда еще не высохла. Тебе придется подождать, верно? К тому времени мы успеем приготовить ужин и съесть его. Ты не видел, куда я положил портфель?

— Мне кажется, он остался в прихожей. Пойду взгляну.

Я нашел портфель недалеко от парадной двери. Он был из черной кожи и казался очень, очень старым. Один из замков был сломан, и портфель был перевязан посередине бечевкой.

— Спасибо, — сказал Доктор, когда я принес портфель.

— Это весь ваш багаж? — спросил я.

— Да, — сказал Доктор, развязывая бечевку. — Я не люблю громоздких вещей. Жизнь слишком коротка, чтобы суетиться

из-за них. На самом деле они и не нужны. Да, куда я дел сосиски?

Доктор начал шарить в портфеле. Вначале он достал буханку свежего хлеба, потом на свет появилась стеклянная банка с необычной металлической крышкой. Прежде чем поставить ее на стол, он очень осторожно поднес ее к свету, и я увидел, что внутри плавало какое-то странное маленькое земноводная тварь. Наконец, Доктор вытащил около фунта сосисок.

— Теперь нам нужна только сковорода, — заявил он.

Мы отправились на кухню и там нашли несколько горшков и сковородок. Доктор снял одну, она оказалась совсем ржавой.

— Боже мой, ты только взгляни на это! — воскликнул он. — Вот что значит надолго оставить дом. Животные — молодцы, они замечательную поддерживали чистоту, пока хватало сил. Даб-Даб — совершенно великолепная домоправительница. Но кое-что, конечно, им не под силу. Не беспокойся, мы почистим сковороду. Вот здесь, внизу, под раковиной, ты найдешь немного песка. Подай его мне, ладно?

Через несколько минут сковорода сияла, сосиски жарились, и замечательный запах разносился по всему дому.

Пока Доктор занимался ужином, я пошел еще раз взглянуть на смешное маленькое существо, плавающее в стеклянной банке.

— Что это за животное? — спросил я.

— О, это Вифф-Вафф, — сказал, обернувшись, Доктор, — представитель одной из пород морского конька. Но туземцы зовут его просто Вифф-Вафф, мне кажется, потому, что он, пlying, машет хвостом. Вот из-за него я пустился в путешествие. Видишь ли, я теперь очень занят изучением языка животных, имеющих раковину или панцирь. У них свое наречие, в этом я уверен. Я сам могу немного говорить на языке акул и диалекте дельфинов, сейчас хочу выучить язык животных с раковиной или панцирем.

— Зачем? — спросил я.

— Видишь ли, некоторые из них относятся к старейшим на Земле видам животных. Мы находим их панцири в скалах под камнями тысячелетней давности. Так что я вполне уверен, что если бы смог овладеть их языком, узнал бы многое о мире, существовавшем много-много столетий назад. Ты понимаешь меня?

— Но не могут ли какие-либо другие животные рассказать нам это?

— Думаю, что нет, — сказал Доктор, тыкая вилкой в сосиски. — Честно говоря, обезьяны, с которыми я раньше познакомился в Африке, очень помогли мне своими рассказами о прошлом, но они уходили вглубь веков лишь на тысячу лет или что-то в этом роде. Нет, я уверен, древнейшую историю можно узнать лишь у древнейших видов животных, у них и только у них. Что поделаешь, ведь большинство видов, живших в древнейшие времена, теперь вымерли.

— Так вы уже выучили язык животных, имеющих панцирь или раковину? — спросил я.

— Нет, я только приступил к этому. Мне нужен был этот особый вид рыбы в виде изогнутой трубки, потому что она наполовину обычная рыба, а наполовину в панцире. Я объехал все восточное Средиземноморье, разыскивая такую. Но, боюсь, она не слишком поможет мне. Честно говоря, я весьма разочарован ее внешним видом. Она не выглядит такой уж разумной, не правда ли?

— Да уж, не выглядит, — согласился я.

— А, сосиски уже готовы, — обрадовался Доктор. — Потопляйся. Держи свою тарелку поближе, давай-ка, я положу тебе.

Потом мы усадились за кухонный столик и принялись за вкуснейшую еду.

Это была прекрасная кухня. Позже я много раз ел там и убедился, что с ней не сравнится самая великолепная в мире столовая. Она была такой уютной, домашней, теплой. Все было под рукой. Вы брали еду прямо с огня, горячий, ставили на стол и ели. И могли наблюдать, как ломтики вашего хлеба румянятся на каминной решетке, и не бояться, что они сгорят, пока вы едите суп. А если вы забыли поставить солонку на стол, то не нужно вставать и идти в другую комнату, чтобы принести ее, вы просто оборачивались и брали большую деревянную коробку из кухонного шкафа позади вас. А камин, самый большой камин, который вы когда-нибудь видели, был сам по себе, как отдельное помещение. Вы могли зайти на кухню в любое время, усесться на один из больших стульев у стены и поджаривать каштаны или слушать, как свистит чайник, или рассказывать истории, или рассматривать книжки с

картинками Это была великолепная кухня. Она была, как и Доктор, удобной, разумной, дружественной и основательной.

Пока мы расправлялись с едой, дверь неожиданное открылась, и в комнату важно вошли утка Даб-Даб и пес Джип. Они тащили за собой по чистому кафельному полу простыни и наволочки. Доктор, видя мое удивление, объяснил:

— Они как раз собираются подсушить постельное белье для меня у огня. Даб-Даб — не домохозяйка, а настоящее сокровище, она никогда ничего не забывает. У меня была сестра, которая обычно следила за домом (бедная дорогая Сара! Хотел бы я знать, как у нее идут дела, я не видел ее уже много лет). Но куда ей до Даб-Даба! Не хочешь ли еще колбаску?

Доктор повернулся и сказал что-то собаке и утке. Речь ее была странной смесью звуков и знаков. Казалось, животные все поняли.

— А знаете вы язык белок? — спросил я.

— О, да. Это весьма легкий язык, — объяснил Доктор. — Ты и сам без больших проблем сможешь выучить его. Но почему ты спрашиваешь об этом?

— У меня дома лежит больная белка, — сказал я. — Я спас ее от ястреба. Но две ее лапки сильно повреждены, и я очень бы хотел, чтобы вы осмотрели ее, если согласитесь. Можно мне принести ее завтра?

— Знаешь, если нога у нее сломана, мне кажется, лучше осмотреть ее сегодня вечером. Утром — слишком поздно. Я пойду вместе с тобой и взгляну на нее.

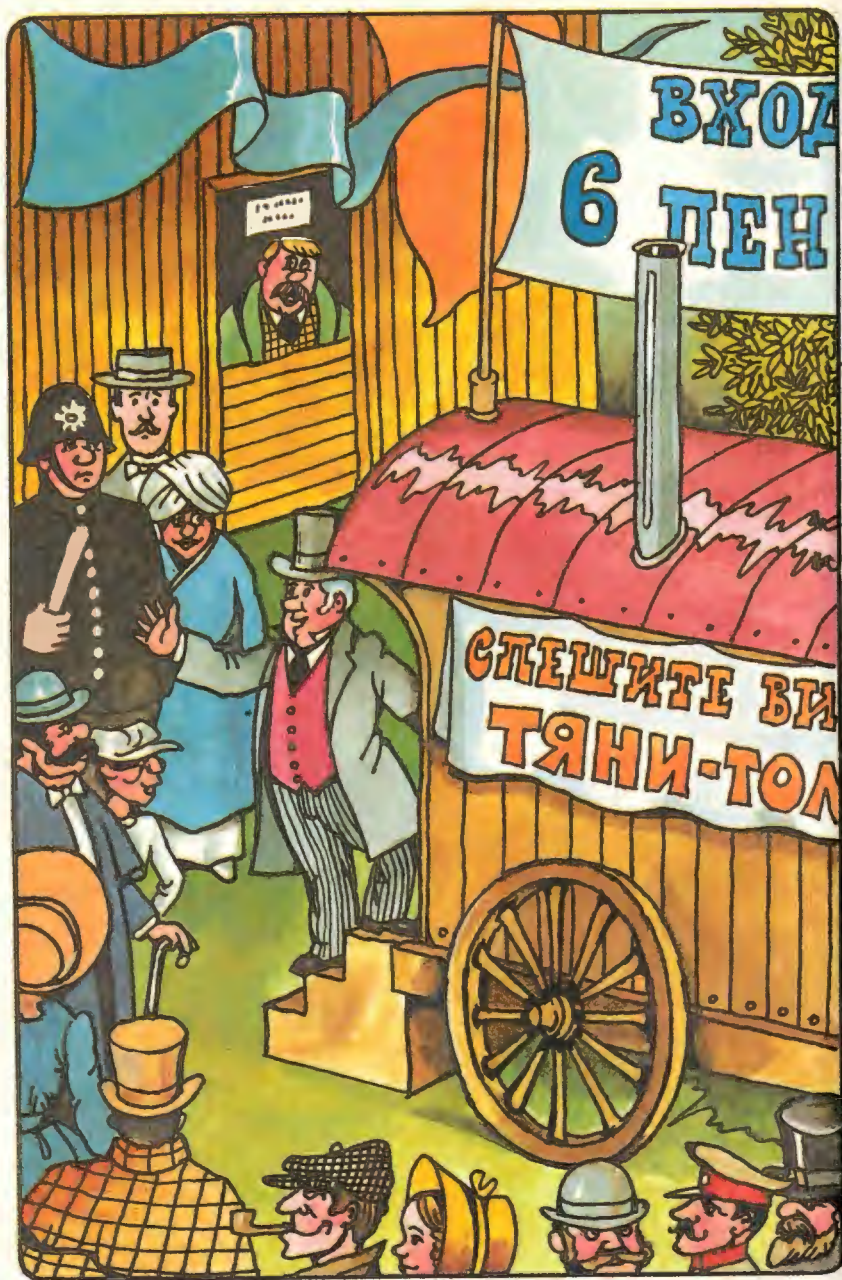
Вскоре мы пощупали одежду у огня, моя оказалась совершенно высохшей. Я отнес ее наверх в спальню и переоделся, а когда спустился вниз, Доктор уже ждал меня со своим маленьким черным портфелем, полным лекарств и бинтов.

— Пойдем, — сказал он. — Дождя уже нет.

На улице снова посветлело, вечернее небо было багровым от лучей заходящего солнца, а дрозды пели в саду, когда мы открывали калитку, чтобы спуститься к дороге.

Глава V

ПОЛИНЕЗИЯ

— **У** вас самый интересный дом из всех, мною виденных, — сказал я, как только мы двинулись в направлении города. — Можно навестить вас завтра?

— Конечно, — разрешил Доктор. — Приходи всегда, когда захочешь. Завтра я покажу тебе сад и мой личный зоопарк.

— Как? У вас есть зоопарк? — спросил я.

— Да, — ответил он. — Животные покрупнее не помещаются дома, я держу их в зоопарке в саду. У меня не такой уж богатый выбор животных, но, по-своему, он интересен.

— Это, должно быть, великолепно — уметь говорить на языках различных животных, — заметил я. — Как вы думаете, я когда-нибудь смогу научиться этому?

— Конечно, — успокоил меня Доктор. — Все придет с практикой. Знаешь, ты должен быть очень терпелив. Вначале тебе, конечно, был бы необходим Полинезия. Именно он мне дал первые уроки.

— Кто такой Полинезия? — спросил я.

— Полинезия — живший у меня попугай из Западной Африки. Теперь его нет со мной, — опечалился Доктор.

— Почему? Он умер?

— Нет! — воскликнул Доктор. — Он жив, я надеюсь. Но когда мы прибыли в Африку, он, казалось, был так рад вернуться на родину, что просто плакал от радости. И когда пришло время возвращаться, у меня не хватило смелости забрать его из солнечной страны, хотя, это верно, сам он хотел вернуться. Но я все-таки оставил его в Африке. О Боже! Расставание было ужасным! Он плакал, когда мы уезжали. Но, думаю, я поступил верно. Он был одним из лучших друзей, которые у меня когда-либо были. Именно он поддал мне мысль выучить язык животных и лечить их. Я часто спрашиваю себя, счастлив ли он в Африке и увижу ли когда-нибудь его вновь, смешного, старого и церемонного. О старина Полинезия! Совершенно исключительная птица, да, да!

Именно в этот момент мы услышали, что кто-то бежит за нами, и, обернувшись, увидели пса Джипа. Он выглядел очень возбужденным и, как только приблизился к начал по-особому лаять и скулить. Доктор выслушал его, тоже разволновался и начал что-то говорить, делая псу странные знаки. Чуть позже он обернулся ко мне с сияющим от счастья лицом.

— Полинезия вернулся! — закричал он. — Ты только представь себе. Джип говорит, Полинезия только что прибыл домой. Боже мой! Вот уже пять лет, как я не видел его. Подожди меня минутку.

Он повернулся, как бы собираясь вернуться домой. Но Полинезия уже летел нам навстречу. Доктор хлопнул в ладоши, как ребенок, получивший новую игрушку. Стайка болтливых воробьев на дороге, в высшей степени шокированная появлением несущегося над английской улочкой красно-серого попугая, вспорхнула на изгородь.

Попугай подлетел, уселся Доктору на плечо, и речь его пошла таким непрерывным потоком, что я ничего не мог понять. Казалось, ему надо было ужасно много рассказать. Доктор забыл и обо мне, и о моей белке, и о Джипе, и обо всем на свете, пока, наконец, птица отчетливо не спросила его обо мне.

— О, извини меня, Стаббинс! — сказал Доктор. — Так занятно послушать старого друга. Мы должны пойти и посмотреть твою белку. Полинезия, это Томми Стаббинс.

Попугай, сидевший на плече у Доктора, степенно кивнул мне и затем, к моему великому удивлению, сказал совершенно плавно по-английски:

— Как вы поживаете? Я помню ночь, когда вы родились. Была ужасно холодная зима. Вы были очень противным малышом.

— Стаббинс хочет изучать язык животных, — сказал Доктор. — Я только что говорил ему о тебе и об уроках, которые ты мне давал, а тут примчался Джип и рассказал о твоём возвращении.

— Ну, — сказал попугай, поворачиваясь ко мне, — возможно, я и начал учить Доктора, но никогда бы не смог сделать даже этого, если бы он не научил меня понимать, что именно я говорю, когда произношу слова по-английски. Видите ли, многие попугаи могут говорить, как люди, но мало кто понимает сказанное. Они говорят просто так или ожидая за это какого-нибудь лакомства.

Тем временем мы пришли к моему дому. Джип бежал впереди, а Полинезия сидел на плече у Доктора. Птица болтала непрерывно, в основном, об Африке, но теперь из вежливости говорила по-английски.

— Как поживает принц Бумпо? — спросил Доктор.

— О, хорошо, что ты спросил меня, — сказал Полинезия. — Я совсем забыл рассказать тебе. Что ты думаешь? Бумпо — в Англии!

— В Англии? Не может быть! — закричал Доктор. — Что же, ради всего святого, он здесь делает?

— Его отец, король, послал его сюда в городок под названием — гм! — Баллфорд — так, кажется, — чтобы он учился.

— Баллфорд! Баллфорд! — пробормотал Доктор. — Никогда не слышал о таком городке. О, ты имеешь ввиду Оксфорд?

— Да, Оксфорд, — сказал Полинезия. — Я знаю, там где-то есть замок. Оксфорд — это именно то место, куда он отправился.

— Ну, ну, — пробормотал Доктор. — Мечтатель Бумпо учится в Оксфорде. Ну, ну.

— В Джоллиджинке творилось нечто невероятное, когда он уезжал. Бумпо был насмерть перепуган. Ему — первому в стране — предстояло выехать за границу. Бумпо решил, что его отправляют на съедение белым людоедам или что-нибудь в этом роде. Ты же знаешь, в Джоллиджинке все такие невежественные! Вот ведь как! Однако отец заставил Бумпо поехать в Англию. Он сказал, что теперь все черные короли посылают теперь своих сыновей в Оксфорд. Это теперь модно, и ему придется ехать. Бумпо хотел взять с собой своих шестерых жен, но король и этого не позволил сделать. Бедный Бумпо отправился в слезах, все во дворце тоже плакали. Ты никогда не слышал такого гама.

— Не знаешь, не пытался ли он вновь отправиться на поиски Спящей Красавицы?

— О да, на следующий же день после вашего побега, — подтвердил Полинезия. — И это весьма разумно с его стороны: король, узнав, что принц помог вам бежать, был ужасно взбешен.

— А Спящая Красавица? Нашел он ее в конце концов?

— Он привез особу, которая, по его словам, была Спящей Красавицей. Мне-то кажется, что это просто негритянка-альбиноска. У нее были рыжие волосы и такие ножищи, каких ты никогда не видел. Но Бумпо женился на ней, закатив по этому

поводу грандиозные праздники. Пиршества длились семь дней. Она стала его главной женой и теперь известна как Кронпринцесса Бампах – ударение на последнем слог.

– Скажи мне, остался ли он белым?

– Только на три месяца, – сказал попугай. – После этого его лицо начало медленно приобретать естественный цвет. И это хорошо, а то он очень выделялся. Лицо белое, все остальное – черное.

– А как поживает Чи-Чи? Чи-Чи, – объяснил мне Доктор, – несколько лет назад была ручной обезьяной. Я ее тоже оставил в Африке, когда возвращался домой.

– Ну, – нахмурился Полизинезия, – Чи-Чи не слишком-то счастлива. Последние несколько лет я часто видел ее. Она страшно тоскует по тебе, по дому, по саду. Смешно сказать, но то же самое было со мной. Помнишь, как я хотел вернуться на дорогу мне землю? Кто бы что ни говорил, Африка – действительно замечательная страна. Так вот, я думал, что заживу там просто чудесно. Но, сам не знаю почему, через несколько недель меня все стало утомлять. Я просто места себе не мог найти. Так вот, если быть кратким, однажды ночью я решил вернуться и найти тебя. Я отыскал старину Чи-Чи и рассказал ей о своих планах. Она призналась, что вполне понимает меня и чувствует то же самое. Африка оказалась такой убийственно тихой после той жизни, которую мы вели у тебя. Чи-Чи явно не хватало историй, которые ты обычно рассказывал нам, твоих книг о животных, привычной болтовни вокруг камина зимними ночами. Все сородичи были очень добры к нам. Но все эти существа казались немножко глуповатыми. Чи-Чи тоже заметила это. Но, я думаю, не они изменились, а мы стали другими. Когда мы прощались, бедная старина Чи-Чи не выдержала и разрыдалась. Она сказала, что чувствует себя так, будто ее покидает единственный друг, хотя, как ты знаешь, у нее там миллион родственников. Она посчитала несправедливым, что у меня есть крылья и я могу прилететь сюда всегда, когда захочу, а она не может этого сделать. Но, помяните мое слово, не слишком удивлюсь, если она найдет сюда дорогу. Она очень умна, эта Чи-Чи.

За разговором мы подошли к дому. Лавка отца была закрыта, ставни подняты, мама стояла у двери и всматривалась вдаль.

– Добрый вечер, миссис Стаббинс, – сказал Доктор. – Это я виноват, что ваш сын так опоздал. Я оставил его поужинать,

пока сохла одежда. Он промок до нитки, как и я. Мы столкнулись друг с другом во время грозы, и я настоял, чтобы он переждал непогоду.

— Я уже начала беспокоиться, — призналась мама. — Благодарю вас, сэр, что вы так хорошо позаботились о нем и привели домой.

— Ну что вы, что вы! — запротестовал Доктор. — У нас была очень интересная беседа.

— С кем имею честь говорить? — спросила мама, глядя на серого попугая, усевшегося на плече Доктора.

— О, я — Джон Дулиттл. Осмелюсь сказать, ваш муж должен помнить меня. Он мне сделал совершенно замечательные ботинки около четырех лет назад. В самом деле, великолепные, — добавил Доктор, глядя на свои ноги с чувством глубокого удовлетворения.

— Доктор пришел, чтобы полечить мою белку, мама, сообщил я. — Он знает все о животных.

— О нет, — возразил Доктор, — не все, Стаббинс, далеко не все.

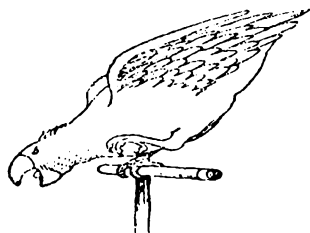
— Очень любезно с вашей стороны проделать такой путь, чтобы позаботиться о его животном, — сказала мама. — Том всегда приносит из лесу и с полей разную живность.

— В самом деле? — спросил Доктор. — Возможно, когда он вырастет, станет натуралистом. Кто знает?

— Не хотите ли войти? — предложила мама. — Дома небольшой беспорядок, я не закончила уборку. Но здесь, в гостиной, хороший камин.

— Спасибо! — сказал Доктор. — Какой у вас очаровательный дом!

Аккуратно, очень аккуратно вытерев свои огромные ботинки о коврик, великий человек вошел в наш дом.

Глава VI

РАНЕНАЯ БЕЛКА

В доме у камина мы обнаружили отца, играющего на флейте. Он каждый вечер занимался этим после работы.

Доктор немедленно начал говорить с ним о флейтах, кларнетах и фаготах, и вскоре отец предложил:

— Возможно, вы сами играете на флейте, сэр? Не желаете ли сыграть нам что-либо?

— Хорошо, — сказал Доктор, — я уже давно не касался инструмента, но хотел бы попробовать. Можно?

Доктор взял флейту у моего отца и играл, играл, играл. Это было замечательно. Отец с мамой сидели неподвижно, как статуи, уставившись в потолок, словно были в церкви, и даже я, не обращавший на музыку никакого внимания и ценивший лишь губную гармонику, даже я почувствовал печаль, ощутил холод, мурашки по всему телу и захотел стать лучше, чем есть.

— О, мне кажется, это было просто прекрасно! — вздохнула мама, когда Доктор, наконец, закончил.

— Вы великий музыкант, сэр, — признал отец. — В самом деле, музыкант. Не сыграете ли нам что-нибудь еще?

— Да, конечно, — согласился Доктор. — О, я совсем забыл о белке.

— Одну минуту, — сказал я. — Белка наверху, в моей комнате.

Я отвел Доктора к себе в спальню (наверх, под самую крышу) и показал белку, лежащую на соломе в ящике.

Животное, которое всегда, казалось, так боялось меня, хотя я изо всех сил пытался помочь ему почувствовать себя, как дома, село и принялось болтать, как только Доктор вошел в мою комнату. Доктор отвечал ей в том же духе, и белка, которую пришлось вытащить из ящика, чтобы осмотреть ногу, выглядела, скорее, обрадованной, чем испуганной.

Я держал свечу, пока Доктор накладывал на ногу белке шины, которые он выстрогал из спичек перочинным ножом.

— Думаю, нога у нее очень скоро заживет, — сказал Доктор, закрывая портфель. — Не позволяй ей бегать, по крайней мере, в течение двух недель, но держи на свежем воздухе и укрывай

сухими листьями, если ночи будут прохладными. Она говорит, что ей здесь довольно одиноко, и хочет узнать, как поживают ее муж и дети. Я сказал, что тебе можно доверять, и пошлю белку, живущую в моем саду, выяснить, как дела в семье больной. Она в любом случае должна сохранять хорошее расположение духа. Белки по своей природе очень бодры и активны. Им очень тяжело лежать без дела. Но не стоит беспокоиться. Все будет в порядке.

Потом он опять вернулся в гостиную, и мама с отцом задержали его, попросив поиграть на скрипке.

Хотя мои родители очень полюбили Доктора и ужасно гордились тем, что он приходил к нам и играл для нас (ведь мы были бедняками), они никогда не представляли, каким действительно великим человеком он однажды станет. Конечно, теперь, когда почти все в мире слышали о Докторе Дулиттле и его книгах, если бы вы подошли к маленькому домику в Пуделби, где у моего отца была сапожная мастерская, вы бы увидели на стене над старой дверью каменную мемориальную доску, на которой написано:

**ДЖОН ДУЛИТТЛ,
ЗНАМЕНИТЫЙ НАТУРАЛИСТ,
ИГРАЛ В ЭТОМ ДОМЕ НА ФЛЕЙТЕ
В 1839 ГОДУ**

Я часто мысленно возвращаюсь к этому вечеру. Закрываю глаза, вижу гостиную такой, какой она была тогда, вижу маленького смешного добродушного круглолицего человека во фраке, играющего на флейте перед камином, мою маму справа от него и отца слева, слушающих музыку, затаив дыхание, закрыв глаза, вижу себя самого и Джипа, усевшегося на коврик у ног Доктора, вижу Полинезию на каминной доске за высокой шляпой Доктора, вижу, как попугай степенно покачивает головой в такт музыке. Я вижу все это будто наяву.

Затем я вспоминаю, как, проводив Доктора, мы вернулись в гостиную и говорили о нем, и даже ночью (а я никогда еще не ложился так поздно) мне снился Доктор и оркестр из странных умных животных, играющих на флейтах, скрипках, барабанах.

Глава VII

БЕСЕДА МОЛЛЮСКОВ С РАКООБРАЗНЫМИ

Хоть я и лег спать очень поздно, но проснулся рано. Первые воробьи за окном только начали сонно чирикать на шиферных крышах, когда я вскочил с постели и оделся.

Я едва сдерживался, чтобы не отправиться опять к маленькому домику с большим садом. Так хотелось увидеть Доктора и его зоопарк. Первый раз в жизни я забыл о завтраке и, спустившись на цыпочках по лестнице, чтобы не разбудить маму и отца, открыл парадную дверь и побежал по тихой пустынной улице.

Подойдя к калитке доктора, я неожиданно подумал, что еще слишком рано и Доктор, возможно, не проснулся. Я заглянул в сад. Там никого не было. Тогда я тихонько открыл калитку и вошел.

Свернув налево, чтобы спуститься по дорожке между двумя живыми изгородями, я услышал совсем рядом голос:

— Доброе утро!

Я обернулся. На изгороди сидел серый попугай Полинезия.

— Доброе утро, — сказал я. — Кажется, я пришел слишком рано. Доктор еще в постели?

— О, нет, — сказал Полинезия. — Он проснулся полтора часа назад. Вы найдете его где-нибудь дома. Парадная дверь не заперта. Толкните ее и входите. Он наверняка готовит на кухне завтрак или работает в своем кабинете. Входите. Я здесь ожидаю восхода солнца. Но, честное слово, оно, кажется, забыло, что пора всходить. Ну и ужасный здесь климат! Если бы теперь мы были в Африке, весь мир бы в это время уже горел, залитый солнечным светом. Только взгляните, как туман перекачивается

по тем кочанам капусты. Достаточно только посмотреть на это, чтобы заработать ревматизм. Противный климат, противный! Я в самом деле не знаю, почему в Англии в изобилии одни лягушки... Ну, не позволяйте мне задерживать вас. Бегите, ищите Доктора.

— Спасибо, — сказал я. — Следую вашему совету.

Открыв парадную дверь, я почувствовал запах жарящегося бекона и направился на кухню. Здесь кипел на плите большой чайник, а рядом стояла сковорода с беконом и яйцами. Мне показалось, что бекон уже сохнет, я немного сдвинул сковороду с огня и отправился искать Доктора.

Он был в кабинете. До этого я не знал, что такое кабинет. Это оказалась весьма занятная комната с телескопами, микроскопами и другими старинными вещами, назначения которых я не понимал, но хотел понять. На стенах висели картины, изображающие животных, рыб, странные растения, рядом — коллекции птичьих яиц и морские раковины в стеклянной посуде.

Доктор в халате стоял у стола в центре комнаты. Вначале мне показалось, что он умывается. Перед ним был наполненный до краев водой стеклянный квадратный ящик. Доктор держал одно ухо над водой, а другое прикрыл левой рукой. Как только я вошел, он выпрямился.

— Доброе утро, Стаббинс, — сказал он. — Тебе не кажется, что сегодня будет хороший день? Я как раз слушал Вифф-Ваффа. Но он очень разочаровал меня, просто слов нет.

— Почему? — спросил я. — Обнаружилось, что у ему подобных нет своего наречия?

— Напротив, — ответил Доктор, — язык-то у них есть, но такой бедный, просто несколько слов типа "да" и "нет", "горячо" и "холодно". Больше он ничего не может сказать. Это меня очень разочаровывает. Видишь ли, он действительно принадлежит двум различным породам рыб. Я думал, он будет полезным, однако ошибся.

— Наверное, — сказал я, — у них и с мозгами негусто, если в языке только два или три слова.

— Да, я тоже предполагаю это. Возможно, все зависит от их образа жизни. Видишь ли, Вифф-Ваффы очень редки теперь и одиноки. Они плавают в океанских глубинах всегда сами по

себе, всегда обособленно. Похоже, что им в самом деле и не нужно много разговаривать.

— Возможно, какое-нибудь более крупное существо из этой породы скажет побольше, — заметил я. — В конце концов, он еще очень маленький, не правда ли?

— Да, — сказал Доктор, — это верно. Я не сомневаюсь ни в малейшей степени, что есть хорошо говорящие ракообразные и моллюски. Но больших животных, самых больших из этой породы так трудно поймать. Их можно найти только в морских глубинах, и, поскольку они не слишком много плавают, а, в основном, ползают по дну океана, то часто попадают в сети. Мне очень хочется найти способ спуститься на дно моря. Я бы многому научился, если б смог попасть туда. Но мы совсем забыли о завтраке. Ты еще не завтракал, Стаббинс?

Я сказал Доктору, что забыл об этих пустяках, и он отвел меня на кухню.

— Да, — продолжал он, заваривая чайник, — если бы человек умел опускаться на дно моря и жить там некоторое время, он обнаружил бы удивительные вещи, о которых люди никогда и не мечтали.

— Но люди спускаются вниз, не правда ли? — спросил я. — Водолазы, например?

— О, да, будь уверен, — согласился Доктор. — Конечно, водолазы спускаются вниз. Я тоже спускался под воду в водолазном костюме. Но учти, они спускаются под воду только на мелководье. Водолазы не могут достичь глубины. Что бы я хотел сделать — так это спуститься на самую глубину, под километровую толщу воды. Ну, ну, рискну сказать, что однажды сделаю это. Позволь мне налить тебе еще чашку чая.

Глава VIII

НАБЛЮДАТЕЛЬНЫ ЛИ ВЫ?

Именно в этот момент Полинезия вошел в комнату и сказал что-то Доктору на языке птиц. Конечно, я ничего не понял, но Доктор сразу же отложил нож и вилку и вышел.

— Знаешь, это так досадно, — сказал попугай, когда дверь за Доктором закрылась. — Только он вернулся домой, как все местные животные прознали, и каждая больная кошка и чесоточный кролик двинулись в дальний путь, чтобы спросить его совета. Сейчас у заднего крыльца дожидается большая толстая зайчиха с пронзительно визжащим малышом. Нельзя ли, скажите пожалуйста, увидеть Доктора? Она думает, что у малыша начинаются судороги. Я предполагаю, что маленький дурачок опять ел белладонну. Животные иногда так невнимательны, особенно матери. Они бегут со всех ног, отрывают Доктора от еды и поднимают с постели в любое время суток. Не представляю, как он все это выдерживает, я бы не смог. Что ж, у бедного Доктора вообще нет отдыха. Я тысячу раз твердил, чтобы он завел специальные часы приема животных, но он слишком добр и никому никогда не откажет, раз уж больной пришел. Доктор говорит, что срочными случаями надо заниматься сразу.

— Почему же хотя бы некоторые из животных не отправятся поискать других докторов?

— Боже милосердный! — вскричал попугай, презрительно трясая головой. — Ведь нет же других докторов, лечащих животных. Я говорю о настоящих докторах. О, конечно, наверняка есть эти ветеринары. Боже ты мой, они же ничего не стоят! Видишь ли, они не знают языка животных, как же ждать от них пользы? Представь, что ты или твой отец отправляется к доктору, который не понимает ни слова, сказанного вами, и не может посоветовать на вашем языке, что вам делать. Ох, уж эти ветеринары! Ты и понятия не имеешь, насколько они глупы! Поставь опять на огонь бекон для Доктора, чтобы еда не остыла, пока Доктор вернется.

— Вы думаете, я когда-нибудь смогу выучить язык животных? — спросил я, ставя сковородку на плиту.

— Ну, это от тебя зависит, — сказал Полинезия. — Ты соображаешь на уроках?

— Не знаю, — ответил я, чувствуя себя пристыженным. — Видите ли, я никогда не был в школе. Мой отец слишком беден, чтобы послать меня учиться.

— Ну, не думаю, что ты действительно много потерял, принимая во внимание тех школьников, которых я видел, — ответил попугай. — Но, послушай, внимателен ли ты? Можешь ли все замечать? Вот что я имею ввиду. Представь, например, что ты увидел двух скворцов на яблоне и только раз посмотрел хорошенько на них. Сможешь ли ты отличить их друг от друга на другой день?

— Не знаю, — усомнился я. — Никогда не пробовал.

— Тогда вот что, — сказал Полинезия, убирая крошки с угла стола левой лапкой, — развивай в себе то, что вы называете наблюдательностью, замечай все мелочи о птицах и животных: как они ходят, двигают головой, хлопают крыльями, принимают позы, топорщат усы, машут хвостами. Ты должен замечать все это, если хочешь выучить язык животных. Потому что, видишь ли, многие животные едва ли общаются при помощи языка, вместо этого они вздыхают по-разному, делают знаки хвостами или ногами. Так получилось, потому что многие из них в те далекие времена, когда львы и тигры были более многочисленны, боялись поднимать шум, чтобы свирепые хищники не услышали их. Птицы, конечно, этого не боялись, поскольку имели крылья, чтобы улететь. Но вот что надо запомнить: хорошая наблюдательность весьма важна при изучении языка животных.

— Все это представляется мне очень сложным, — вздохнул я.

— Ты должен быть терпеливым, — продолжал поучать Полинезия. — Надо потратить много времени, чтобы прилично сказать даже несколько слов. Но если ты будешь часто приходить сюда, я сам дам тебе несколько уроков. А когда начнешь, сам удивишься, как быстро пойдут дела. Было бы в самом деле хорошо, если бы ты смог научиться выполнять хотя бы часть работы Доктора, я имею ввиду такие несложные вещи, как перевязки, выдача таблеток. Да, это хорошая идея. Было бы просто прекрасно, если бы у бедного Доктора появился помощ-

ник. Просто ужасно, сколько ему приходится трудиться. Почему бы тебе действительно не помочь ему, при условии, что ты всерьез интересуешься животными.

— О, я бы с удовольствием! — закричал я. — Вы думаете, Доктор позволит мне?

— Конечно, — решил Полинезия. — Как только ты чему-то научишься, я сам поговорю с ним. Тс-с! Я слышу, как он возвращается. Быстро ставь его бекон обратно на стол.

Глава IX

САД МЕЧТЫ

Когда завтрак закончился, Доктор повел меня осматривать свой сад. И если дом был так интересен, то сад оказался интереснее во сто раз. Я не видел столь очаровательного места. Поначалу трудно было представить, как он велик. Ни конца, ни края. Когда казалось, что вы осмотрели его целиком, появлялась живая изгородь или ведущие вверх ступеньки, а за ними — целый мир, который вы никак не ожидали встретить.

Там были просторные лужайки со скамьями, вырезанными в покрытых мхом камнях. Над лужайками свисали ветви плакучих ив, раскачиваясь на ветру. Своими мягкими, пушистыми кончиками они подметали бархатную траву. По обе стороны старых, затихших дорожек высились подстриженные тисовые изгороди, и тропинки эти выглядели будто узенькие улочки старинного города. В изгородях были сделаны проходы, а над ними из ветвей деревьев выполнены очертания ваз, павлинов и полумесяцев. Здесь же радовал глаз чудесный мраморный пруд с золотыми сазанами, голубыми лилиями и большими зелеными лягушками. Высокую кирпичную стену вдоль изгороди покрыли зрелые розовые и желтые персики. Неподалеку рос огромный великолепный дуб, такой огромный, что в его полом стволе могли спрятаться четыре человека. Было понастроено много летних домиков, некоторые из дерева, некоторые — из камня. В одном находилась библиотека, а в углу, среди камней и папоротника — камин, где Доктор обычно жарил печенку и бекон, если хотел поесть на свежем воздухе. Рядом стояла кушетка, на которой он

обычно спал теплыми летними ночами, когда соловьи распевали над ним свои лучшие песни. Кушетка была на колесиках, чтобы легче перевозить ее. Больше всего меня восхитил крошечный домик на верхушке могучего вяза, куда вела длинная веревочная лестница. Доктор сказал, что оттуда наблюдает в телескоп за луной и звездами.

По саду вы могли бродить и исследовать его целыми днями, всегда находя что-то новое. С того самого момента, как я увидел сад Доктора, я был буквально очарован. Мне захотелось жить здесь всегда и никуда не выходить. В этом райском месте было все, чтобы дать человеку счастье, сделать его жизнь приятной, сохранить мир в сердце. Это был Сад Мечты.

Я сразу заметил множество птиц. На каждом дереве было по два-три гнезда. Здесь обосновались и другие дикие животные: горностаи, черепахи, кролики попадались едва ли не на каждом шагу и ничуть не боялись людей. Различные по цвету и размерам, жабы прыгали по лужайкам, как хозяйки. Зеленые ящерицы (столь редкие в Пуделби) сидели на камнях в лучах солнечного света и щурились, глядя на нас. Иногда встречались даже змеи.

— Тебе не стоит бояться их, — сказал Доктор, заметив, как я рванулся, когда большая черная змея переползла, извиваясь, дорожку прямо пред нами. — Эти ребятки совсем не ядовитые. Они приносят большую пользу, уничтожая многих садовых вредителей. Иногда по вечерам я играю для них на флейте, им это нравится. Они становятся на хвосты и могут стоять так вечно. Их склонность к музыке очень забавна.

— Почему все эти животные живут здесь? — спросил я. — Я никогда не видел сада, где было бы столько разных птиц и зверей.

— Ну, я полагаю, потому, что они находят здесь любимую еду и никто не мешает им, не беспокоит. Затем, конечно, они знают меня и полагают: если они или их дети заболеют, то в саду Доктора легко можно будет получить помощь. Взгляни! Видишь воробья на солнечных часах, ругающегося с черной птицей? Так вот, он годами прилетает сюда каждое лето из Лондона. Все окрестные воробьи смеются над ним. Они говорят, что он чирикает на лондонский манер. Это забавная птичка, очень храбрая, но одновременно — нахальная. Он очень любит поспорить и всегда заканчивает спор грубостью. Это настоящий

горожанин. В Лондоне он живет возле собора Святого Павла. Мы зовем его зазнайкой.

— А остальные птицы из наших окрестностей? — поинтересовался я.

— Большинство, — сказал Доктор. — Но несколько редких птичек той породы, что вообще вообще не встретишь в Англии, посещают меня каждый год. Например, прелестный малыш, парящий над львиным зевом, — это колибри. Он прилетает из Африки. По совести говоря, ему нечего делать в нашем климате. Здесь слишком прохладно. Я устраиваю его спать ночью на кухне. Затем каждый август, обычно в последнюю неделю, ко мне прилетает Пурпурная Райская Птица. Вид у нее весьма щегольский. Есть еще несколько экзотических птиц, в основном, из тропиков, которые прилетают в наш сад летом. Но пойдем, я должен показать тебе зоопарк.

Глава X

ЧАСТНЫЙ ЗООПАРК

Вряд ли в том саду оставалось еще хоть что-нибудь, нами не увиденное. Однако Доктор взял меня за руку и пошел вниз по узкой дорожке. После множества поворотов то влево, то вправо мы оказались перед дверью в каменной стене. Доктор открыл ее.

Там был еще один сад. Я думал, что увижу клетки с животными, но их не было видно. Правда, по всему саду стояли маленькие каменные домики. В каждом — по окошку и по двери. Когда мы пришли, многие дверцы в домиках открылись, и звери выбежали навстречу, ожидая, что мы их покормим.

— Разве на дверях нет замков? — спросил я у Доктора.

— Ну, конечно, есть, — ответил он. — В каждой двери свой замок. Но в моем зоопарке двери открываются изнутри, а не снаружи. Звери могут войти и закрыться в домике, если устанут от других животных или от людей, которые могут сюда прийти. Любой зверь тут живет не потому, что его заставляют, а потому, что ему тут нравится.

— Все они кажутся очень веселыми и опрятными, — заметил я. — А не могли бы вы сказать, как они называются?

— С удовольствием. Например, вот тот забавный зверь с розовой щетиной на спине — он сейчас трется носом о кирпичи — южноамериканский броненосец. А разговаривает с ним маленький канадский вальдшнеп. Они оба живут в ямках у стены. Два маленьких зверька, которые шалят сейчас в пруду, — русские норки. Совсем забыл, я должен пойти купить для них седелки и успеть до обеда: магазин сегодня рано закрывают. А вот то животное, которое только что вышло из домика, — антилопа, самая маленькая среди всех южноафриканских. Теперь пойдем посмотрим с другой стороны, я покажу тебе кое-что еще.

— А там олени? — спросил я.

— Олени? — удивился Доктор. — Где ты их видишь?

— Вон там, — показал я, — пощипывают травку на клумбе. Их двое.

— Ах, вот ты о чем, — улыбнулся Доктор. — Но их не двое. Это одно животное с двумя головами. Единственное двухголовое животное в мире. Оно называется Тяни-Толкай. Я привез его из Африки. Оно совсем ручное и живет у меня в зоопарке как сторож. Спит у него только одна голова, а другая — это ведь очень удобно — глядит по сторонам всю ночь.

— А у вас есть львы или тигры? — спросил я, когда мы отошли.

— Нет, — ответил Доктор. — Их нельзя было бы здесь держать. Да я и не стал бы этого делать, даже если бы мог. Будь это в моей власти, Стаббинс, во всем мире в неволе не жил бы ни один лев или тигр. Они никогда к ней не привыкают, поэтому в неволе всегда несчастны. Да и не могут они приспособиться. И вот вспоминают они с тоской о бескрайних просторах, что остались в прошлом. Это можно прочесть у них в глазах и увидеть, как они мечтают об огромных свободных землях, где родились. Или, например, грезят о густых темных джунглях, где матери научили их сначала различать запахи, а потом идти по следу за оленями. И что же они получают взамен? — рассердился вдруг Доктор. Он остановился и покраснел. — Что им дают вместо сияния африканского рассвета или шелеста вечернего ветра в пальмах, что они получают вместо зеленой тени сплетенных лиан или звездных ночей в пустыне, или гула водопада? Что, я снова спрашиваю тебя, им дают взамен всего этого? Пустую клетку из железных прутьев и безобразный кусок мертвечины, да и тот бросают один раз в день! Да еще и

толпу дураков впридачу, которые смотрят на них с открытыми ртами! Все это глупо, Стаббинс. Львы и тигры – Большие охотники, им не место в зоопарках.

Казалось, Доктор вдруг стал очень сердитым и почти грустным. Но вот его взгляд изменился, он снова взял меня за руку, приветливо улыбаясь.

– Мы еще не видели домики для бабочек и аквариумы. Пошли. Я очень горжусь ими.

Мы пошли вперед и вскоре оказались у отгороженного участка. Здесь я увидел большие, сплетенные из тонкой проволоки жилища, похожие на клетки. Внутри под сетками на солнце росли прекрасные цветы, а над ними летали бабочки. Доктор привлек мое внимание к стоявшим в ряд маленьким коробкам с дырочками. Коробки стояли в центре участка.

– Здесь выводят бабочек, – сказал Доктор. – Я кладу в коробки гусениц. Как только гусеницы превращаются в бабочек или мотыльков, они вылетают в сад.

– А у бабочек есть свой язык? – спросил я.

– Думаю, что есть, – ответил Доктор, – да и у жуков тоже. Но пока мне удалось очень мало узнать о языке насекомых. В последнее время я пытался выучить язык крабов и устриц. Пока только взялся за это.

В это время к нам подошел Полизия и сказал:

– Доктор, у задних ворот стоят две морские свинки. Они говорят, что убежали от мальчика, у которого жили, потому что он их плохо кормил. Свинки спрашивают, примете ли вы их.

– Хорошо, – сказал Доктор. – Покажи им, как пройти в зоопарк. Пусть зайдут домик слева от калитки, там раньше жила черная лиса. Расскажи им о правилах поведения и накорми получше. А теперь, Стаббинс, пойдем к аквариумам. И самым первым я тебе покажу мой большой стеклянный аквариум с морской водой, где живут крабы и устрицы.

Глава XI

МОЙ УЧИТЕЛЬ ПОЛИНЕЗИЯ

Я стал бывать у Доктора ежедневно и проводить там все время с утра до вечера. Однажды мама даже спросила, не собираюсь ли я перевезти к Доктору кровать и насовсем там поселиться.

Через некоторое время я уже научился помогать Доктору, кормил его любимцев, строил в зоопарке новые домики и заборы, помогал лечить новых больных зверей, вообще выполнял любую работу. Мне все это очень нравилось. Смею думать, Доктору меня бы не доставало, не приходи я столь часто.

Куда бы я ни направился, Полинезия всегда был рядом. Он учил меня языку птиц и объяснял, как понимать звериный язык. Сначала я думал, что никогда не научусь ему, это казалось мне таким трудным. Но старый попугай был очень терпелив, хотя иногда я замечал, что он с трудом сдерживается.

Вскоре я начал понимать, о чем болтают птицы и что означают шалости собак. Я научился прислушиваться к разговорам мышей за деревянной стеной, когда ложился спать, внимательно наблюдал за кошками на крышах и голубями на торговой площади в Пуделби.

Дни проходили очень быстро. Так всегда бывает, когда жизнь радует. Дни складывались в недели, недели в месяцы. Вскоре лепестки роз в саду Доктора начали опадать, а на зеленую траву широкой лужайки легли первые желтые листья. Лето почти кончилось.

Однажды мы с Полинезией разговаривали в библиотеке. Это была прекрасная большая комната с каминном. Стены с пола до потолка были заставлены книгами: там были пособия по садоводству, медицинские, рассказы о путешествиях. Вот эти мне больше всего нравились. Особенно я любил большой атлас Доктора с картами разных стран мира.

Как-то Полинезия показал мне книги о животных, которые Джон Дулиттл написал сам.

— Надо же! — воскликнул я. — Сколько у Доктора книг! Боже мой! Если бы я только мог их прочитать! Это, должно быть, очень интересно. А ты, Полинезия, умеешь читать?

— Совсем немножко, — ответил он. — Ты поосторожнее перерачивай страницы, не рви их. У меня совсем мало времени остается для чтения. Вот та буква, например, — "к", а эта — "б".

— Ну и что за слово под картинкой? — спросил я.

— Сейчас посмотрю, — ответил Полинезия и начал читать по буквам. — "Б-а-б-у-и-н" — это обезьяна. Надо знать только буквы.

— Полинезия! — обратился я к нему. — Мне нужно задать тебе очень важный вопрос.

— В чем дело, малыш? — переспросил он, расправляя перышки на правом крыле.

Полинезия иногда говорил со мной по-отечески. Я не возражал. В конце концов, он был почти на двести лет старше меня. Мне же было только десять.

— Послушай, — сказал я. — Моя мама считает, что я здесь слишком часто ем. И я хочу у тебя спросить: вот если бы я еще больше выполнял всяких работ у Доктора, я бы мог насовсем прийти сюда и жить здесь? Ну и за работу мне бы давали ночлег и кормили, а не платили как обычному садовнику или работнику. Как ты думаешь?

— То есть ты хочешь стать ассистентом Доктора, если я тебя правильно понял.

— Ну да. Пусть это так называется, — ответил я. — Ты ведь сам сказал, что я могу быть Доктору очень полезен.

Он с минуту подумал.

— Вообще-то почему бы и нет? Ведь ты, когда вырастешь, хочешь стать натуралистом?

— Да, — ответил я. — Я уже решил. Скорее всего, я стану натуралистом.

— Уф! Тогда пойдем и поговорим об этом с Доктором, — предложил Полинезия. — Он в соседней комнате у себя в кабинете. Открывай дверь потише. Доктор, может быть, работает, а он не любит, когда его беспокоят в эти часы.

Я тихонько открыл дверь и заглянул. Мне бросилась в глаза большая охотничья собака черного цвета. Она сидела на коврике перед камином, уши у нее стояли. Собака внимательно слушала, как Доктор читал ей письмо.

— Что это Доктор делает? — шепотом спросил я у Полинезии.

— Собака получила письмо от своей хозяйки. Она принесла его Доктору прочитать. Хозяйка собаки — смешная маленькая девочка. Ее зовут Минни Дули, она живет в другом конце города. У Минни косички, как у свинки хвостики. Девочка уехала вместе с братом на море на все лето. Пока детей нет, сердце собаки разрывается от тоски. Дети пишут ей письма по-английски. Но старая собака не может прочитать. Она приносит письма сюда, и Доктор переводит их на звериный язык. Я думаю, Минни написала, что скоро возвратится. Посмотри, как собака взволнована. Она просто не отрывает от Доктора глаз.

Действительно, казалось, что собака вне себя от радости. Едва Доктор закончил читать письмо, старая собака громко залаяла, завиляла хвостом и запрыгала по кабинету. Затем она осторожно взяла письмо в зубы и выбежала из комнаты, громко пофыркивая и разговаривая сама с собой.

— Она пойдет встречать поезд, — прошептал Полизинезия. — Любовь собаки к детям трудно объяснить. Ты бы видел Минни! Это крайне самодовольная и дерзкая маленькая девчонка. Кроме того, глаза у нее косят.

Глава XII

У МЕНЯ ИДЕЯ!

Вскоре Доктор оглянулся и увидел нас в дверях.

— Входи, Стаббинс, — сказал он. — Хочешь поговорить со мной?

— Доктор! — выпалил я. — Я хочу стать естествоиспытателем, как вы, когда вырасту.

— Неужели? — пробормотал Доктор. — Уф! Ну и ну! Господи! Что ты говоришь? Неплохо, совсем неплохо! Ну, а с матерью и отцом ты советовался?

— Еще нет, — ответил я. — Хочу, чтобы вы вместо меня с ними поговорили. У вас это лучше получится. Мечтаю стать вашим помощником, если, конечно, вы меня возьмете. Вчера вечером мама сказала, что я слишком часто бываю у вас и при этом обедаю и ужинаю. С тех пор я постоянно об этом думаю. Может быть, мы договоримся, и я буду за еду и ночлег у вас работать?

— Дорогой мой Стаббинс, — рассмеялся Доктор. — Я буду очень рад, если ты станешь приходить и есть у меня три раза в день — в завтрак, в обед и в ужин хоть целый год. Всегда рад тебя видеть. Кроме того, ты действительно очень много у меня работаешь. И я уже давно почувствовал, что следовало бы платить тебе за это. Но все-таки о чем ты хотел попросить?

Тогда я сказал:

— Я думаю, что вы могли бы зайти к нам поговорить с моими родителями. Если бы они разрешили мне жить у вас и много работать, вы научили бы меня читать и писать. Мама очень беспокоится, что я останусь неграмотным. А разве неуч может стать хорошим естествоиспытателем?

— Не знаю, что тебе сказать, — ответил Доктор. — Конечно, очень хорошо уметь читать и писать. Но ведь все естествоиспытатели — люди разные. Например, вот тот молодой человек, о котором все так много говорят, — Чарльз Дарвин. Он выпускник Кембриджского университета, очень хорошо пишет и читает. Или другой пример — Кьюве, он раньше работал преподавателем. И тем не менее, самый лучший естествоиспытатель во всем мире не может написать ни своего имени, ни прочесть даже "а, б, в".

— А кто он? — спросил я.

— Это таинственный человек, и даже очень, — ответил Доктор. — Его зовут Длинная Стрела, это сын Золотой Стрелы, индеец.

— А вы когда-нибудь его видели? — снова задал я вопрос.

— Нет, — ответил Доктор. — Никогда. Его не встречал ни один белый человек. Думаю, что мистер Дарвин даже не подозревает о его существовании. Он почти всегда живет только со шверями или среди индейцев, чаще всего где-то в горах Перу. Никогда не остается подолгу в одном месте. Он то в одном племени, то в другом, как индейский бродяга.

— Откуда же вы столько о нем знаете, если никогда не видели? — удивился я.

— Мне рассказала о нем Пурпурная Райская Птица, — сообщил Доктор. — Она утверждает, что это совершенно удивительный естествоиспытатель. Кстати, когда она в последний раз была у меня, я поручил ей кое-что передать от меня Длинной Стреле. Теперь с минуты на минуту жду ее возвращения. Мне очень интересно, какой ответ он даст. А ведь уже последняя не

деля августа. Хочу надеяться, что с птицей на обратном пути ничего не случилось.

— Но почему все-таки птицы и звери приходят к вам, когда заболевают? — спросил я. — Почему они не идут к нему, если он такой замечательный?

— Наверное, у меня более современные методы лечения, — сказал Доктор. — Но Пурпурная Райская Птица рассказывала, что Длинная Стрела прекрасно изучил всю естественную историю. Он специалист по ботанике — все знает о растениях. Но о животных и о птицах тоже. Кроме того, он прекрасно разбирается в пчелах и жуках. Но скажи мне, Стаббинс, ты абсолютно уверен, что хочешь стать естествоиспытателем?

— Да, я твердо решил, — отчеканил я.

— Знаешь, с такой профессией много не заработать. Совсем нет. У большинства хороших естествоиспытателей мало денег. Чаще всего они тратят все на сачки для бабочек или корзинки для птиц. Я стал естествоиспытателем много лет тому назад и только лишь недавно стал получать хоть какие-то деньги за книги, которые пишу.

— Мне все равно, будут у меня деньги или нет, — возразил я. — Хочу стать естествоиспытателем. Не могли бы вы прийти к нам и пообедать с моими родителями в следующий четверг. Я уже сказал им, что буду вас об этом просить. Тогда вы обо всем там сможете поговорить. Ведь если я буду жить с вами, я стану как бы членом вашей семьи. Мы будем работать вместе, и, если соберетесь в какое-нибудь путешествие, я смогу поехать с вами.

— Ах, вот в чем дело! — рассмеялся Доктор. — Так ты хочешь со мной попутешествовать? Ха-ха!

— Я хотел бы всегда быть с вами. Да и вам будет легче, если кто-то будет носить ваши сачки и записные книжки. Разве нет?

Доктор задумался и долго стучал пальцами по столу. Я ждал в страшном нетерпении, что он ответит.

Наконец, он пожал плечами и встал.

— Ну, что же, Стаббинс, — сказал он. — Я приду к вам и поговорю с тобой и с твоими родителями в следующий четверг. И тогда мы посмотрим. Передай маме и папе привет от меня и поблагодари за приглашение.

Как ветер, помчался я домой, чтобы рассказать маме обо всем.

Глава XIII

ПУТЕШЕСТВЕННИЦА ПРИБЫВАЕТ

На следующий день после чая я сидел на каменной стене в саду у Доктора и болтал с Даб-Даб. Я уже многому научился у Полинезии и разговаривал с птицами и зверьми почти свободно. Утка Даб-Даб мне казалась очень милой нянюшкой, хотя, конечно, не такой умной и интересной, как Полинезия. Она уже несколько лет жила у Доктора и выполняла обязанности экономки.

Так вот, как я уже сказал, мы сидели в тот вечер на гладкой стене нашего сада и смотрели вниз на Оксенторпскую дорогу. Мы увидели, как повезли овец на рынок в Пуделби. Даб-Даб рассказывала о приключениях Доктора в Африке. Она ведь тогда путешествовала с ним.

Вдруг вдалеке, там, где заканчивалась дорога, раздался странный шум. Он нарастал по направлению к городу.казалось, люди кого-то приветствуют громкими возгласами. Я встал на стене, чтобы получше разглядеть, что происходит. Скоро у поворота дороги появилась большая толпа школьников, идущих по пятам за небрежно одетой и забавно выглядевшей женщиной.

— Что бы это могло быть? — вскричала Даб-Даб.

Дети продолжали смеяться и кричать. Да, женщина, за которой они шли, выглядела совершенно необычно. У нее были длинные руки и самые сутулые плечи, которые я когда-нибудь видел. Соломенная шляпа с маками на полях сползала на ухо, а юбка была такой длины, что тащилась по земле, будто шлейф бального платья. Ее лицо никто не видел, потому что поля шляпы прикрывали глаза. Но когда она подошла к нам поближе, а хохот детей стал громче, я заметил, что руки у нее очень темные, а кожа покрыта шерстью, как у ведьмы.

Внезапно Даб-Даб оглушила меня криком:

— Да это же Чи-Чи! Чи-Чи, наконец, вернулась! Как только эти дети смеют над ней насмехаться! Сейчас я им задам!

Она слетела со стены на дорогу и бросилась на детей, крикая самым устрашающим образом и пощипывая их то за ноги, то за пятки. Дети бросились врассыпную по дороге к городу.

Странная фигура в соломенной шляпке какое-то время смотрела вслед, потом устало подошла к воротам. Она не задержалась, чтобы открыть щеколду, а взобралась на дверь, будто шла по ровной дороге. Я заметил, что она цеплялась за жердочки ногами. У нее, похоже, было четыре руки. Но только разглядев ее лицо под шляпкой, я убедился, что передо мной — обезьяна.

Чи-Чи, а это была она, нахмурилась и с подозрением посмотрела в мою сторону, сидя на верхней створке двери. Она еще не знала, буду ли я над ней смеяться, как другие мальчишки и девчонки. Потом она прыгнула в сад и сразу начала стаскивать с себя одежду. Соломенную шляпку она разорвала на две половинки и выбросила их на дорогу. Затем стряхнула корсаж и юбку, наступила на них и начала топтать ногами.

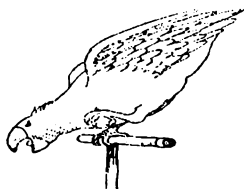
Вскоре послышался крик в доме, откуда вылетел Полинезия, а вслед за ним выбежали Доктор и Джип.

— Чи-Чи! — кричал попугай. — Наконец-то ты приехала! Я всегда говорил Доктору, что ты найдешь дорогу. Как тебе это удалось?

Все собрались вокруг Чи-Чи, здоровались с ней за каждую лапу и смеялись. Вопросы сыпались один за другим. Затем все пошло в дом.

— Беги в мою спальню, Стаббинс, — обратился ко мне Доктор. — В левом маленьком ящике моего письменного стола ты найдешь пакет с арахисом. Я его специально приготовил на тот случай, когда Чи-Чи вернется. И посмотри, пожалуйста, нет ли у Даб-Даб бананов в кладовой. Чи-Чи сказала мне, что не ела бананов уже два месяца.

Когда я вернулся на кухню, все уже внимательно слушали рассказ обезьяны о ее путешествии из Африки.

Глава XIV

ПУТЕШЕСТВИЕ ЧИ-ЧИ

С тех пор, как Полинезия уехал, Чи-Чи стала все чаще вспоминать о Докторе и маленьком доме в Пуделби. Наконец, она решила всеми правдами и неправдами уехать вслед за Полинезией. И вот однажды, спустившись к морю, Чи-Чи увидела, как множество людей, среди которых были белые и черные, садились на корабль, отплывающий в Англию. Она тоже попыталась проникнуть туда, но ее прогнали. Тогда она увидела большую забавную семью каких-то людей, входящих на корабль. Девочка из этой семьи напомнила Чи-Чи ее двоюродную сестру, с которой обезьяна очень дружила. Тогда она сказала себе:

— Эта девочка так же похожа на обезьяну, как я на девочку. Если только мне удастся раздобыть хоть какую-нибудь одежду, я смогу проскользнуть на корабль с этими людьми. Меня примут за девочку. Прекрасная мысль!

Чи-Чи побежала в город, который был неподалеку, и впрыгнула в первое попавшееся открытое окно. В комнате на стуле лежали корсаж и юбка. Их хозяйка — большая модница-негри-гинка — была в ванной. Чи-Чи оделась, а затем вернулась на брег, смешалась с толпой и благополучно проникла на корабль. Чи-Чи подумала, что ей следовало бы лучше спрятаться, поскольку люди принялись бы ее разглядывать. Она пряталась, пока корабль плыл в Англию. Выходила только ночью, когда все спали, чтобы найти какую-нибудь еду.

Когда корабль прибыл в Англию, Чи-Чи попыталась незаметно убежать. Но моряки заметили, что никакая она не девочка, а обезьянка, одетая, как человек. Они решили поймать ее и оставить у себя на корабле для развлечения. Но Чи-Чи удалось улизнуть. Едва оказавшись на берегу, она растворилась в толпе и убежала. До Пуделби, однако, было еще очень далеко: надо было пересечь всю Англию.

Для Чи-Чи наступило тяжелое время. По какому бы городу она ни проходила, дети бежали за ней и смеялись. Часто глупые люди хватали ее и пытались остановить. Тогда Чи-Чи приходилось карабкаться на фонарные столбы, на крыши, чтобы только

убежать. По ночам она спала в канавах или сараях, где можно было спрятаться. Ела Чи-Чи ягоды, которые собирала в садах, или орехи, что находила в рощах. После многих приключений, не раз побывав на волосок от гибели, она увидела, наконец, башню церкви в Пуделби и поняла, что ее дом — рядом.

Когда Чи-Чи закончила свой рассказ, она съела, не останавливаясь, шесть бананов и выпила целую чашку молока.

— Боже мой! — воскликнула Чи-Чи. — Почему я не родилась с крыльями, как Полизинезия, чтобы долететь до дома? Вы представить себе не можете, как я возненавидела шляпку и юбку! В них ужасно неудобно. Всю дорогу от Бристоля противная шляпка то сваливалась, то цеплялась за деревья. Отвратительная юбка заматывалась вокруг всего, что ни попадало под ноги, и я спотыкалась, зацепившись за нее. Зачем женщины вообще носят юбки? Господи, как же я была рада увидеть Пуделби сегодня утром, когда поднялась на холм у фермы Беллаби!

— Твоя кровать в буфетной на сушилке для посуды уже готова, — сказал Доктор. — Мы ее не убрали, поскольку верили, что сможешь вернуться.

— Если тебе будет холодно, можешь взять старый свитер Доктора, которым ты раньше укрывалась, — добавила Даб-Даб.

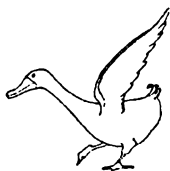
— Спасибо, — сказала Чи-Чи. — Как хорошо снова быть дома! Все тут без изменений. Вот только над дверью повесили новое полотенце. А сейчас я пойду спать. Мне нужно выспаться.

Все мы вышли из кухни в буфетную и посмотрели, как Чи-Чи взобралась на сушилку для посуды, словно матрос на мачту корабля. Наверху она свернулась калачиком, натянула старый свитер и уже через минуту спокойно засопела.

— Наша добрая Чи-Чи, — прошептал Доктор. — Как я рад, что она вернулась.

— Наша добрая Чи-Чи, — повторили за ним Даб-Даб и Полизинезия.

Потом мы все на цыпочках вышли из буфетной и тихонько прикрыли за собой дверь.

Глава XV

Я СТАНОВЛЮСЬ
ПОМОЩНИКОМ ДОКТОРА

В четверг вечером у нас дома началась суматоха. Мама спросила, что больше всего любит Доктор. Я перечислил: жареные ребра, свеклу, нарезанную ломтиками, жареный хлеб, креветки и пирог с патокой. В тот вечер она все это выставила на стол, потом суетливо бегала по дому, проверяя, все ли вымыто и готово к приходу гостя.

Наконец, мы услышали стук в дверь, и я первым бросился навстречу Доктору. На этот раз Доктор принес флейту. Когда ужин закончился (а он ему очень понравился), со стола было убрано, а грязная посуда оставлена в раковине до следующего утра. Доктор с моим отцом стали играть на флейтах дуэтом.

Им это так понравилось, что я стал опасаться, а вдруг они вообще не вспомнят о моем деле. Наконец Доктор сказал:

— Ваш сын сообщил мне, что хочет стать естествоиспытателем.

И начался разговор, который продолжился за полночь. Сначала родители были против моего плана, о чем они и раньше говорили. Им казалось, что это — лишь мальчишеский каприз и мне скоро все надоест. Но после того, как предложение обсудили со всех сторон, Доктор обратился к отцу:

— Предположим, мистер Стаббинс, ваш сын поработает у меня два года — пока ему не исполнится двенадцать. У него будет достаточно времени, чтобы узнать, надоест все это или нет. За это время я обещаю вам научить его грамоте, письму и арифметике. Как вы на это посмотрите?

— Не знаю, — ответил отец, покачав головой. — Вы очень добры, так любезно с вашей стороны сделать нам такое предложение, Доктор. Но Томми должен освоить какое-нибудь ремесло, чтобы зарабатывать на жизнь, когда вырастет.

Тут заговорила мама. Услышав, что я, еще такой маленький, должен уехать из дома, она была готова разрыдаться, но, все взвесив, поняла, как заманчиво предложение Доктора.

— Ты ведь знаешь, Джекоб, — сказала она, — что многие ребята из нашего города ходили в школу, пока им не исполнилось даже четырнадцать или пятнадцать лет. Томми вполне может потратить два года, чтобы получить образование. И если он научится хотя бы читать и писать, то время уже не будет потеряно.

Доставая носовой платок, чтобы вытереть слезы, она добавила:

— Но как же опустеет наш дом, когда он уедет.

— Я буду следить, чтобы он часто приходил к вам, миссис Стаббинс, — обещал Доктор. — Хоть каждый день. Да и жить он будет неподалеку.

В конце концов отец уступил. Договорились, что я буду жить и работать у Доктора, а за это он научит меня читать и писать и не возьмет с меня платы за стол и кров.

— Кроме того, — добавил Доктор, — пока у меня есть деньги, я буду покупать Томми одежду. Правда, с деньгами у меня иногда бывает туговато: то есть, то нет.

— Вы очень добры, Доктор, — сказала мама, вытирая слезы. — Мне кажется, Томми очень повезло.

Тогда я, легкомысленный и самовлюбленный мальчишка, нагнул и прошептал Доктору прямо в ухо:

— Пожалуйста, не забудьте сказать о путешествиях.

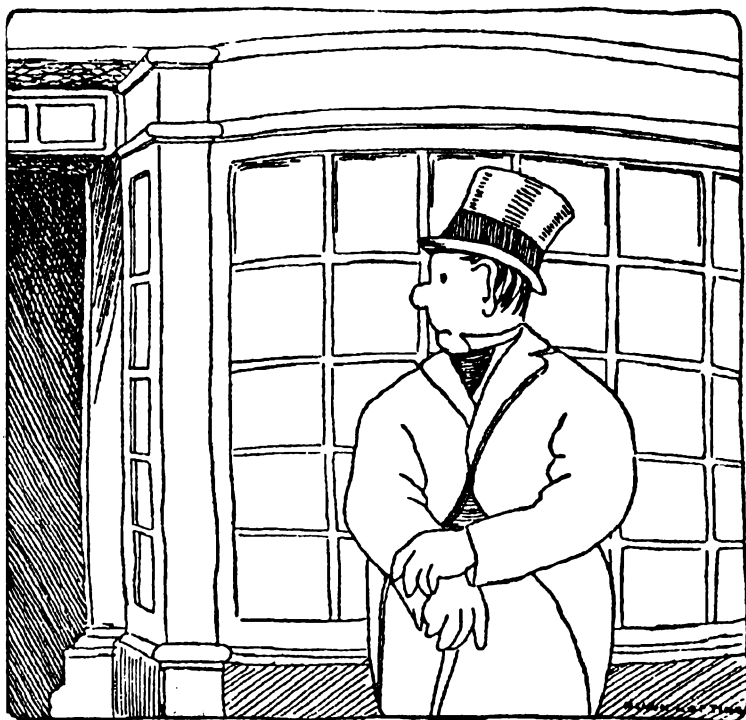
— Чуть не упустил из вида, — сказал Джон Дулиттл. — Иногда мне приходится путешествовать. Если вы не возражаете, я буду брать с собой вашего сына.

Несчастливая мама от этих слов расстроилась и разволновалась еще сильнее. Пока я стоял за стулом Доктора и ждал, что ответит отец, сердце мое колотилось от возбуждения.

— Раз уж мы согласились на все остальное, — подумав, медленно сказал отец, — не будем возражать и против этого.

В ту минуту не было на свете мальчишки, счастливее меня. Я витал в облаках и с трудом удерживался, чтобы не пуститься в пляс. Наконец-то осуществится мечта всей моей жизни! Судьба дарит мне возможность пережить множество приключений! Я прекрасно знал, что Доктор вот-вот отправится в новое путешествие. Полинезия сказал мне, что он не задерживается дома больше, чем на шесть месяцев. Так что через две недели он должен собраться в путь. И я, Томми Стаббинс, поеду с ним! Подумать только! Через океан, к чужим берегам, странствовать по всему миру!

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава I

ЭКИПАЖ "КРОНШНЕПА"

С того времени мое положение в городе сильно изменилось. Никто уже не вспоминал, что я сын простого сапожника. Проходя по Хай-стрит рядом с Джипом, на шее которого сверкал золотой ошейник, я гордо задираю нос. Юные зазнайки, ранее презиравшие меня за то, что я был слишком беден и не мог ходить в школу, теперь, завидя нас, перешептывались:

— Это помощник Доктора, а ему всего десять лет.

Ох, и вытаращили бы они глаза от удивления, узнай, что мы с Джипом разговариваем.

Через два дня Доктор за обедом грустно сообщил, что, вероятно, ему придется прервать изучение языка крабов и устриц.

— Я совсем обескуражен, Стаббинс. Я работал с мидиями и съедобными моллюсками, с устрицами и волнистыми рожками, сердцевидками и морскими гребешками. Я учился у семи разных видов крабов и у всех раков. Думаю, что на время отложу свою попытку и возьмусь за это дело позднее.

— Чем же вы тогда займетесь? — спросил я.

— Я думаю, не отправиться ли мне в путешествие, Стаббинс. С тех пор, как я вернулся в последний раз, прошло немало времени. За границей — непочатый край работы.

— Когда же мы поедем?

— Во-первых, я должен дожидаться возвращения Пурпурной Райской Птицы. Мне надо узнать, не принесет ли она каких-нибудь вестей от Длинной Стрелы. Что-то она запаздывает, должна бы вернуться еще десять дней назад. Только бы с ней ничего не случилось.

— Не лучше ли нам позаботиться о корабле? — сказал я. — Райская Птица прилетит через день или два. А до отплытия нужно еще многое сделать.

— Да, конечно, — ответил Доктор. — Думаю, стоит повидаться с твоим другом Джо, который вылавливает мидий. Он все знает о кораблях.

— Я тоже хочу пойти, — попросился Джип.

— Отлично, пойдем, — согласился Доктор, и мы тронулись в путь.

Джо сказал, что у него есть новое судно — недавно купил. Но в экипаже должно быть не менее трех матросов. Мы ответили, что все равно хотели бы взглянуть.

Ловец мидий провел нас по узкой тропинке вдоль речки и показал свой корабль. Джо сказал, что продаст нам его дешево. Но ведь на судне нужны были три матроса, а нас только двое.

— Я, безусловно, возьму с собой Чи-Чи, — сказал Доктор. — Она очень умная и ловкая, но все же не так сильна, как человек. Нам действительно нужен еще кто-нибудь, чтобы управлять кораблем.

— Я знаю хорошего моряка, Доктор, — сказал Джо. — Он первоклассный матрос и будет рад получить работу.

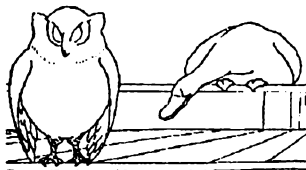
— Спасибо, Джо, — ответил доктор Дулиттл. — Мне не нужны матросы. Я просто не смогу их нанять. И потом, матросы в море мне очень мешают. Они все хотят делать по-своему, а я хочу, чтобы они делали по-моему. Кого бы мы все-таки могли взять с собой?

— Есть такой Мэтью Мэг. Он Продавец кошачьей еды.

— Мэтью не подойдет. Он замечательный парень, но слишком много говорит — и все о своем ревматизме. Выбирать спутника в длинное путешествие надо с большой осторожностью.

— А как насчет Луки-отшельника? — спросил я.

— Прекрасная мысль, если он согласится. Пойдем сразу же у него спросим.

Глава II

ЛУКА-ОТШЕЛЬНИК

Как я вам уже рассказывал, Отшельник – мой старый друг. Этот необычный человек жил один в маленькой лагуне на болотах. С ним был только пятнистый бульдог. Никто не знал, откуда Отшельник родом, не знали и его настоящего имени. Он никогда не заглядывал в город и, казалось, не хотел никого видеть и ни с кем разговаривать. Если кто и оказывался рядом с хижинкой, то Боб – пес Луки – немедленно прогонял путника. Когда кого-нибудь в Пуделби спрашивали, кто такой Лука-отшельник, чем он занимается и почему живет в столь пустынном месте, ответ всегда был один и тот же:

– Лука-отшельник? Знаете, тут есть некая тайна. Никто не знает, в чем дело. Но тайна есть. Не подходите близко к нему. Он спустит собаку.

Тем не менее два человека часто ходили в лачугу на болотах: Доктор и я. Боб, бульдог, никогда не лаял, когда слышал, что мы идем. Ведь мы любили Луку, а Лука любил нас.

В тот день, пока мы шли по болотам, навстречу дул холодный восточный ветер. Когда мы подошли поближе к хижине, Джип поднял уши и сказал:

– Это интересно!

– Что именно интересно? – спросил Доктор.

– То, что Боб не вышел нас встречать. Ведь он давно должен был услышать нас или почуять. Что за странный звук?

– Мне кажется, скрипит дверь, – заметил Доктор. – Может быть, это дверь дома Луки? Отсюда не видно. Она с другой стороны дома.

– Надеюсь, Боб не заболел, – сказал Джип и залаял, чтобы кто-нибудь отозвался.

Но в ответ донеслось только завывание ветра над широким болотом, издающим горький запах.

Мы поспешили вперед. Каждый думал о самом плохом.

Когда мы добрались до хижины, дверь оказалась настежь открытой, она болталась и печально скрипела под ветром. Мы заглянули в хижину. Там никого не было.

— Луки нет дома? — удивился я. — Не вышел ли он прогуляться?

— Он всегда дома, — ответил Доктор и озабоченно нахмурился. — Даже если бы Лука вышел прогуляться, он не оставил бы дверь открытой. Во всем этом есть нечто странное. Что ты делаешь, Джип?

— Ничего, о чем бы следовало говорить, — ответил Джип, старательно изучая дверь.

— Подойди сюда, Джип, — велел Доктор строго. — Ты что-то от меня скрываешь? Ты видишь следы и ты о чем-то узнал. Что случилось? Скажи мне. Где Отшельник?

— Не знаю, — ответил Джип, он выглядел очень взволнованным и беспокойным. — Я не знаю, где он.

— Нет, ты что-то знаешь. Я вижу по твоим глазам. В чем дело?

Но Джип не ответил.

Десять минут Доктор продолжал его расспрашивать, но пес молчал.

Наконец, Доктор сказал:

— Какой смысл стоять здесь на холоде? Отшельник ушел. Вот и все. Мы могли бы пойти домой пообедать.

Мы застегнули пальто и пошли обратно по болотам. Джип бежал впереди и делал вид, что ищет водяных крыс.

— Он что-то скрывает, — прошептал Доктор. — Думаю, ему известно, что произошло. Интересно, почему он не хочет рассказать мне. Джип еще ни разу так не поступал — ни разу за одиннадцать лет. Он всегда был откровенен со мной. Странно, очень странно!

— Думаете, Джип все знает об Отшельнике, о его тайне, на которую все намекают?

— Не удивлюсь, если оно так, — медленно ответил Доктор. — Я заметил, Джип вел себя странно, когда мы увидели открытую дверь и пустую хижину. А как он обнюхивал дверь... Она ему что-то подсказала. Джип заметил следы, которые мы не могли видеть. Но я не понимаю, почему он ничего не говорит мне. Спрошу еще раз. Джип, сюда! Но где же собака? Я думал, Джип бежит впереди.

— И я так думал, — подтвердил я. — Еще минуту назад он был там. Я видел его собственными глазами. Джип, Джип!

Но Джипа нигде не было. Мы продолжали звать, даже вернулись к хижине. Но Джип исчез.

— Может быть, — предположил я, — он побежал домой раньше нас. Джип часто так делает, вы ведь знаете. Когда мы придем домой, он уже, наверняка, там будет.

Но Доктор только повыше поднял воротник, укрываясь от ветра, и пошел вперед, бормоча:

— Странно, очень странно!

Глава III

ДЖИП И ЕГО СЕКРЕТ

Как только мы вошли, Доктор прямо в прихожей спросил Даб-Даб :

— Джип дома?

— Нет. Я его не видела.

— Как только он появится, дай мне знать, — попросил Доктор, вешая шляпу.

— Не беспокойтесь. побыстрее мойте руки. Обед на столе.

Мы усаживались за обеденный стол в кухне, когда вдруг услышали шум у входной двери. Я побежал и открыл ее. Влетел Джип.

— Доктор! — закричал он. — Немедленно идите в библиотеку. Мне нужно кое-что рассказать. Нет, Даб-Даб, обед подождет. побыстрее, Доктор. Нельзя терять ни минуты. Пусть никто не заходит, только вы и Томми.

— Так вот, — сказал он, когда за нами закрылась дверь библиотеки. — Поверните ключ в замке и проверьте, не подслушивает ли кто под окном.

— Все в порядке, — успокоил Доктор. — Никто здесь тебя не слышит. Что случилось?

— Доктор, — сказал Джип (он еще с трудом переводил дыхание после быстрого бега). — Я все знаю об Отшельнике. Я знаю об этом уже несколько лет, но не мог рассказать.

— Почему? — удивился Доктор.

— Потому что обещал никому не рассказывать. Мне все рассказал Боб, собака Отшельника. Я поклялся ему что сохраняю тайну.

— Ну, а почему ты теперь хочешь открыть ее мне?

— Дело в том, что мы должны спасти Луку. Я шел по следам Боба с того момента, как оставил вас на болотах. И я его нашел. Я спросил у Боба: "Можно ли мне теперь рассказать все Доктору? А вдруг, Доктор выручит?" И Боб ответил: "Можно, потому что..."

— Ради бога, не тяни! — вскричал Доктор. — Рассказывай о тайне, а не о том, что ты сказал Бобу и что Боб тебе ответил. В чем дело? Где Лука?

— Он в городской тюрьме Пуделби, — ответил Джип. — Его арестовали.

— Арестовали?

— Да.

— Но почему? Что он сделал?

Джип подошел к двери и принюхался: не подслушивает ли кто снаружи. Затем он на цыпочках подошел к Доктору и прошептал:

— Он убил человека!

— Господи, сохрани нас! — воскликнул Доктор, падая в кресло и вытирая лоб носовым платком. — Когда?

— Пятнадцать лет назад. На золотом прииске в Мексике. Вот почему с тех пор Лука живет отшельником. Он сбрил бороду и всегда держался от людей подальше, на болотах, чтобы его никто не узнал. Но на прошлой неделе в городе появились новые выскочки-полицейские. Они услышали, что в хижине на болотах одиноко живет странный человек. Им показалось это подозрительным. А за убийцей на мексиканском прииске давно охотились. Когда полицейские пришли в хижину, они сразу узнали Луку по родинке на руке и забрали его в тюрьму.

— Да, — пробормотал Доктор, — кто мог подумать! Лука-философ! Убил человека. Не могу поверить.

— Это правда, к сожалению, — сказал Джип. — Лука так поступил. Но не по своей вине. Боб говорит. А он все видел. Боб тогда был щенком. Он говорит, что у Луки не оставалось выхода. Он должен был это сделать.

— А где сейчас Боб? — спросил Доктор.

— У тюрьмы. Я просил его пойти со мной. Но Боб сказал, что не уйдет от тюрьмы, пока там Лука. Он просто сидит перед воротами и не двигается. Боб не ест совсем, что бы ему ни приносили. Не могли бы вы, Доктор, сходить туда и узнать, нельзя ли что-нибудь сделать? Суд сегодня в два часа. Сколько сейчас времени?

— Десять минут второго.

— Боб говорит, что Луку приговорят к смерти или к пожизненному заключению, если докажут его вину. Пойдемте, Доктор. Может быть, вы поговорите с судьей и расскажете ему, какой хороший человек Лука? Тогда его отпустят.

— Ну, конечно, я пойду, — сказал Доктор, вставая. — Но боюсь, тут ничем нельзя помочь.

Он повернулся к двери и замаялся в нерешительности:

— И еще... Мне страшно...

Затем он открыл дверь и мы все вышли.

Глава IV

БОБ

Даб-Даб очень расстроилась, когда узнала, что мы уходим без обеда. Она заставила нас положить в карман холодные пирожки со свиной, чтобы мы поели их по дороге.

Когда мы пришли к зданию суда города Пуделби, на площади уже собрался народ.

Шла выездная сессия суда присяжных, как и обычно, раз в три месяца. Важный судья, который специально для этого приезжал из Лондона, рассматривал дела мелких воришек и других темных личностей. Каждый житель Пуделби, у которого в то время не было особых дел, приходил в суд послушать разбирательство.

В этот день все было по-другому. Толпа состояла не только из празднующихся. По всей округе разнеслась новость, что Луку-Отшельника будут судить за убийство. Страшная тайна, которая его окутывала столько времени, наконец, развеется. Булочник и мясник закрыли лавки и объявили выходной. Все

окрестные фермеры и городские жители, приодевшись, как в воскресный день, пытались занять места в суде или перешептывались на улице. Хай-стрит была запружена народом. Пройти по ней можно было с трудом. Я еще никогда не видел наш город таким возбужденным. С тех пор, как Фердинанд Фиппс, старший сын приходского пастыря, в 1799 году ограбил банк, в Пуделби не было столь громкого процесса.

Если бы не Доктор, я бы никогда не смог пробиться сквозь толпу, у входа в здание суда. Я шел следом за Доктором, вцепившись в полу его пальто. Наконец, мы благополучно вошли в помещение тюрьмы, примыкающее к зданию суда.

— Я хочу повидать Луку, — заявил Доктор важному человеку в синем мундире с медными пуговицами, стоявшему у входа.

— Спросите у старшего надзирателя, — ответил владелец мундира. — Третья дверь налево по коридору.

— С кем вы говорили, Доктор? — спросил я, когда мы отошли.

— Это полицейский.

— А что делают полицейские?

— Они должны следить за порядком. Их профессию только что придумали. Это сделал сэр Роберт Пиль. Вот почему их иногда называют "пилерами", или обдирщиками. Мы живем в удивительное время. Без конца придумывают что-то новое. А вот и кабинет старшего надзирателя.

Оттуда с нами послали другого полицейского, который должен был показать нам дорогу.

Перед дверью камеры Луки сидел бульдог Боб, который грустно завил хвостом, увидя нас. Сопровождающий достал из кармана связку ключей и открыл дверь.

Я до этого не видел настоящую тюремную камеру. И когда полицейский вышел и закрыл дверь на ключ, холодок пробежал у меня по спине. Мы остались посреди слабо освещенной маленькой комнаты с каменными стенами. Прежде чем уйти, полицейский предупредил, что, закончив разговор, мы должны постучать в дверь, и тогда он откроет.

Сначала я почти ничего не видел: так мало света попадало в камеру. Спустя какое-то время я различил низкую кровать, а над ней зарешеченное окно. На кровати, уставившись в пол, сидел Отшельник. Он подпирал голову руками.

— Лука, — мягко сказал Доктор, — в твоей камере всегда так мало света?

Отшельник медленно оторвал взгляд от пола.

— Здравствуйте, Джон Дулиттл! Что привело вас сюда?

— Я пришел, чтобы повидать вас. Я бы и гораздо раньше это сделал, но услышал обо всем лишь несколько минут назад. Я пошел к вам на бодота, чтобы спросить, не хотите ли вы отправиться со мной в путешествие. Но ваша хижина была пуста, а я понятия не имел, где вы могли находиться. Мне очень жаль, что у вас такое несчастье. Я пришел, чтобы узнать, не могу ли я хоть как-то помочь вам.

Лука помотал головой.

— Не представляю, можно ли вообще что-нибудь сделать. Меня все же поймали. Наверное, это конец.

Он с трудом встал и принялся рассказывать по камере.

— Вообще я рад, что все кончилось, — продолжил он. — У меня с тех пор не было покоя. Мне всегда казалось, что нагрянут сыщики. Я боялся говорить с кем бы то ни было. Меня бы все равно поймали. Да, я рад, что все кончилось.

Доктор больше получаса разговаривал с Лукой, пытаясь его ободрить. Я же сидел рядом и думал, нужно ли мне что-нибудь сказать и что я могу сделать.

Наконец, Доктор сказал, что хотел бы видеть Боба. Мы постучали в дверь, полицейский нас выпустил.

— Боб, — обратился Доктор к большому бульдогу в коридоре. — Выйди со мной на крыльцо. Я хочу тебя кое о чем спросить.

— Как он, Доктор? — спросил Боб, пока мы шли по коридору на крыльцо здания суда.

— С Лукой все в порядке. Конечно, он очень несчастен, но с ним все в порядке. А теперь расскажи мне, Боб: ты ведь видел, как все произошло. Ты ведь был там, когда того человека убили?

— Да, Доктор, — ответил Боб. — И я говорю вам...

— Отлично, — прервал его Доктор. — Это все, что мне хотелось услышать. У меня нет времени слушать дальше. Суд как раз начинается. По лестнице уже идет судья с адвокатами. Послушай, Боб: я хочу, чтобы ты был рядом со мной, пока я буду в зале суда. И что бы я ни велел тебе делать, выполни, пожалуйста. Понимаешь? Только не устраивай сцен. Никого не кусай, что бы ни говорили о Луке. Веди себя спокойно и

правдиво, отвечай на любой вопрос, который я задам. Ты меня понимаешь?

Бульдог посмотрел на Доктора с надеждой:

— Очень хорошо, Доктор. А вы думаете, что нам удастся его освободить? Он хороший человек, Доктор. Действительно, очень хороший. Никогда еще не было лучше.

Глава V

МЕНДОСА

Зал суда был красив и торжественен. У стены возвышался стол судьи. Судья был немолод. Черная мантия и белый парик оттеняли пергаментный цвет его лица. Пониже стола судьи стоял другой — широкий и длинный, за ним сидели другие юристы в белых париках. Мне казалось, что все это одновременно очень похоже и на школу, и на церковь.

— Вот те двенадцать человек на стульях с высокими спинками (они напоминают хор), — прошептал Доктор, — это и есть суд присяжных. Они будут решать, виновен Лука или нет, совершил он преступление или нет.

— Посмотрите! — вскрикнул я. — А вон и Лука, его ведут два полицейских. Перед ним что-то вроде кафедры, а с противоположной стороны — взгляните! — другая кафедра. Только она пуста!

— Это место для свидетелей, — заявил Доктор. — Я хочу поговорить с одним из тех людей в белых париках. Ты меня подожди здесь и займи два стула. Боб останется с нами. Последни за ним, а лучше поддержи за ошейник. Я отойду только на минутку, не больше.

И Доктор исчез в толпе, заполнившей большую часть зала.

Судья взял маленький деревянный молоток и постучал по столу. Надо было, чтобы все успокоились. Действительно, гудение и болтовня сразу стихли, и все стали слушать очень внимательно. Затем еще один человек в черной мантии встал с места и начал что-то читать по бумаге, которую держал в руках.

Он бормотал себе под нос, как будто читал молитву, и не хотел, чтобы кто-нибудь расслышал, о чем он говорит. Мне все же удалось кое-что уловить:

– Бу-бу-бу – известный мне как Лука-Отшельник – бу-бу-бу – убивший своего компаньона – бу-бу-бу – известного под именем Билл Синяя Борода ночью – бу-бу-бу – в Мексике. Поэтому суд Ее Величества – бу-бу-бу...

В этот момент я почувствовал, что кто-то сзади коснулся меня. Я обернулся и увидел: возвратился Доктор с человеком в белом парике.

– Стаббинс, это мистер Перси Дженкинс, – сказал Доктор. – Он – адвокат Луки. Его задача – освободить Отшельника, хотя это очень трудно.

Мистер Дженкинс оказался совсем молодым человеком. У него было круглое гладкое лицо, словно у мальчишки. Он пожал мне руку, а потом снова заговорил с Доктором.

– На мой взгляд, это прекрасная идея, – заторопился он. – Не сомневаюсь, что собака тоже может выступить в качестве свидетеля. Ведь Боб – единственный из всех, кто что-либо видел. Как я рад, что вы пришли! Клянусь честью, такую возможность я ни за что не упущу! Весь суд просто оцепенеет от изумления. Ведь присяжные здесь невероятно тупые, но и они теперь зашевелятся! Бульдог в качестве свидетеля со стороны защиты... Хоть бы в зале было побольше репортеров! Да, вон кто-то уже рисует нашего подзащитного. После этого дела я непременно прославлюсь! Да и как обрадуется Конки! Клянусь честью!

Он прикрыл рот рукой, чтобы спрятать улыбку. Его озорные глаза блестели.

– А кто это – Конки? – спросил я у Доктора.

– Тсс! Это – судья, который сидит там наверху, distinguished Юстас Бошал Конки.

– Теперь, – попросил мистер Дженкинс, вытаскивая записную книжку, – расскажите мне побольше о себе, Доктор. Вы получили степень доктора медицины в Дюркгейме? Как называется ваша последняя книга?

Больше я ничего не слышал, потому что они говорили тихо. Тогда я снова начал рассматривать зал суда.

Я с трудом понимал происходящее, хотя все было очень интересно. Разные люди всходили на кафедру, которую Доктор назвал кафедрой для свидетеля. Юристы за длинным столом просили всех рассказывать о ночи 29-го. Потом тот, кого рас-

спрашивали, уходил с кафедры, а на его место поднимался другой свидетель.

Один из юристов (Доктор потом рассказал, что это — обвинитель) старался изо всех сил сбить Луку. Он задавал такие вопросы, чтобы всем стало ясно, какой Лука плохой человек. Этот обвинитель с длинным носом был самым отвратительным юристом.

Я, не отрываясь, глядел на бедного Луку, который сидел между двумя полицейскими. Он уставился в пол, как будто ему все стало безразлично. Только один раз я увидел, как Лука встрепенулся, когда маленький темный человечек со злыми водянистыми глазками поднялся на кафедру для свидетелей. Боб под моими ногами зарычал, когда этот человек появился в зале суда. У Луки глаза засверкали от гнева и презрения.

Человечек сказал, что его зовут Мендоса. Он привел мексиканскую полицию на прииск уже после того, как убили Билла Синюю Бороду. При каждом слове Мендосы Боб рычал сквозь зубы:

— Это ложь! Это очередная ложь! Я разорву его. Это ложь! Мы с Доктором еле удерживали Боба под сидением.

Потом я заметил: мистера Дженкинса рядом с нами уже не было. Он встал из-за длинного стола, чтобы обратиться к судье.

— Ваша честь! — сказал он. — Я хотел бы представить нового свидетеля защиты — Доктора Джона Дулиттла, натуралиста. Не могли бы вы выйти вперед, Доктор?

В зале раздался гул возбуждения, когда Доктор начал пробираться к указанному месту. Я заметил, что отвратительный законник с длинным носом нагнул и принялся что-то нашептывать соседу. Он так мерзко улыбался, что мне захотелось ущипнуть его.

Потом мистер Дженкинс задал Доктору несколько вопросов: кто он, чем занимается и при этом просил отвечать громко, чтобы все в суде могли слышать Доктора. Закончил он так:

— Доктор Дулиттл, вы готовы поклясться, что понимаете собачий язык и они понимают вас. Так ли это?

— Да, — ответил Доктор, — это так.

— Какое отношение, — вставил судья спокойно и с достоинством, — все это имеет к убийству Билла Синей Бороды?

— Дело в том, Ваша честь, — важно сказал мистер Дженкинс, словно он был актером на сцене, — что в зале суда нахо-

дится бульдог. Из всех живых существ он – единственный, кто видел, как убивали Билла. С разрешения суда, я предлагаю пригласить собаку на место свидетеля и допросить ее с помощью выдающегося ученого Доктора Джона Дулиттла.

Глава VI

СОБАКА СУДЬИ

Сначала в суде воцарилось полное молчание. Затем все зашушукались и захихикали. Наконец, зал стал похож на пчелиный улей. Многие были потрясены, большая часть зала развеселилась, некоторые очень рассердились.

Немного погодя вскочил с места отвратительный юрист с длинным носом.

– Я протестую, Ваша честь! – закричал он, дико размахивая руками перед судьей. – Я возражаю. Достоинство и честь суда в опасности. Я протестую!

– Заботиться о чести и достоинстве суда – моя обязанность, – заметил судья.

Тогда мистер Дженкинс снова встал. Если бы дело не было таким серьезным, я бы сравнил суд с кукольным представлением: когда один, как на пружинке, вскакивает, другой в это время резко садится.

– Если есть какие-нибудь сомнения в моих словах, – сказал мистер Дженкинс, – вы, ваша честь, вряд ли будете возражать против того, чтобы Доктор продемонстрировал свои способности. Он докажет, что понимает звериный язык.

Мне показалось, что в глазах старого судьи блеснула веселая искорка. Он задумался.

– Возражать не буду, – ответил судья и повернулся к Доктору.

– А вы уверены, что можете это сделать?

– Уверен, ваша честь, – ответил Доктор. – Абсолютно уверен.

– Очень хорошо. Если вы сумеете доказать, что в состоянии правильно понять собаку, то мы пригласим ее в качестве

свидетеля. Я готов ее выслушать. Но предупреждаю: если вы попытаетесь превратить суд в посмешище, это вам дорого обойдется.

— Я протестую, я протестую! — взвыл длинноносый обвинитель. — Это скандал, грубейшее нарушение закона!

— Сядьте! — строго приказал судья.

— С каким зверем вы, ваша честь, хотите, чтобы я поговорил? — спросил Доктор.

— Я хочу, чтобы вы поговорили с моей собакой, — сказал судья. — Она в гардеробе. Я прошу ее привести. Теперь мы увидим, что вы умеете.

Кто-то вышел и привел собаку судьи. Это была великолепная русская овчарка со стройными ногами и лохматой шерстью, гордое и красивое создание.

— Доктор! — обратился судья к Дулиттлу. — Видели вы когда-нибудь раньше эту собаку? Отвечайте и помните, что вы в суде и приняли присягу.

— Нет, ваша честь, никогда раньше я ее не видел.

— Прекрасно. Тогда спросите у нее, что у меня вчера было на ужин. Собака была рядом со мной и видела, как я ел.

Доктор и собака начали объясняться знаками и разными звуками. Так продолжалось довольно долго. Доктор рассмеялся и так увлекся, что совсем забыл о заседании, о судье, да и обо всем остальном.

— Сколько времени он отнимает! — зашептала сидевшая передо мной толстушка. — Только делает вид, что понимает собачий язык. Разве кто-нибудь разговаривал с собакой? Доктор, должно быть, думает, что мы дети.

— Вы еще не закончили? — спросил судья у Доктора. — Неужели вы столько времени спрашивали, что я ем на ужин?

— Нет, ваша честь, — ответил доктор. — Ваш пес давно мне об этом рассказал. А потом он начал говорить, что вы делали после ужина.

— Вот это как раз не имеет значения, — заявил судья. — Лучше скажите, что он ответил на мой вопрос.

— Пес сказал, что вы ели баранью котлетку, две жареные картофелины, грецкие орехи под маринадом и пили пиво.

Достопочтенный Юстас Бошан Конки побледнел.

— Это какое-то волшебство, — пробормотал он. — Я никогда не думал...

— А после ужина, — продолжал Доктор, — вы пошли взглянуть на состязание боксеров, потом до полуночи играли в карты на деньги и домой вернулись, напевая веселую песенку...

— Достаточно, — оборвал Доктора судья. — Я понял, вы действительно умеете делать то, о чем говорили. Собака обвиняемого выступит на суде в качестве свидетеля.

— Я протестую, я возражаю, — выл обвинитель. — Ваша честь, это...

— Сядьте! — взревел судья. — Я уже сказал — собаку выслушают. И хватит об этом. Приведите ее.

Так впервые во всей истории королевства Англии собаку вызвали в качестве свидетеля на выездную сессию присяжных. Именно я, Томми Стаббинс (когда Доктор подал мне знак рукой), гордо вел Боба по проходу среди замерших от удивления зрителей. Я прошел мимо хмурившегося и шипевшего, как змея, длинноносого обвинителя и усадил Боба на высокое кресло для свидетелей. Оттуда старый бульдог сурово оглядел пораскрывавших рты законников.

Глава VII

ТАЙНА ЛУКИ

Заседание суда продолжалось. Мистер Дженкинс попросил Доктора узнать у Боба, что же он видел ночью двадцать девятого числа. Когда Боб рассказал все, что знал, Доктор перевел его слова на английский язык для судьи и всех заседавших. Вот что они услышали:

— Ночью 29 ноября 1824 года я, мой хозяин Лука Фитцджон (известный также под именем Лука-Отшельник) и два его компаньона, Мануэль Мендоса и Уильям Богс (известный как Билл Синяя Борода) находились на золотом прииске в Мексике. Они уже давно искали золото и выкопали глубокий колодец. Наконец, утром двадцать девятого они обнаружили золото на дне. Все трое — мой хозяин и его компаньоны — очень обрадовались, потому что сразу стали очень богатыми. Тогда Мануэль Мендоса пригласил Билла Синюю Бороду прогуляться. Я никогда не верил, что эти два человека — хорошие. И когда они оставили моего хозяина одного, я тихонько пошел за ними,

чтобы выведать, что они замышляют. В глубокой пещере в горах они договорились убить Луку-Отшельника. Тогда бы им досталось все золото.

При этих словах судья спросил:

— А где же свидетель Мендоса? Констебль, проследите, чтобы он не покидал здания суда.

Но злой человечек с водянистыми глазками уже давно ускользнул, пока на него не обращали внимания. С тех пор его никогда больше не видели в Пуделби-на-Болоте.

Боб продолжал:

— Я пошел к своему хозяину и попытался ему объяснить, что его компаньоны — очень опасные люди. Но все было бесполезно. Он не понимал нашего языка. Я поступил следующим образом: ни днем, ни ночью не выпускал хозяина из вида и все время был рядом с ним.

Колодец, который был таким глубоким, что на дно опускались только в большой корзине, привязанной к тросу. Компаньоны делали это поочередно. Золото они тоже вытаскивали корзиной. Около семи часов вечера мой хозяин стоял у колодца и поднимал на тросе корзину, где сидел Билл Синяя Борода. Когда Билл был у середины колодца, из нашей лачуги вышел Мендоса. Он увидел, что Лука вытягивает трос и решил, что на другом конце — корзина с золотом. Мендоса вытащил пистолет из кармана и подкрался сзади к Луке, чтобы застрелить его.

Я непрерывно лаял, предупреждая хозяина. Однако Лука не слышал: он с трудом вытягивал Билла, поскольку тот был очень толстый. Меня он не замечал. Я понял: нужно что-то сделать — иначе моего хозяина убьют. Тогда я сделал такое, что раньше мне и в голову не приходило: укусил своего хозяина за ногу. Луке было так больно и он так удивился, что все произошло, как я предполагал. Хозяин выпустил трос и обернулся. Тогда — бах! — Билл полетел в корзине на дно колодца и разбился.

Пока хозяин ругал меня, Мендоса, сунув пистолет в карман, с улыбкой подошел к колодцу и заглянул вниз.

— Господи, спаси и помилуй! — сказал он тогда. — Ты только что убил Билла Синюю Бороду. Я пойду и все расскажу полиции.”

Он думал, все золото достанется ему одному, если Луку арестуют. Мендоса вскочил на лошадь и ускакал.

Мой хозяин испугался. Он понял: Мендоса даст в полиции ложные показания, и все подумают, что Лука убил Синюю Бороду намеренно. Пока Мендоса не вернулся, мы с хозяином собрались и уехали в Англию. Здесь Лука сбрил бороду и зажил отшельником. С тех пор мы прятались пятнадцать лет. Вот все, что я могу сказать. Клянусь, это — правда.

Когда Доктор закончил перевод показаний Боба, присяжные очень разволновались. Один из них, седой старик, громко расплакался. Ему было жаль Луку, который пятнадцать лет прятался на болотах, будучи невиновным. Все другие шептались и кивали друг другу в знак согласия.

Тут поднялся с места мерзкий обвинитель и сильнее, чем обычно, принялся размахивать руками.

— Ваша честь! — кричал он. — Свидетель — лицо заинтересованное. Какая собака даст показания против своего хозяина? Я возражаю, я протестую!

— Отлично, — сказал судья. — Можете начать допрос. Ваш долг обвинителя — доказать, что данные свидетельские показания — ложь. Перед вами — собака. Допросите ее, если не верите, что она говорит правду.

Я думал, что длинноносого юриста хватит удар. Он взглянул на собаку, потом на Доктора, потом на судью, потом снова на рычащую собаку, открыл было рот, но не издал ни звука, зато перестал размахивать руками. Его лицо налилось кровью. Наконец, обхватив голову руками, он опустился в кресло... Потом, поддерживаемый под руки двумя приятелями, покинул зал суда. При этом он все еще бормотал:

— Я протестую... Я возражаю... Я протестую...

Глава VIII

ТРОЕКРАТНОЕ УРА

Потом судья произнес очень длинную речь. Когда он закончил, присяжные вышли в соседнюю комнату. Доктор, ведя за собой Боба, вернулся ко мне.

— Для чего вышли присяжные? — спросил я.

— В конце заседания они всегда так делают. Им нужно решить, виновен подсудимый или нет.

— А почему бы вам с Бобом не пойти с ними? Вы могли бы помочь им принять правильное решение.

— Это запрещено. Они должны обсуждать приговор втайне от всех. Иногда это занимает... Боже мой! Посмотри, присяжные уже возвращаются! Недолго они совещались.

Все умокли, когда двенадцать присяжных затопали к своим креслам. Вдруг один из них — самый главный — остановился и повернулся лицом к судье. Зрители затаили дыхание, а я первую очередь — мы с Доктором. В зале суда стало так тихо, что можно было услышать, как упадет капля. Все ждали решения.

— Ваша честь, — сказал самый главный, — присяжные считают: "Не виновен".

— Что это значит? — спросил я, повернувшись к Доктору.

Но Доктор Джон Дулиттл, известнейший натуралист, взобрался на стул и раскачивался на одной ноге, как школьник.

— Это значит, что он свободен! — кричал Доктор. — Луки свободен!

— Тогда он сможет отправиться с нами в путешествие?

Я не расслышал ответа Доктора. Казалось, весь зал суда стоял на стульях, как и он. Все как будто с ума посходили. Люди смеялись и кричали Луке, что они очень рады его освобождению. Шум стоял оглушительный.

Вдруг он стих. Все успокоились и с уважением встали, когда судья выходил из зала. Суд над Лукой Отшельником, о котором столько говорили в Пуделби, закончился.

Внезапно в тишине раздался резкий крик. В дверях зала стояла женщина и протягивала руки к Отшельнику.

— Лука! — кричала она. — Я тебя, наконец, нашла!

— Это его жена, — прошептала толстушка впереди меня. — Недняжка, она не видела его пятнадцать лет! Какая замечательная встреча! Я рада, что побывала здесь. Это нельзя было пропустить.

Как только судья вышел, шум возобновился. Люди собрались около Луки и его жены, трясли им руки, поздравляли, смеялись и плакали вместе с ними.

— Пойдем, Стаббинс, — сказал Доктор, взяв меня за руку. — Пойдем, пока еще можно выйти.

— Неужели мы не поговорим с Лукой? — удивился я. — Мы спросим у него, поедет ли он с нами путешествовать.

— Не стоит. К нему ведь приехала жена. Она не видела его пятнадцать лет. Кто же согласится расстаться с женой, когда не видел ее так долго. Пошли, поьем дома чаю. Мы ведь еще не обедали, а хороший обед честно заслужили. У нас сразу будет обед и чай. Предлагаю съесть несколько листиков салата с ветчиной. Пошли же!

Как только мы направились к выходу, толпа взревела:

— Доктор! Доктор! Где же Доктор? Если бы не он, Отшельники повесили бы. Пусть Доктор произнесет речь! Доктор!

К нам подбежал какой-то человек и сказал:

— Народ зовет вас, сэр.

— Мне очень жаль, — ответил Доктор, — но я спешу.

— Людям нельзя отказывать, сэр, — заметил человек. — Они хотят, чтобы вы произнесли речь на рыночной площади.

— Попросите их извинить меня, — сказал Доктор. — К сожалению, я не могу. У меня дома назначена очень важная встреча. Он должен прийти. Пусть произнесет речь Лука. Пошли, Стаббинс.

— О Господи! — воскликнул Доктор, когда мы вышли на свежий воздух и увидели толпу людей, ждущих Доктора у выхода. — Пойдем по боковой дорожке налево. Быстрее! Беги!

Мы побежали так быстро, что у нас только пятки засверкали, промчались мимо двух боковых улочек и скрылись из вида стоявших на площади людей.

Мы бежали, не останавливаясь, до Оксенторпской дороги. Только там мы осмелились замедлить шаг и перевести дыхание.

Когда, наконец, мы добрались до ворот дома и оглянулись в сторону города, вечерний ветер все-таки донес до нас гул многих голосов.

— Они все еще требуют, чтобы вы, Доктор, произнесли речь, — сказал я. — Послушайте!

Вдруг гул стал похож на низкий отдаленный рев. Хотя до нас было не меньше полутора миль, мы четко различали слова:

— Трижды ура Луке Отшельнику: ура! Трижды ура его со баке! Трижды ура его жене: ура! Три раза ура Доктору: ура! ура! ур-ра-а-а-а!

Глава IX

ПУРПУРНАЯ РАЙСКАЯ ПТИЦА

Полинезия ждал нас на крыльце. его переполняли важные новости.

— Доктор! — сразу закричал он. — Прилетела Пурпурная Райская Птица!

— Наконец-то, — обрадовался Доктор. — Я уже начал беспокоиться, не случилось ли что-нибудь с Мирандой?

Доктор с таким беспокойством вставил ключ в замочную скважину, что я понял: до чая еще далеко.

— Когда Райская Птица прилетела, она выглядела хорошо, — сообщил Полинезия. — Конечно, она устала после долгого путешествия. Но вы знаете, Доктор, что случилось? Зловредный проказник-воробей Чипсайд обидел Миранду, как только она влетела в сад. Когда я там оказался, Райская Птица уже была вся в слезах и собиралась лететь домой. Я с трудом уговорил дождаться вашего возвращения. Она сейчас в кабинете Чипсайда я запер у вас в книжном шкафу и пообещал рассказать все, что случилось, без утайки.

Доктор нахмурился, а потом быстро и молча пошел в кабинет.

Свечи уже были зажжены. День почти кончился. Даб-Даб стояла на полу и охраняла шкаф, где томился Чипсайд. И

стеклом шумный маленький воробей все еще сердито размахивал крылышками.

В центре большого стола на чернильнице сидела самая красивая из всех птиц, которых я когда-либо видел. У нее была темно-лиловая грудка, алые крылья и очень длинный широкий золотой хвост. Она была невыразимо прекрасна, но выглядела очень усталой. Райская Птица уже спрятала голову под крыло и слабо покачивалась из стороны в сторону, сидя на чернильнице. Было понятно, что она прилетела издалека.

— Тсс! — прошептала Даб-Даб. — Миранда уснула. Этот маленький Чипсайд заперт у меня в шкафу. Послушайте, Доктор! Ради всего святого, отправьте этого воробья куда-нибудь подальше, пока он еще что-нибудь не натворил. Он вечно готов набедокурить. Мы с трудом уговорили Миранду остаться. Чай вам сюда принести или вы придете на кухню?

Даб-Даб открыла книжный шкаф. Чипсайд выскочил наружу, прикидываясь несправедливо обиженным.

— Чипсайд! — строго обратился к нему Доктор. — Что ты сказал Миранде, когда она прилетела?

— Ничего я не говорил, Док, совсем ничего. То есть, ничего особенного. Я клевал себе крошки на тропинке, посыпанной гра-нием. А тут она заявляется. Крутит носом, как будто здесь хо-мийка, потому что, видите ли, у нее яркие перышки. А лондон-ский воробей ничем не хуже нее. Я этих паршивых иностранцев не выношу. Почему им у себя дома не живет-ся?

— Что ты ей все-таки сказал, что ее так обидело?

— Я сказал только: "Тебе не место в английском саду. Сиди лучше в клетке у какой-нибудь портнихи". Вот и все.

— Тебе должно быть стыдно, Чипсайд. Подумай, эта птица пролетела тысячу миль, чтобы повидать меня. И едва она при-летела в мой сад, ты ее сразу обидил. Чего ты добился? Если бы она улетела до моего возвращения, я бы тебе никогда не прос-тил. Теперь оставь меня.

Немного застенчиво, но все еще пытаюсь держаться так, словно ничего не случилось, Чипсайд выпрыгнул в коридор. Даб-Даб закрыла за ним дверь.

Доктор подошел к очаровательной птице на чернильнице и можно погладил ее по спинке. И голова Миранды сразу показалась из-под крыла.

Глава X

ДЛИННАЯ СТРЕЛА,
СЫН ЗОЛОТОЙ СТРЕЛЫ

— Миранда, — сказал Доктор, — мне очень жаль, что так получилось. Не обижайся на Чипсайда. Он пока не умеет вести себя как положено. Чипсайд — городская птица. Ему с детства пришлось бороться за свою жизнь. Пойми это. По-другому он не умеет.

Миранда устало расправила великолепные крылья. Теперь, когда она проснулась, я заметил, что в глазах Райской Птицы стояли слезы, клюв дрожал.

— Я бы так сильно не расстроилась, — сказала она высоким серебристым голосом, — если бы не устала смертельно. Да и кроме того... — добавила она тихо.

— Дорога была нелегкой? — спросил Доктор.

— Хуже некуда. Особенно погода. Но толку об этом говорить? Так или иначе, но я уже здесь.

— Скажи мне, — попросил Доктор наконец, как будто давно уже хотел задать этот вопрос, — что ответил Длинная Стрела, когда ты передала ему мои слова?

Пурпурная Райская Птица поникла головой.

— Вот это — худшее. Ведь я могла вообще не прилетать. Я не выполнила вашего поручения, не смогла найти индейцев. Длинная Стрела, сын Золотой Стрелы, исчез!

— Исчез? — вскрикнул Доктор. — Что же с ним случилось?

— Никто не знает, — ответила Миранда. — Он и раньше часто исчезал, я ведь вам рассказывала. Индейцы никогда не знали, где он. Но от птиц трудно спрятаться. То ласточка, то сова всегда сообщали мне, где скрывается индеец. На этот раз никто ничего не знал. Поэтому я и задержалась почти на полмесяца. Я продолжала его искать, спрашивала повсюду, облетела всю Южную Америку вдоль и поперек. Ни одно живое существо не знало, где Длинная Стрела.

Миранда закончила рассказ, и в комнате воцарилась тишина. Доктор озабоченно нахмурился, Полинезия почесал затылок.

— А у черных попугаев ты спрашивала? — осведомился Полинезия. — Они ведь все знают.

— Конечно, — ответила Миранда. — Но они ничего не слышали. Я так расстроилась из-за всего этого, что даже не узнала прогноз погоды перед полетом. Я пролетела мимо Азорских островов без остановки прямо к Гибралтарскому проливу. Совсем не подумала, что сейчас не лето. Поэтому меня настиг шторм в Атлантическом океане, ужасный шторм. Мне казалось, я уже не выберусь. К счастью, я увидела разбитое судно. Оно плавало после шторма и еще не затонуло. Я присела на него, чтобы немного отдохнуть. Если бы я тогда не отдохнула, то не беседовала бы сегодня с вами.

— Бедная Миранда! Сколько ты перенесла! — сказал Доктор. — Но скажи, может быть, ты узнала, где в последний раз видели Длинную Стрелу?

— Да. Один юный альбатрос сказал мне, что видел его на острове Паучьих обезьян.

— Остров Паучьих Обезьян? То есть у берегов Бразилии?

— Да, именно там. Я сразу же туда полетела и спросила о Длинной Стреле у каждой птицы на острове, не видели ли они индейца. Остров очень большой — несколько сот миль в длину. Похоже, Длинная Стрела навещал индейцев, которые там живут. В последний раз, когда его видели, он шел в горы за какими-то редкими лекарственными растениями. Об этом мне рассказал ручной ястреб. Его держит у себя тамошний вождь, чтобы охотиться на куронок. Меня тоже едва не поймали и не закидали в клетку. Иметь красивые перья — большое несчастье. Если окажись я рядом с человеком — и это будет стоить мне жизни. Люди скажут: "Ой, как красиво!" — и тут же пошлют пулю или пулю в сердце. Только вы, Доктор, и Длинная Стрела единственные во всем мире, кому я доверяю.

— Значит, так никто и не знает, вернулся ли с гор Длинная Стрела?

— Никто. На острове его видели в последний раз. Я расспросила всех морских птиц на берегу, не отплывал ли Длинная Стрела с острова на каноэ. Никто не мог мне ничего сказать.

— Ты думаешь, с ним что-нибудь случилось? — испуганно спросил Доктор.

— Боюсь, что да, — ответила Миранда, покачав головой.

— Если я никогда не увижусь с Длинной Стрелой, — медленно сказал Доктор, — это станет самым большим огорчением в моей жизни. Гибель такого натуралиста — потеря для всего человечества. Судя по тому, что ты мне о нем рассказывала, Длинная Стрела — самый замечательный натуралист в мире. Неужели он погиб?

— Что же можно предположить? — разрыдалась Миранда. — Ведь уже шесть месяцев Длинную Стрелу не видели ни рыба, ни зверь, ни птица.

Глава XI

ПУТЕШЕСТВИЕ ВСЛЕПУЮ

Мы все очень огорчились, услышав об участии Длинной Стрелы. Доктор молча пил чай. Тогда я понял, что он и вправду очень расстроен. Время от времени он совсем опускал голову и мрачно разглядывал пятна на кухонной скатерти. Мысли его были далеко. Даб-Даб очень беспокоилась, будет ли Доктор сыт. Чтобы отвлечь его от тяжелых мыслей, она то покашливала, то гремела тарелками в мойке для посуды.

Я пытался ободрить Доктора, напомнить, как много он сделал для Луки и его жены. Когда и это не помогло, пришлось перейти к обсуждению предстоящего путешествия.

— Знаешь, Стаббинс, — сказал Доктор, когда мы встали из-за стола, — я не представляю теперь, куда нам плыть. После того, что сообщила нам Миранда, я совсем сбит с толку. А ведь во время этого путешествия я хотел познакомиться с Длинной Стрелой. Я ждал этого целый год, надеялся, что Длинная Стрела поможет мне выучить язык крабов и устриц или даже объяснит, как спуститься на дно моря. А теперь? Длинной Стрелы больше нет. С ним вместе пропали и все его огромные знания.

Казалось, Доктор снова погружается в сон.

— Подумать только! — тихо сказал Доктор. — Мы с Длинной Стрелой — ученые-натуралисты. Я никогда не видел его, но казалось, что хорошо его знаю. Длинная Стрела не учился в школе, но всю жизнь занимался тем же, что и я. А теперь он

мет! Между нами лежал целый мир, а соединяла нас маленькая птица, которая знала и его, и меня.

Мы вернулись в кабинет. Джип принес Доктору комнатные туфли и трубку. Доктор зажег трубку и, когда комната наполнилась дымом, немного успокоился.

— Доктор, но вы все-таки отправитесь в путешествие? — спросил я. — Даже если не сможете найти Длинную Стрелу?

Доктор заглянул мне в глаза. Он догадался, как я взволнован, и улыбка его была по-прежнему мальчишеской:

— Конечно, Стаббинс. Не беспокойся. Нам нельзя останавливаться, надо работать и учиться, несмотря на то, что Длинная Стрела исчез. Но куда нам плыть — вот в чем вопрос. Куда направиться?

В мире было столько мест, где бы мне хотелось побывать! Я не мог решить сразу. Пока я думал, Доктор выпрямился в кресле и сказал:

— Стаббинс, мы поступим вот как. Когда я был совсем молодым, еще до того, как со мной поселилась Сара, я очень любил одну игру. Я называл ее "путешествие вслепую". Когда мне хотелось отправиться в поездку и я не мог выбрать, куда ехать, я брал в руки атлас и разворачивал его с закрытыми глазами. Затем я доставал карандаш и, не открывая глаз, опускал его на случайно открытую страницу. Только тогда я открывал глаза и смотрел. "Путешествие вслепую" было очень интересной игрой. Но до начала нужно поклясться, что мы поедem туда, куда укажет карандаш. Сыграем?

— Давайте! — обрадовался я. — Как это увлекательно! Может быть, это будет Китай, или Борнео, или Багдад.

Я тотчас полез в книжный шкаф, вытащил с верхней полки большой атлас и положил его перед доктором на стол.

Я наизусть знал каждую страницу в этом атласе. Сколько дней я провел над его старыми, потерявшими цвет страницами! По голубым рекам с гор я спускался к океану, пытался представить себе, как живут люди в маленьких городишках, воображал, какой ширины озера. Мысленно путешествуя с атласом ко всему миру, я наслаждался. Как сейчас, я вижу этот атлас. На первой странице было написано, что атлас напечатан в Единбурге в 1808 году, и указаны имена его составителей. На следующей странице изображалась солнечная система: солнце, планеты, звезды, луна. На третьей странице — карта

Северного и Южного полюсов. Потом шли карты полушарий, океанов, континентов, разных стран.

Доктор начал точить карандаш, а я вдруг подумал и сказал:

— А что, если карандаш попадет на Северный полюс? Мы туда поедем?

— Правила игры гласят, что вы не должны дважды бывать в одном и том же месте. Нужно еще раз указать карандашом. А на Северном полюсе я уже был, — добавил он спокойно. — Там что туда мы не поедем.

От удивления я не мог произнести ни слова, пока не выдохнул с замиранием сердца:

— Вы были на Северном полюсе! А я думал, он еще не открыт. На карте указаны все места, куда добрались исследователи. Почему же там нет вашего имени, если вы его уже открыли?

— Я обещал держать это в тайне. И ты дай мне слово, что никому не расскажешь. Да, в апреле 1809 года я открыл Северный полюс. Когда я там оказался, ко мне пришли белые медведи и сказали, что на полюсе под снегом очень много каменного угля. А им известно, что люди проберутся куда угодно, лишь бы добыть уголь. Поэтому они просили никому об этом не рассказывать. Ведь узнав об этом, сразу начнут строить шахты и загрязнят прекрасную белоснежную страну. А белые медведи нигде не могут больше жить — только на северном полюсе. Я дал им слово. Ну, мы готовы? Отлично! Возьми карандаш и встань поближе к столу. Когда книга откроется, три раза взмахни карандашом и воткни в лист. Готово? Хорошо! Закрой глаза!

Минута была очень напряженной. Мы оба закрыли глаза. Я услышал, как атлас со стуком развернулся, и гадал, на какой странице: Англия это или Азия. Если Азия, то все будет зависеть от того, на какую страницу укажет карандаш. Три раза я взмахнул карандашом, описывая круг, затем опустил руку. Кончик карандаша коснулся страницы.

— Все! — закричал я.

Глава XII

НАША СУДЬБА И ЦЕЛЬ ПУТЕШЕСТВИЯ

Мы оба открыли глаза. И потом, нагнувшись, стукнулись лбами, потому что сгорали от нетерпения узнать, куда отправимся. Атлас развернулся на странице "Карта Южной Атлантики". Острие моего карандаша указывало в центр крохотного острова. Название его было напечатано очень мелким шрифтом. Доктору, чтобы прочесть, пришлось надеть сильные очки. Я арожал от нетерпения.

— Остров Паучьих Обезьян, — медленно прошептал он, а потом тихо присвистнул: — Невероятно! Ты воткнул карандаш в тот самый остров, где в последний раз видели Длинную Стрелу. Это очень странно. Просто удивительно.

— Но мы ведь туда поплывем, Доктор?

— Да. Ведь таковы правила игры.

— Я очень рад, что это не Оксенторп и не Бристоль. У нас будет замечательное путешествие. Только посмотрите, сколько нам нужно пересечь морей. Это долго?

— Не очень. На хорошем корабле и при хорошем ветре — месяц. Но разве это все не удивительно? Ты с закрытыми глазами указал именно Остров Паучьих Обезьян! Впрочем, хорошо уже то, что я смогу узнать кое-что новое о жуках Джабизри.

— А что это за жуки?

— Это очень редкая разновидность жуков с необычными привычками. Мне хочется их изучить. Во всем мире есть только три местности, они живут. Остров Паучьих Обезьян — одна из них, но даже там жуки Джабизри редко встречаются.

— А что значит этот вопросительный знак после названия острова? — спросил я, указывая на карту.

— Это значит, что местоположение острова установлено не точно. Знают только, что остров находится где-то в этом районе. вполне возможно, мы окажемся первыми белыми, кто ступит на эту землю. Думаю, найти остров будет не легко.

Все было похоже на сон. Мы с Доктором сидели за большим письменным столом. Горели свечи. Дымок из трубки Доктора поднимался к темному потолку. Мы говорили о том, как найти остров в океане. Мы знали, что будем первыми белыми, кто высадится там.

— Нам предстоит великолепное путешествие, готов поклясться, — сказал я. — На карте этот остров такой красивый. Там живут негры?

— Нет. Миранда говорит, что там живет племя краснокожих индейцев.

При этих словах Райская Птица зашевелилась и проснулась. Мы были так увлечены, что забыли о ней.

— Миранда, мы собираемся на Остров Паучьих Обезьян, — сказал Доктор. — Ты ведь знаешь, где он находится?

— Я знаю, где он был в последний раз, когда я его видел. Но не уверена, остался ли он на том же месте.

— Что ты хочешь этим сказать? — удивился Доктор. — Разве остров не всегда находится в одном и том же месте?

— Конечно нет, — ответила Миранда. — Разве вы не знали? Остров Паучьих Обезьян — плавучий. Он движется вдоль южного побережья Южной Америки. Но если вы туда отправитесь, я помогу его найти. Услышав последние слова Миранды, я не мог больше сдерживаться. Мне нужно было кому-то всем рассказать. Приплясывая и напевая, я выбежал из комнаты поискать Чи-Чи.

В дверях я столкнулся с Даб-Даб, которая принесла на крыльях тарелки, и растянулся на полу, больно ударившись носом.

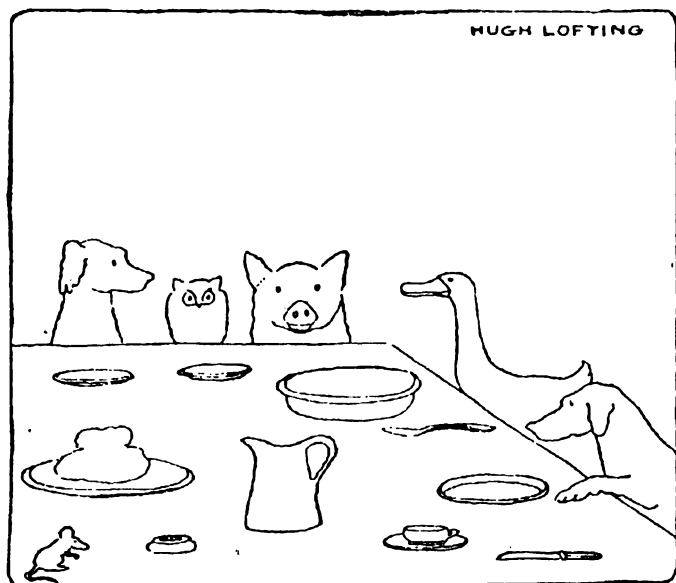
— Неужели мальчик сошел с ума? — вскричала утка. — Куда ты так спешишь?

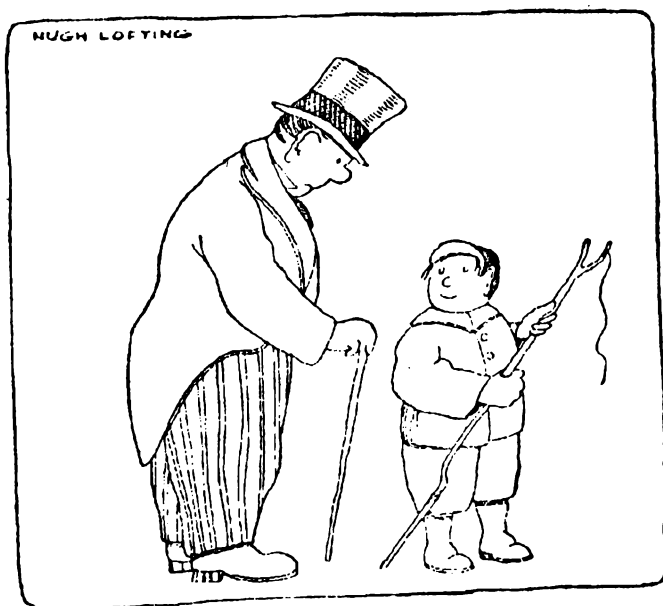
— На Остров Паучьих Обезьян! — заорал я, вставая. Потом начал кувыркаться колесом по гостиной и кричал:

— Остров Паучьих Обезьян! Ура! Плавучий Остров!

— По-моему, ты собираешься в сумасшедший дом, заворчала наша экономка. — Посмотри, что ты сделал китайскими фарфоровыми чашками!

Я был так счастлив, что не стал слушать ее нравоучений и распевая во все горло, убежал на кухню в поисках Чи-Чи.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Глава I

ТРЕТИЙ

Через несколько дней мы начали готовиться к путешествию.

Джо спустил "Кроншнеп" вниз по реке и крепко привязал его тросом к пирсу. Так корабль было легче грузить. Три дня подряд мы носили провизию на наше новое прекрасное судно и складывали в трюм.

Я очень удивился, когда увидел, что наш корабль внутри так просторен. Там было три каюты и большой салон. Под ними находился трюм, в котором хранились провизия и опасное корабельное снаряжение.

Джо, наверное, всем в городе рассказал, что мы отправляемся в плавание. С утра до ночи за тем, как мы грузились, наблюдала толпа зевак. В конце концов пришел и старый Мэтью Мэг.

— Господи, Томми, — сказал он, наблюдая, как я тащу мешки с мукой, — какой замечательный корабль! Куда же Доктор теперь отправляется?

— Мы отправляемся на Остров Паучьих Обезьян, — с гордостью ответил я.

— Доктор только одного тебя берет с собой?

— Вообще-то он говорил, что хотел бы нанять еще одного человека, но пока ничего не решил.

Мэтью что-то промышчал, потом украдкой посмотрел на мачтовые снасти "Кроншнепа".

— Знаешь, Томми, — сказал он, — если бы не ревматизм, я бы обязательно поехал с Доктором. Когда корабль готов к от-

плытию, во мне всегда просыпается жажда приключений и путешествий. А что это у вас в бидонах?

— Патока, — ответил я, — двадцать фунтов патоки.

— Боже мой! — вздохнул он, грустно отвернувшись. — Мне все сильнее хочется уплыть с вами. Но у меня ревматизм и вряд ли я смогу...

Больше я ничего не слышал, потому что Мэтью отошел в сторону, что-то бормоча себе под нос. Вскоре он исчез в толпе собравшейся на пристани. Часы на церкви пробили девять, я заспешил обратно. Погрузку корабля я считал очень важным и ответственным делом.

Незадолго до девяти какой-то незнакомый человек заставил меня остановиться. Это был большой, сильный мужчина с рыжей бородой и татуировкой на руках. Он вытер рот рукой, дважды сплюнул и спросил:

— Мальчик, где шкипер?

— Шкипер? А что вы имеете в виду? — поинтересовался я. Владелец судна, — ответил незнакомец, указывая на "Кроншнеп".

— Ах, вам нужен Доктор! — обрадовался я. — Его сейчас нет здесь.

Как раз в эту минуту прибежал Доктор. В руках у него было полно блокнотов, сачков, пробирок — словом, всего, что нужно натуралисту. Грузный мужчина подошел к нему и вежливо дотронулся до своей кепки.

— Доброе утро, капитан, — сказал он. — Я слышал, что вам на судно требуется еще один человек. Меня зовут Бен Мясник, я моряк.

— Очень рад с вами познакомиться, — ответил Доктор. — И боюсь, что не смогу взять в свой экипаж больше никого.

— Капитан! — воскликнул моряк. — Не собираетесь же вы выходить в открытое море с малюткой, который вам помогать грузить вещи? Яхта у вас не маленькая!

Доктор заявил моряку, что ему никто не нужен, но тот не уходил. Он бродил вокруг нас и доказывал свое, рассказывая, сколько кораблей затонуло из-за неумелого вождения! Достал из кармана бумагу, где говорилось, какой он хороший моряк (Бумаги он называл "дакумент"). Он долго убеждал нас, что если мы хоть чуть-чуть дорожим собственной жизнью, должны взять его с собой.

Доктор был неумолим. Он действовал вежливо, но решительно. В конце концов рыжебородый ушел, сказав напоследок, что живыми вряд ли нас увидит.

Целое утро нас хоть кто-нибудь да отвлекал от дела. Не успел Доктор спуститься в каюту, чтобы разложить там свои записные книжки, как новый посетитель появился на сходнях. Это был совершенно удивительный чернокожий. Раньше я видел негров только в цирке. Они обычно были в перьях с ожерельями вокруг шеи. На пришедшем к нам негре модный сюртук и огромный ярко-красный галстук, на голове — соломенная шляпа с яркой ленточкой. В руке он держал большой зеленый зонтик. В общем, негр был очень симпатичный. Правда, он пришел босиком, забыв, наверное, о носках и ботинках.

— Простите, — сказал негр и изящно поклонился. — Это корабль Доктора Дулиттла?

— Да, — ответил я. — Хотите с ним поговорить?

— Да, если это вас не слишком затруднит.

— А кто вы?

— Я Бумпо Кабубу, коронованный принц Джоллиджинки.

Я побежал вниз по лестнице и рассказал все доктору.

— Какая удача! — вскричал Джон Дулиттл. — Мой старый друг Бумпо! Прекрасно! Знаешь, он учится в Оксфорде. Как хорошо, что он приехал!

Доктор немедленно взобрался по лестнице и тепло поздоровался с Бумпо, тот засиял от радости.

— Я узнал, что вы собираетесь отплыть в путешествие, — сказал он, — и поспешил увидеть вас до отъезда. Я чрезвычайно рад, что нашел вас.

— Вы просто случайно нас застали, — ответил доктор. — Мы пока отложили отъезд, потому что у нас не хватает матросов на корабле. А то мы бы отправились в плавание еще три дня назад.

— Сколько человек вам нужно? — спросил Бумпо.

— Всего один, — ответил Доктор. — Но так трудно найти подходящего.

— Мне представляется, что во всем этом есть перст Провидения, — торжественно заявил Бумпо. — Я вам не подойду?

— Это было бы замечательно! — воскликнул Доктор. — Но что будет с вашими занятиями? Вы ведь не можете оставить университет. Что станет с вашей научной карьерой?

— Каждому нужны каникулы, — торжественно продолжал Бумпо. — Даже если бы я не отправлялся в путешествие с вами, все равно воспользовался бы трехмесячным отпуском после окончания семестра. Я предполагаю, что в вашем обществе смогу продолжить образование. До моего отъезда из Джол лиджинки мой августейший отец, король, советовал мне как можно больше путешествовать. Вы — человек огромных знаний. Быть рядом с вами и путешествовать по нашей земле — это возможность, которой ни в коем случае нельзя пренебречь.

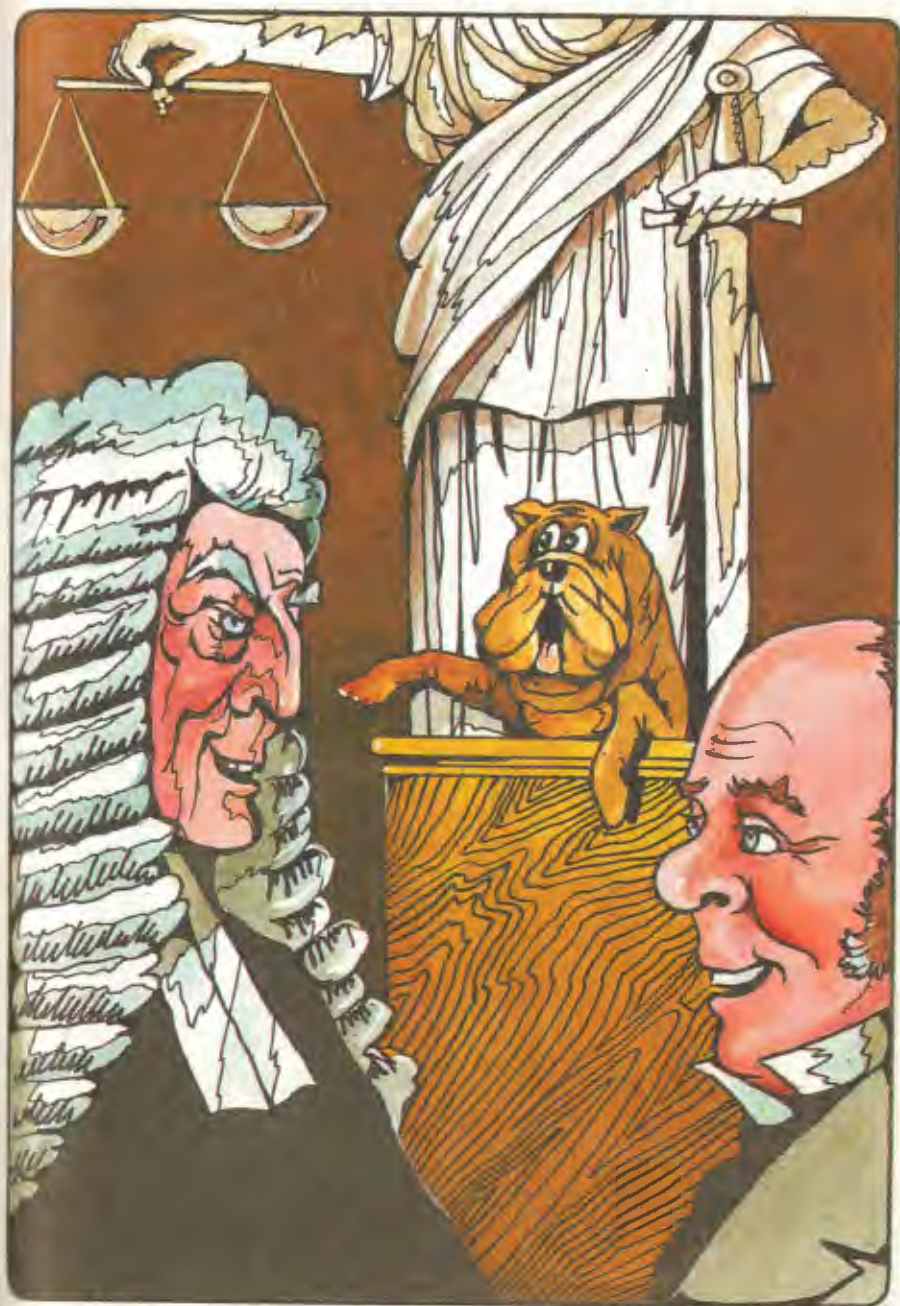
— Как вам живется в Оксфорде? — спросил Доктор.

— Вполне удовлетворительно, — ответил Бумпо. — Мне все очень нравится, кроме алгебры и туфель. Алгебра досаждала моей голове, а туфли — ногам. Как только сегодня утром я вышел за пределы колледжа, тотчас выбросил туфли. Быстро и с удовлетворением я забываю алгебру. Больше всего люблю читать древнеримского оратора Цицерона. Да, да, именно Цицерона. Кстати, мне сказали, что в будущем году его сын будет участвовать в гребных гонках от нашего колледжа. Он очаровательный юноша.

Доктор задумчиво посмотрел на огромные голые ноги Бумпо.

— Вы были правы, — задумчиво сказал он. — Образование можно получить не только в колледже, но и среди людей. И если вы действительно хотите поехать с нами, мы будем этому очень рады. По правде говоря, вы именно тот человек, который нам нужен.

Глава II

ДО СВИДАНИЯ!

Два дня спустя все было готово к отъезду.

Джип очень просил, чтобы его тоже взяли, и Доктор, не выдержав, согласился. Полинезия и Чи-Чи тоже должны были отправиться вместе с нами. Даб-Даб оставалась присматривать за домом и всеми зверями.

Как всегда бывает, в последний момент мы вспомнили о том, что забыли взять с собой. Когда мы, наконец, закрыли дом и спустились по ступенькам, руки у нас были заняты пакетами и свертками.

На полдороге к реке Доктор вдруг вспомнил, что оставил на кухне кипящий чайник. К счастью, мимо пролетал черный дрозд, который гнезвился в нашем саду. Доктор попросил его влететь в дом и предупредить о чайнике Даб-Даба.

Внизу на пирсе нас собралось множество горожан. Рядом со сходнями стояли мои родители. Я очень хотел, чтобы они не расплакались. Честно говоря, они вели себя весьма достойно. Мама тихо сказала, что, надеется, я не промочу ноги. Отец выдавил улыбку, похлопал меня широкой ладонью по спине и пожелал удачи. Прощание всегда доставляет много неприятностей, и я был очень рад, когда все, наконец, закончилось.

Мы немного удивились, отчего в толпе на причале нет Мэтью Мэга. Нам казалось, он должен прийти. Доктор хотел дать ему дополнительные указания, как кормить зверюшек, оставшихся дома.

Мы долго вытаскивали якорь, потом развязывали множество морских узлов. В конце концов, "Кроншнеп" сдвинулся с места и поплыл вниз по реке. На берегу нам кричали "ура!" и помахивали носовыми платками.

Пытаясь плыть по течению, мы столкнулись с одной или двумя лодками, а на одном повороте реки надолго запутались в гинее. Собравшиеся на берегу всякий раз вскрикивали при каждом нашем неудачном маневре. Однако Доктора это совершенно не тревожило.

— Мелкие неприятности случаются, даже если путешествие очень хорошо подготовлено, — заявил он, перегнувшись через борт и стараясь вытащить запутавшийся в тине ботинок. Легче плыть в открытом море. Там обычно не на что наткнуться.

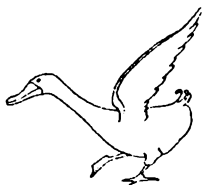
Когда мы вышли в открытое море, я испытал необыкновенное чувство. Мы проплыли мимо маяка, стоявшего в устье реки, и вдруг оказались вдали от берега. Земли уже не было видно. Все казалось новым и незнакомым. Только небо над головой, а под нами — море. Тот самый корабль, на котором мы плыли, должен стать нашим домом и улицей, нашим садом на столько долгих дней! Он казался таким маленьким, но каким уютным, надежным!

Я оглянулся и глубоко вздохнул. Доктор стоял у руля и вел наш корабль по волнам. Я очень боялся приступа морской болезни, но, к счастью, чувствовал себя хорошо.

Бумпо попросили сойти вниз и приготовить обед. Чи-Чи собирала одежду и раскладывала ее аккуратными стопками. Я должен был закрепить все предметы на палубе, чтобы ничего не каталось и не было смыто за борт, если погода вдруг испортится, а мы окажемся вдали от берега.

Джип сидел прямо на носу нашего корабля. Уши у него стояли, а нос он держал по ветру. Он сидел так неподвижно, что был похож на изваяние. Джип пытался разглядеть дрейфующие обломки затонувшего корабля, песчаной отмели или иные опасности, подстерегающие мореходов.

У каждого из нас была своя работа на корабле. Даже старый Полинезия измерял температуру воды за бортом с помощью градусника Доктора. Градусник был прикреплен к веревке. Мы постоянно проверяли, нет ли поблизости айсберга. Я слышал, как Полинезия ругается вполголоса. Ему никак не удавалось разглядеть в сумерках цифры на градуснике. Тогда я, наконец, понял, что наше путешествие и вправду началось и скоро наступит ночь — наша первая ночь в море!

Глава III

НЕПРИЯТНОСТИ
НАЧИНАЮТСЯ

Прямо перед ужином пришел Бумпо и обратился к Доктору.

— В трюме заяц, сэр, — сказал он строго и озадаченно. — Я только что обнаружил его за мешками с мукой.

— Этого еще не хватало! — воскликнул Доктор. — Какая чепуха! Стаббинс, спустись с Бумпо. Приведите ко мне этого человека. Я не могу отойти от руля.

Мы с Бумпо пошли в трюм. Там за мешками, испачканный мукой с ног до головы, стоял какой-то человек. После того, как мы шваброй смели с него почти всю муку, перед нами предстал Мэтью Мэг. Мы отвели его к Доктору.

— Это вы, Мэтью! — Джон Дулиттл. — Но что вы здесь делаете?

— Искушение было так велико, Доктор! — сказал Продавец кошачьей еды. — Я ведь столько раз просил взять меня с собой в путешествие, а вы ни разу не согласились. Вот я и подумал, что вам все равно нужен еще один человек, и решил спрятаться до тех пор, пока корабль не окажется в открытом море. Ну а потом вы меня нашли и не выгнали. А я бы вам пригодился. Но я столько часов пролежал, согнувшись, за мешками с мукой, что мой ревматизм стал просто нестерпимым. Я просто хотел поменять положение. Но только я вытянул ноги, тут сразу появился ваш африканский кок и увидел меня. Только бы наш корабль не очень болтал! Сколько времени уже продолжается шторм? Готов поклясться, что влажный морской воздух не пойдет на пользу моему ревматизму.

— Вы правы, Мэтью. Вам не следовало ехать. К такой жизни вы совсем не приспособлены. Думаю, вам не понравится длинное путешествие. Мы сделаем остановку в Пензансе и высадим вас на берег. Бумпо, пожалуйста, спуститесь в мою каюту. В кармане халата лежит карта. Принесите самую маленькую — на

ней пометки синим карандашом. Мне кажется, Пензанс где-то здесь, слева от нас. Но я должен узнать, где стоят маяки, прежде чем поменяю курс и направлюсь к берегу.

— Хорошо, сэр, — Бумпо повернулся и направился к трапу.

— А теперь, Мэтью, — сказал Доктор, — можете воспользоваться экипажем Пензанс — Бристоль. Кстати, оттуда недалеко до Пуделби, как вам известно. Не забудьте также о продуктах, которые вы приносите каждый четверг нашим зверям. Я очень беспокоюсь о селедке для маленьких соболей.

Пока ждали Бумпо с картами, мы с Чи-Чи решили зажечь фонари: зеленый на правом борту, красный — на левом, белый на мачте.

Наконец, мы услышали топот на лестнице. Доктор сказал:

— А вот и Бумпо с картами!

Но, к нашему величайшему удивлению, перед нами появился не только Бумпо. С ним были еще двое.

— Господи, спаси и сохрани! Кто это? — воскликнул Джон Дулиттл.

— Еще два зайца, сэр, — ответил Бумпо, выступая вперед. — Я обнаружил их под вашей полкой. Мужчина и женщина, сэр. А вот и карта.

— Это уже слишком, — проговорил Доктор. — Кто это? При этом свете я не вижу лиц. Зажгите спичку, Бумпо.

Никогда не догадаетесь, кто это был. Лука со своей женой! Жена Луки выглядела очень несчастной. Ей было явно не по себе.

Они объяснили Доктору, что с тех пор, как поселились в маленькой хижине на болотах, столько народу приходило повидать их (все уже знали о суде), что жизнь стала просто невыносимой. Тогда-то они и решили бежать из Пуделби именно этим способом. На билеты у них просто не было денег. Они хотели пойти в другом месте, где бы их совсем не знали. Как только корабль тронулся, миссис Лука почувствовала себя очень плохо.

Бедный Лука бесконечно извинялся число раз, повторяя, что мысль о бегстве на корабле пришла в голову его жены.

Доктор отправил на вниз за медицинской сумкой, дал жене Луки нюхательной соли, а потом предложил одолжить Луку денег и высадить их всех вместе в Пензансе. Он написал для Луки рекомендательное письмо своему другу в Пензансе, надеясь, что тот поможет Луке найти работу.

Когда Доктор открыл свой кошелек и достал оттуда несколько золотых монет, Полизиния, сидевший у меня на плече и внимательно за всем наблюдавший, тихо проворчал:

— Что он делает! Одалживает последнее. Целых три фунта и десять пенсов! Эти деньги у нас были рассчитаны на все путешествие. Теперь даже почтовой марки купить не сможем, если вдруг придется бросить якорь, не говоря уже о пинте дегтя. А что, если кончится провизия? Может быть, им лучше сразу весь корабль отдать, чтобы они уплыли домой?

Вскоре с помощью карты Доктор проложил новый курс. К большой радости и облегчению жены Луки, мы отправились прямо на Пензанс.

Мне было очень интересно, удастся ли нашему кораблю благополучно войти в порт ночью. Ведь мы могли ориентироваться только по маякам и компасу. Но доктор сумел обойти все скалы и песчаные мели.

Около одиннадцати часов ночи мы вошли в маленькую корнуэльскую гавань. Доктор на лодке довез всех наших "зайцев" до берега и отыскал для них комнаты в гостинице. Вернувшись на "Кроншнеп", он рассказал, что жена Луки сразу легла спать и ей гораздо лучше.

Пробило полночь. Мы решили остаться в гавани до утра и на рассвете выйти в путь.

Я с радостью залез в койку, хотя, конечно, не спать всю ночь тоже было очень интересно. Я улегся над койкой Доктора и натянул одеяло. Прямо у локтя оказался иллюминатор. Не поднимая головы с подушки, я видел огни Пензанса. Они слабо покачивались при каждом движении нашего корабля, стоявшего на якоре. Казалось, что перед сном вижу маленькое представление. Я тут же подумал, что мне очень нравится жизнь на море, и крепко уснул.

Глава IV

НЕПРИЯТНОСТИ
ПРОДОЛЖАЮТСЯ

На следующее утро мы ели на завтрак почки с салом. Это великолепное блюдо приготовил Бумпо, наш замечательный кок. Доктор обратился ко мне:

— Не знаю, Стаббинс, сделать нам остановку на острове Капабланка или же плыть прямо к берегам Бразилии. Миранда говорит, что погода примерно с месяц будет стоять хорошая.

Размешивая сахар на дне чашки с какао, я ответил:

— Лучше всего плыть прямо в Бразилию, пока мы уверены, что погода будет хорошая. Да и пурпурная Райская Птица ждет нас. Она встревожится, не случилось ли что с нами, если через месяц нас не прибудем.

— Ты прав, совершенно прав, Стаббинс. Кроме того, острова Капабланка — удобное место для стоянки на обратном пути. Если нам понадобится провизия или, возможно, придется что-нибудь чинить, туда всегда можно зайти.

— А сколько отсюда до Капабланки? — спросил я.

— Дней шесть. Впрочем, мы и позже можем решить, как поступать в ближайшие два дня — курс на Капабланку и в Бразилию один и тот же. Если ты закончил завтрак, пойдем наверх.

Наверху я увидел, что наше судно окружили со всех сторон белые и серые чайки. Они кружили, сверкая перьями в солнечном утреннем воздухе. Чайки искали остатки пищи, выброшенной с кораблей.

В половине восьмого мы подняли якорь и поставили парусов дул легкий ветер. На этот раз мы вышли в море без происшествий. Навстречу попались рыбацкие лодки из Пензанса. Они возвращались после ночного лова. Все выстроились, как солдаты — в одну линию. Лодки под красно-коричневыми парусами одновременно накренились на левый борт, и серебристая вода закипела перед ними.

Следующие три или четыре дня ничего необычного не случилось. Все время мы занимались обычной работой. Иногда доктор показывал каждому, как стоять у руля, как держать курс корабля и что делать, если ветер вдруг изменит направление. Сутки мы разделили на три вахты. Сменяя друг друга, мы спали по восемь часов, а по шестнадцать бодрствовали. Двое всегда были вахте.

Добавим, что Полинезия, самый старый и опытный моряк из всех нас, совсем не спал, иногда только дремал на солнышке. Правда, и в дреме он продолжал стоять на одной ноге около руля. Можно было не сомневаться: никому не удастся проспать больше восьми часов, так как Полинезия все время начеку. Он следил за корабельными часами. Если кто-нибудь спал хоть на минутку больше положенного, он немедленно прибежал в каюту и осторожно клевал соню прямо в нос. Мы сразу просыпались.

Мне очень понравился наш чернокожий друг Бумпо. Меня забавляло его красноречие, но больше всего — его ноги, на которые кто-нибудь вечно наступал или спотыкался о них. Казалось, он все время улыбается. Хотя он был гораздо старше меня и учился в колледже, Бумпо никогда не пытался мной командовать. Благодаря ему мы все всегда были в хорошем настроении. Я сразу понял, как разумно поступил Доктор, взяв Бумпо в путешествие, хотя наш негр совсем ничего не знал о море.

Утром пятого дня, когда я сменил Доктора у руля, на палубе появился Бумпо и сказал:

— Почти вся солонина кончилась, сэр.

— Вся солонина! — вскричал Доктор. — Не может быть! Ведь мы взяли с собой сто двадцать фунтов. Нельзя столько съесть за пять дней. Что случилось?

— Совершенно не представляю, сэр. Но всякий раз, когда я захожу в трюм, вижу, что не хватает очередного куска. Если солонину съели крысы, то тогда, видимо, это они, вероятно, грызуны в мире.

Полинезия в это время делал свою утреннюю зарядку: он расхаживал по канату. Услышав наш разговор, попугай немедленно вставил:

— Мы должны обыскать трюм. Если так будет продолжаться, не пройдет и недели, как мы умрем с голоду. Томми, пойдем со мной вниз, узнаем, в чем дело.

Мы спустились в отсек для хранения продуктов. Полинезия попросил нас помолчать и прислушаться. Так мы и сделали. Вскоре стало слышно, как в самом темном и дальнем углу отсека раздается храп.

— Так я и думал, — сказал Полинезия. — Это — человек, и притом не маленький. Вы оба заползите туда и выведите его. По-моему, на нашем корабле выехала половина города Пуделби. Можно подумать, что у нас какой-нибудь дешевый паром, а не корабль. Нет, что за наглость! Выведите его немедленно!

Мы с Бумпо зажгли фонарь, начали пробираться между тюков с провизией. За бочкой лежал огромный бородатый мужчина. Он безмятежно спал, и вид у него был абсолютно сытый. Мы его разбудили.

— Фчемдело? — сонно спросил он.

Это был Бен Мясник. Полинезия зашипел, как лопнувшая хлопушка.

— Это уже последняя капля! — воскликнул он. — Ни в малейшей степени мы не хотели видеть этого человека. Какая наглость с его стороны!

— Не находите ли вы разумным следующее, — предложил Бумпо. — Пока этот мошенник спит, ударить его чем-нибудь тяжелым по голове и вытолкнуть за борт через иллюминатор?

— У нас будут неприятности, — заявил Полинезия. — К сожалению, мы сейчас не в королевстве Джоллиджинки. Да и не знаю, найдется ли такой иллюминатор, через который можно протолкнуть такую громадину. Нужно отвести его к Доктору.

Мы доставили Бена в рубку, где он почтительно приподнял свою кепку перед Доктором.

— Еще один "заяц", сэр, — спокойно доложил Бумпо.

Я думал, бедного Доктора хватит удар.

— Доброе утро, капитан, — сказал Бен. — Бен Мясник, опытный моряк, к вашим услугам. Я знал, что вам понадобится. Мне пришлось спрятаться на время, хотя моя советница была против этого. Но представить, как вы будете путешествовать по морю в компании сухопутных жителей — трудно. Думаю, не попади я на корабль, вам было бы нелегко вернуться домой. Только посмотришь на ваш главный парус, сэр, — и можно подумать, что все кончено. Стоит подуть сильному ветру, и паруса окажутся за бортом. Очень хорошо, что я на судне. Скоро мы все приведем в порядок.

— Никакого порядка не надо, — вспыхнул Доктор. — Все как раз наоборот. Я совсем не рад вас видеть. Я уже говорил вам в Пуделби, что не хочу брать вас с собой. Вы не имели права ехать с нами.

— Но, капитан, — сказал опытный моряк. — Вы не сможете без меня управлять судном. Вы ничего не понимаете в кораблевождении. Взгляните на компас. Корабль уже не полтора градуса отклонился от курса. С вашей стороны это полное безумие — отправляться в путешествие одному. Сэр, извините, но я вынужден сказать, что вы можете совсем потерять корабль.

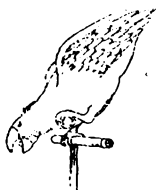
— Послушайте, — сурово отчеканил Доктор, глядя Бену в глаза. — Я не боюсь потерять корабль. Я и раньше терял корабли, и меня это совсем не волновало. Если мне нужно куда-нибудь добраться — я добираюсь. Вы меня понимаете? Несмотря на то, что я плохо разбираюсь в плавании и кораблевождении, я прибываю туда, куда мне нужно. Вы можете быть лучшим моряком в мире, но на этом корабле вы — досадная помеха, очень и досадная. Я намерен зайти в ближайший порт и оставить вас на берегу.

— Именно так, и считайте, что вам еще повезло, — добавил Полинезия, — Вас не собираются арестовывать за то, что вы сжали зайцем и съели почти всю солонину.

— Не знаю, что нам теперь делать, — прошептал он на ухо Бумпо. — У нас теперь совсем нет денег, чтобы купить что-нибудь еще. А солонина была главной частью наших запасов.

— А может быть, следовало бы засолить и съесть самого Мясника? — прошептал Бумпо. — Думаю, он весит больше двадцати фунтов.

— Сколько раз вам повторять, что вы не в Джоллиджинке, — исплеснул крыльями Полинезия. — На кораблях это невозможно. Но все же, — он с минуту колебался, — это замечательная мысль. Не думаю, что хоть кто-нибудь видел, как он входил на корабль. Но прежде всего у нас не хватит соли. А потом, от него пахнет табаком.

Глава V

ПОЛИНЕЗИЯ СТРОИТ ПЛАНЫ

Доктор попросил меня встать к рулю, пока он, сделав кое-какие расчеты над картой, проложит новый курс.

— Мне все-таки придется зайти на Капабланку, — сказал он, когда Бен Мясник повернулся спиной. — Какая досада! Но лучше я поплыву обратно в Пуделби, чем буду до Бразилии слушать болтовню этого типа.

Действительно, Бен Мясник был невыносим. Вы думаете, хоть кому-нибудь было бы приятно услышать, что он не нужен и что без него обойдутся? А Бен — как ни в чем ни бывало! Он ходил по палубе и объяснял нам, что у нас не так сделано. Послушать его — так у нас на корабле все было неправильно. Якорь прицеплен неверно, решетки люков закреплены не правильно, паруса натянуты задом-наперед, все узлы завязаны кое-как.

В конце концов Доктор велел ему прекратить болтать и уйти в трюм. Бен отказался. Он заявил, что не даст новичкам в морском деле потопить корабль, если уж находится на палубе.

Мы почувствовали себя неудобно. Бен был таким огромным! И кто знает, что он может натворить, если рассердится.

Мы с Бумпо как раз говорили об этом в столовой, когда к нам присоединились Полинезия, Джип и Чи-Чи. Как всегда, у Полинезии был план.

— Послушайте, — сказал он. — Я уверен, что Бен Мясник — мошенник и негодяй. Вы знаете, я прекрасно разбираюсь в моряках, и мне не нравится внешность этого человека. Я...

— Ты думаешь, — прервал я его, — что Доктор в состоянии пересечь Атлантический океан один?

Дело в том, что я очень расстроился, узнав о наших погрешностях. Я испугался — а вдруг что-нибудь случится, если мы попадем в шторм? Ведь Миранда говорила, что хорошая погода долго не продержится. А мы и так уже столько раз

задерживались. Но Полинезия только презрительно покачал головой.

— Малыш, — сказал он. — С Доктором Дулиттлом ты везде в безопасности. Помни об этом. Не обращай внимания на этого глупого морского волка. Разумеется, Доктор все делает неправильно. Но если ты рядом с ним, то правильно или неправильно — не имеет значения. Запомни мои слова: пока ты путешествуешь с Джоном Дулиттлом, попадешь именно туда, куда собирался. Я с ним путешествовал столько раз и очень хорошо все это знаю. Иногда корабль плывет уже вверх дном, а ты все равно попадаешь в пункт назначения. Дело в том, — задумчиво добавил Полинезия, — что Доктору удивительно везет. У него могут быть неприятности, но в конце концов все завершается удачей. Помню, однажды мы плыли через Магелланов пролив, поднялся ужасный ветер...

— Но что будем делать с Беном Мясником? — вставил Джип.
— У тебя, Полинезия, был какой-то план?

— Есть. Я боюсь, что Бен незаметно ударит Доктора по голове и сам станет капитаном "Кроншнепа". Плохие моряки иногда захватывают корабль. Это называется "бунт".

— Мы должны сделать что-нибудь как можно скорее, — сказал Джип. — До Капабланки мы доплывем только завтра. Думаю, Доктора нельзя ни на минуту оставлять с Беном наедине. Его запах мне не нравится.

— Я уже все обдумал, — заявил Полинезия. — Послушайте, от этой двери есть ключ?

Мы выглянули из столовой и увидели, что ключ есть.

— Прекрасно, — сказал Полинезия. — Бумпо накрывает стол к обеду. Мы все уходим и прячемся. В двенадцать часов Бумпо звонит в гонг. Бен слышит и приходит на обед за солониной. Бумпо должен спрятаться снаружи у дверей. Как только Бен сядет за стол, Бумпо закроет дверь на ключ. И тогда мы его поймем! Согласны?

— Сверхгениально! — обрадовался Бумпо. — Как говорил Цицерон: "Союз попугаев с прихожанами победил". Иду накрывать на стол.

— Только не забудь убрать с буфета уорчестширский соус, — напомнил Полинезия. — И вообще не оставляй в столовой ничего съестного. То, что съест наш морской волк, другому человеку хватит дня на три. Кроме того, он вряд ли затеет в

этом случае драку на берегу, когда мы его высадим в Капабланке. И вообще ему не вредно похудеть, прежде чем мы его выпустим.

Мы все вышли и спрятались в коридор, откуда могли наблюдать за тем, что происходит. Вскоре Бумпо подошел к трапу и зазвонил в гонг. Потом он скрылся за дверью, а мы замерли и прислушались.

Почти сразу по трапу вниз — топ! топ! — спустился Бен Мясник, опытный моряк. Он вошел в столовую и уселся во главе стола на место Доктора. Затем Бен повязал себе салфетку под толстым подбородком и издал вздох ожидания.

Тут — трах! — Бумпо захлопнул дверь и закрыл ее на ключ.

— Это его на время успокоит, — сказал Полинезия, выходя из укрытия. — Теперь пусть учит кораблевождению стены в столовой. Какой все-таки наглец! Я забыл о море столько, сколько этот неуклюжий болван никогда и не знал! Пойдем наверх и расскажем все Доктору. Бумпо, в ближайшие два дня тебе придется приносить обеды в каюты.

И он взобрался мне на плечо, напевая какую-то норвежскую морскую песенку. Мы пошли на палубу.

Глава VI

**КРОВАТНЫЙ МАСТЕР
ИЗ МОНТЕВЕРДЕ**

Мы простояли в Капабланке три дня. Хотя мы и очень спешили, но задержались по двум причинам. Во-первых, у нас уменьшились запасы провизии из-за огромного аппетита опытного моряка. Когда мы спустились в отсек с продуктами и стали проверять, все ли на месте, выяснилось, что кроме говядины он поел много другого. Денег у нас не было, и мы ломали голову, как пополнить запасы. Доктор осмотрел свой чемодан, пытаясь найти что-нибудь на продажу. Нашел он только старые часы со сломанными стрелками и вдавленным циферблатом. На выручку от часов мы сможем купить только фунт чаю. Бумпо сказал, что может петь на улицах веселые песенки, которые выучил у себя в королевстве. Однако Доктор сказал, что вряд ли островитяне любят африканскую музыку.

Во-вторых, нас удерживал бой быков. Острова Капабланка принадлежали Испании, и на них в воскресенье проводились эти интереснейшие сражения. Прибыли мы на Капабланку в среду и, избавившись от опытного моряка, пошли прогуляться по городу.

Это был очень милый маленький город, отличавшийся от всех, которые я раньше видел. Улицы были извилистые и такие узкие, что по ним мог проехать только один экипаж. Дома стояли так близко друг от друга, что любой человек, живущий на верхнем этаже, мог пожать руку соседу из дома напротив. Доктор сказал нам, что это очень старый город. Он называется Монтеверде.

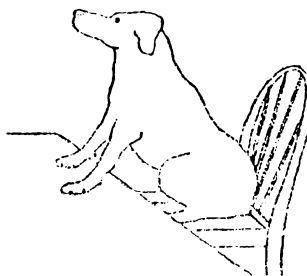
Поскольку у нас не было денег, мы не могли жить в гостинице. Когда на второй вечер мы проходили мимо магазина кроватных дел мастера, то увидели несколько его изделий, стоявших прямо на тротуаре. Мастер сидел у дверей магазина и что-то насвистывал попугаю в клетке. Доктор обратился к мастеру по-испански, они разговорились о птицах и разных других вещах. Было как раз время ужина, и мастер пригласил нас разделить с ним трапезу.

Мы с радостью согласились. Все было очень вкусным, приготовлено в оливковом масле, мне особенно понравились жареные бананы. После ужина мы расселись на кроватях, выставленных на тротуар, и беседовали до глубокой ночи.

Когда мы, наконец, встали, чтобы вернуться на корабль, любезный владелец магазина закричал, что и слышать не желает о нашем уходе. По его словам, все улицы, ведущие в гавань, плохо освещены, а луны вообще не видать. Мы можем заблудиться. Он пригласил нас провести ночь у него, а утром вернуться на корабль.

Мы согласились. Так как у нашего нового друга не было в доме свободных спален, мы втроем — Доктор, Бумпо и я, легли спать на кроватях, выставленных на продажу прямо на улице. Ночь была очень теплая, поэтому одеяла нам не понадобились. Спать под открытым небом очень здорово. Можно наблюдать за прохожими, снующими туда и обратно. Мне показалось, что испанцы вообще не спят. В очень поздний час двери всех ресторанов и кафе были еще настежь открыты. Посетители сидели за маленькими столиками, болтали, пили кофе. Вдалеке слышался звон гитары. Он смешивался с постукиванием фарфоровых чашечек и шумом голосов.

Я вдруг вспомнил о маме и об отце, которые остались далеко в Пуделби, об их размеренной жизни, ежедневных упражнениях в игре на флейте, о том, что изо дня в день они делали одно и то же. Мне стало их немного жаль, потому что в жизни им не хватало приключений. А у нас каждый день было что-то новое. Даже ночлег. Но, думаю, что вряд ли бы им пришлось по душе предложение спать прямо на тротуаре у входа в мебельный магазин. А нам интересно!

Глава VII

ДОКТОР ДЕРЖИТ ПАРИ

На следующее утро нас разбудил невероятный шум. Вниз по улице шла какая-то процессия: мужчины в ярких нарядах, восхитительные женщины, а за ними бежали дети. Я спросил у Доктора, что это значит.

— Это участники боя быков, — ответил он. — Он состоится утром.

К моему величайшему удивлению, Доктор покраснел от гнева. Я сразу вспомнил, как он мне рассказывал в своем зоопарке о львах и тиграх.

— Бой быков — глупое, отвратительное занятие, — твердо сказал Доктор. — Испанцы — доброжелательный и гостеприимный народ. И как им может нравиться это ужасное зрелище, не пойму.

Доктор принялся объяснять мне, что сначала быка обычно сильно разозлят, затем выпускают на арену, куда выходят мужчины в ярко-красных мундирах. Перед быком размахивают яркими платками, а сами убегают. Потом быку разрешается наброситься на нескольких старых измученных лошадей, которые уже не могут защищаться. Бык после этого сильно устает, а когда уже совсем выдохнется, то вперед выступает человек со шпагой в руке и закалывает быка.

— Каждое воскресенье, — добавил Доктор, — в каждом большом городе Испании убивают не меньше шести быков и столько же лошадей.

— А людей быки не убивают? — спросил я.

— К сожалению, очень редко, — ответил Доктор. — Бык не так уж опасен, даже если очень сильно разъярен. Надо только быть попроворнее и не терять головы. Люди, принимающие участие в бое быков, — очень умные и ловкие. Испанские женщины думают, что с ними никогда ничего не случится. Самый знаменитый участник боя быков (его называют матадором) в Испании считается более важным человеком, чем король. Взгля-

ни, из-за угла выходит новая толпа! Посмотри, как их приветствуют! Что за глупость!

В этот момент вышел кроватных дел мастер посмотреть на процессию. Пока он желал нам доброго утра и расспрашивал, как мы спали, к нам подошел его друг. Кроватных дел мастер представил нам дона Энрике Карденаса.

Услышав, откуда мы, дон Энрике заговорил с нами по-английски. Он оказался очень образованным человеком.

— Вы собираетесь завтра на бой быков? — вежливо осведомился он у Доктора.

— Конечно же, нет, — твердо сказал Джон Дулиттл. — Я не люблю этого жестокого зрелища.

Дон Энрике просто взорвался. Я никогда еще не видел ни кого в таком возбуждении. Он кричал, что Доктор не понимает, о чем говорит, бой быков — это благородный вид спорта, а матадоры — самые смелые люди в мире.

— Вздор! — воскликнул Доктор. — У бедного быка не остается ни одного шанса. Когда он весь измучен, ваш драгоценный матадор его убивает.

Я подумал, что испанец сейчас ударит Доктора, так он равнозился. Пока он пытался подобрать слова, чтобы ответить, кроватных дел мастер отвел Доктора в сторону. Он объяснил Джону Дулиттлу шепотом, что дон Энрике Карденас — очень важный человек. Он поставляет быков для боя — особую, очень сильную породу. Быков он выращивает на своей ферме в Капабланке. Дон Энрике — очень богатый человек и очень важный. Его ни в коем случае нельзя задевать.

Я посмотрел на Доктора, когда кроватных дел мастер закончил свою речь, и увидел в его глазах мальчишеское озорство, как будто в голову ему пришла интересная мысль. Он померкнул к сердитому испанцу.

— Дон Энрике, — сказал он. — Вы мне говорили, что виши матадоры — люди очень смелые и искусные. Кажется, я обидел вас, заявив, что бой быков — занятие для малопочтенных людей. А как зовут лучшего матадора из тех, кто будет выступать завтра?

— Пепито де Малага, — сказал дон Энрике. — Это одно из величайших имен. Оно принадлежит самому смелому человеку Испании.

— Отлично, — сказал Доктор. — У меня предложение. Я никогда не сражался ни с одним быком в жизни. А что, если я завтра с Пепито де Малагой и другими матадорами выйду на арену? Если я сделаю больше всяких трюков с быком, чем они все, обещаете мне выполнить одну просьбу?

Дон Энрике рассмеялся, откинув голову.

— Послушайте, — сказал он. — Вы, должно быть, сошли с ума. Вас сразу убьют. Чтобы стать матадором, надо долго тренироваться.

— Но если я все же рискну? Не бойтесь за меня! Примете мое предложение?

Испанец нахмурился.

— Боюсь! — воскликнул он. — Сэр, если вы на арене победите Пепито де Малагу, я обещаю выполнить любую вашу просьбу.

— Хорошо, — обрадовался Доктор. — Теперь я вижу: вы самый могущественный человек на островах. Правда, коль вы пожелаете, то можете хоть с завтрашнего дня вовсе прекратить бой быков?

— Да, это так, — гордо сказал дон Энрике. — Я могу.

— Тогда вот о чем я вас попрошу. Я предлагаю пари, — сказал Джон Дулиттл. — Если я в бое быков обыграю самого Пепито де Малагу, вы обещаете мне, что на Капабланке никогда больше не будет проведен ни один бой быков. Договорились?

Испанец протянул руку.

— Договорились. Обещаю. Но должен предупредить, что вы действительно рискуете жизнью. Вас, конечно же, убьют. Но ничего другого вы и не заслуживаете, раз говорите, что бой быков — недостойное занятие. Мы встретимся здесь завтра утром, или вы хотите обговорить еще какие-то частности. Всего доброго, сэр.

Испанец повернулся и ушел в магазин кроватных дел мастера. Полинезия, который все слушал, как обычно, взлетел ко мне на плечо и зашептал в ухо:

— У меня есть план. Возьми с собой Бумпо и отойдем куда-нибудь, где Доктор нас не услышит. Мне нужно с вами поговорить.

Я тронул Бумпо за локоть, и мы перешли на другую сторону улицы. Там мы сделали вид, что рассматриваем витрину ювелирного магазина. Доктор сидел на кровати и завязывал

шнурки ботинок. Изю всей одежды Доктор снял на ночь только ботинки.

— Послушайте, — сказал Полинезия. — Я ломал голову, как бы нам раздобыть денег и купить провизию. В конце концов, они у меня появились.

— Деньги, — обрадовался Бумпо.

— Да нет же! Мысли, как их найти. Доктор просто обязан завтра выиграть пари. А мы должны заключить с этим испанцем еще одно пари. Я знаю испанцев — они очень азартны. И наше дело будет на мази.

— Я понимаю, о чем ты говоришь, — с гордостью сказал Бумпо. — Обычно в Оксфорде мы часто так поступали во время гонок на байдарках. Я пойду к дону Энрике и скажу: "Ставлю сто фунтов на то, что Доктор выиграет". Доктор выигрывает, дон Энрике платит мне сто фунтов. А если Доктор проиграет, я заплачу дону Энрике.

— В этом весь смысл, — сказал Полинезия. — Только не говори: "Сто фунтов". Скажи: "Две тысячи пятьсот песет". Теперь пойдешь, отыщи старого дона, но постарайся выглядеть солидным человеком.

Пока Доктор возился со своими ботинками, мы перешли через дорогу и вошли в магазин.

— Дон Энрике, — сказал Бумпо. — Разрешите представиться. Я принц королевства Джоллиджинка. Не хотите ли заключить со мной пари об исходе завтрашнего боя быков?

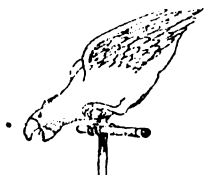
Дон Энрике поклонился.

— Несомненно, — ответил он. — Буду очень рад. Но должен предупредить, что вы непременно проиграете. На сколько пари?

— Совершеннейший пустяк, — заявил Бумпо. — Просто ради удовольствия. Что вы скажете о трех тысячах песет?

— Согласен, — сказал испанец, еще раз поклонившись. Ждем вас завтра на представлении.

— Все идет прекрасно, — сказал Полинезия, когда мы вышли на улицу. — Чувствую, как с плеч у меня свалилась огромная тяжесть.

Глава VIII

БОЛЬШОЙ БОЙ БЫКОВ

Следующий день в Монтеверде был поистине великим. На всех улицах вывесили флаги. Бои быков происходили на большой круглой площадке, которая называлась ареной. Туда стекались толпы нарядных людей.

Слух о том, что Доктор заключил пари, облетел весь город. Казалось, островитян сильно позабавил вызов, брошенный Доктором. Сама мысль о том, что какой-то иностранец осмелился поперничать с великим Пепито де Малагой, для них была кощунственной. Иностранец, считали они, получит по заслугам, если его убьют.

Доктор взял напрокат у дона Энрике костюм для участника боя быков. В нем он выглядел крайне живописно. Правда, мы с Нумпо с трудом застегнули ему жилет, причем пуговицы сразу стали отрываться.

Когда мы вышли из гавани и направились к арене, за нами устремилась толпа мальчишек. Они дразнили Доктора за то, что он такой толстый, и кричали: "Хуан Делай-Понемногу, толстый шатадор!"

Мы подошли к арене, и тогда доктору захотелось взглянуть на быков до начала боя. Нас отвели к загону. Там, за высокимбором, грозно поглядывая по сторонам, бегали шесть огромных черных быков.

В нескольких словах и с помощью знаков Доктор поспешил объяснить быкам, что собирается делать и какая роль отводится им. Быки, эти несчастные создания, очень обрадовались, услышав, что, может быть, теперь с позорными избиениями будет, наконец, покончено. Они пообещали выполнить все, о чем их просил доктор.

Разумеется, человек, который нас проводил к загону, не понял, что мы делаем. Он подумал, что толстый англичанин просто сошел с ума, раз делает животным всякие знаки и пытается говорить на их языке.

Доктор направился в комнату, где переодеваются матадоры, а мы с Бумпо и Полинезией прошли к арене и заняли места в огромном амфитеатре под открытым небом.

Зрелище было великолепным. Все зрители пришли в лучших своих нарядах, все казались счастливыми и довольными.

В самом начале представления встал дон Энрике и объяснил зрителям, что главный номер в программе — состязание между Доктором из Англии и Пепито де Малагой. Он также сказал всем, что пообещал выполнить любую просьбу Доктора, если тот победит. Никто из присутствующих не верил в это. Взрыв смеха раздался сразу же, как только было упомянуто о пари.

Но вот на арену вышел Пепито. Все громко его приветствовали, женщины посылали воздушные поцелуи, мужчины хлопали в ладоши и размахивали платками.

Вскоре широкая дверь на противоположной стороне арены открылась, из-за нее вырвался один из быков. Дверь тотчас закрылась. Матадор стал размахивать красным плащом, бык бросился на него. Пепито ловко увертывался, зрители одобрительно шумели.

Это продолжалось некоторое время, однако я заметил, что когда Пепито попадал в нелегкое положение и бык угрожал ему по-настоящему, тут же рядом оказывался помощник матадора, все время находившийся поблизости и в случае опасности для Пепито отвлекал внимание быка, размахивая другим красным плащом. Бык бросался за его противником, а Пепито получал передышку. Бывало, что бык почти уже настигал помощника, тот быстро забирался на высокую ограду или вовсе убегал с арены. Вероятно, матадоры обо всем заранее договаривались. Я был уверен, что бедный неуклюжий бык вообще не представлял большой опасности, если, конечно, матадор не споткнется и не упадет.

С начала представления прошло десять минут, и вдруг маленькая дверь в раздевалке матадоров приоткрылась, и на арену вышел Доктор.

Как только перед зрителями появилась его расползшаяся фигура в небесно-голубом бархате, раздался дружный смех.

Хуан Делай-Понемногу, как его прозвали, пошел к центру арены, церемонно поклонился женщинам, сидевшим в ложе, затем быку, потом — Пепито и, наконец, его помощнику. В этот момент бык бросился на Доктора сзади.

– Осторожно! Осторожно! Бык! Вас убьют! – взревела толпа.

Но Доктор спокойно завершил церемонный поклон, потом крестил руки на груди, пристально посмотрел быку в глаза и гурово нахмурился.

И тут произошло нечто удивительное: бык, будто испугавшись, остановился. Доктор пригрозил ему пальцем, бык задрожал от страха и с жалко опущенным хвостом побежал прочь. Доктор – за ним. Оба бегали по арене, сопя и тяжело отдуваясь.

Зрители замерли. В толпе раздался возбужденный шепот. Такой поворот событий был совершенно неожиданным: впервые бык убегал от человека, а не наоборот. Наконец, на десятом круге, резко прибавив скорость, английский матадор, Хуан Делай-Понемногу, изловчился, схватил быка за хвост, вывел смущенное животное в центр арены и заставил его выполнить разные трюки: встать на задние ноги, потом на передние, потанцевать, попрыгать и даже покататься с боку на бок.

Наконец, Доктор велел быку согнуть передние ноги, взобрался ему на спину, сделал несколько кульбитов, затем, опершись ладонями о бычьи рога, "выжал" гимнастическую стойку.

Совершенно забытые зрителями, Пепито с помощником грустно стояли около забора и зеленели от зависти и злобы.

Доктор повернулся к дону Энрике, поклонился ему и громко сказал:

– Этот бык уже готов. Он вне себя от страха и с трудом дышит. Заберите его, пожалуйста.

– Кабальеро хочет сразиться еще с одним быком? – спросил дон Энрике.

– Я хочу сразиться с пятью новыми быками, – ответил Доктор. – Прошу вас вывести на арену всех пятерых.

При этих словах Доктора по толпе пронесся крик ужаса. Зрители привыкли, что матадор имеет дело с одним быком, но слово пятеро означают неминуемую смерть.

Пепито выбежал вперед и стал умолять Энрике ни в коем случае не допускать явного самоубийства. Просьба Доктора была против всех правил боя быков.

– Ха-Ха! – веселился у меня на плече Полинезия. – Вот так и на корабле: Доктор нарушает правила навигации, но не знает, куда ему нужно. Если ему сейчас разрешат сделать то, что он хочет, то их ждет небывалое представление, какого

они больше ни когда, нигде и ни за какие деньги не увидят. Разгорелся спор. Половина зрителей была на стороне Доктора, другая — поддерживала Пепито. Доктор повернулся к Пепито и отвесил ему такой глубокий поклон, что на его жилете оторвалась последняя пуговица.

— Впрочем, если кабальеро боится... — начал он с улыбкой.

— Боюсь?! — взревел Пепито. — Я ничего не боюсь в этом мире. Я величайший из всех матадоров Испании, и вот этой рукой убил девятьсот пятьдесят семь быков.

— Отлично! — воскликнул Доктор. — Посмотрите, убьете ли вы еще пятерых. Выпустите быков! — прокричал он. — Пепито де Малага их не боится.

Воцарилась гробовая тишина, тяжелая дверь в загон для быков приоткрылась, пять огромных быков с ревом выбежали на арену.

— Постарайтесь выглядеть посвирепее, — попросил быков Доктор на их языке. — Не разбегайтесь в разные стороны. Держитесь кучкой, Приготовьтесь к нападению. Первыми схватите Пепито — он одет во все красное. Но, ради Бога, не убивайте его, только постарайтесь прогнать с арены. Итак — на Пепито!

Быки выстроились в ряд, как кавалерийский эскадрон дружно нагнули головы и двинулись через всю арену прямо на Пепито.

Какое-то время матадор из всех сил пытался сохранить бравый вид. Но видеть перед собой пять пар рогов, неотвратно надвигавшихся на него, — это уже слишком! Он смертельно побледнел, потом побежал к ограде и перепрыгнул через нее.

— Остался еще один, — прошептал Доктор.

Не прошло и двух секунд, как изящного помощника толпы словно ветром сдуло с арены. Английский матадор Хуан Делан Понемногу остался на арене один на один против пяти рваных быков.

Представление продолжалось, и его стоило посмотреть. Сначала все пять быков пронеслись по арене, взрывая ногами землю. Несколько раз они пытались рогами сокрушить ограждение. В общем, искали, на кого бы напасть. Затем, один из них сломал рога, что впервые заметил Доктор. Бык разогнался, опустил вниз свой страшного вида рога и, как стрела, бросился на

Доктора через всю арену, будто собираясь, подбросить его рогами до самого неба.

Зрелище было на редкость захватывающим. Даже я, хотя и знал, что все это подстроено заранее, затаил дыхание от страха — так близко был бык от моего дорогого наставника. Но в самый последний момент, когда кончики рогов были всего в двух дюймах от небесно-голубого жилета, Доктор ловко отскочил в сторону, и огромное чудовище пронеслось мимо, не задев его, находившегося на волосок от гибели.

Потом быки окружили Доктора, наставили на него рога и вмиг замычали.

Как доктор остался жив, я не знаю. Несколько минут его маленькую круглую фигурку почти не было видно из-за огромных животных. Как и предсказывал Полинезия, бой быков состоялся невиданный.

Одна женщина в толпе истерически закричала дону Энрике:

— Прекратите бой! Немедленно прекратите! Такого смелого человека нельзя убивать. Он самый лучший матадор в мире. Пусть он останется жив! Прекратите бой!

А между тем Доктор стал выбираться из толпы окруживших его животных. Хватая быков за рога, одного за другим, он сделал вид, что откручивает им головы. Быки, как подкошенные, падали на песок. Они блестяще сыграли свою роль. Я никогда не видел, чтобы животные даже в цирке выступали лучше. Растянувшись, они лежали на земле и казались совершенно измученными и разбитыми.

Поклонившись женщинам в последний раз, Джон Дулиттл вытащил из кармана сигару, зажег ее и ушел с арены.

Глава IX

МЫ ПОСПЕШНО УЕЗЖАЕМ

Как только дверь за Доктором закрылась, поднялся шумительный шум. Некоторые мужчины сильно рассердились (например, это были друзья Пепито). Женщины, наоборот, требовали, чтобы Доктор вышел на арену и, когда Доктор вновь явился перед зрителями, дамы словно посходили с ума. Они

посылали ему воздушные поцелуи, называли дорогим и любимым. Потом стали срывать с платьев и шляпок цветы, а также кольца, ожерелья и брошки, и все это бросать к ногам Доктора - настоящий дождь из драгоценностей и украшений.

Доктор лишь улыбнулся, еще раз поклонился и ушел.

- Теперь, Бумпо, - заявил Полинезия, - ты должен спуститься и собрать все эти безделушки. Мы их продадим. Все личайшие матадоры поступают точно так же: оставляют драгоценности на земле, а их помощники потом все собирают. Рядом с нами есть такая возможность, мы сможем скопить хоть немножко денег. Кто знает, что еще может случиться, когда путешествуешь с Доктором. На розы не обращай внимания - их можно оставить, а кольца подбери все. Когда все это сделаешь, сходи и получи свои три тысячи песет у дон Рикитики. Мы с Томми подождем тебя на улице. Всю эту мишуру мы постараемся сдать в лавку еврея-ювелира напротив магазина кроватных дел мастера. Беги, но помни: ни слова Доктору.

На улице толпа людей волновалась еще сильнее. Повсюду велись споры. Бумпо скоро догнал нас. Карманы у него ложились от набитых туда безделушек. Мы медленно пробрались сквозь плотную толпу к другой стороне здания - туда, где была раздевалка матадоров. Доктор ждал нас у дверей.

- Прекрасная работа, Доктор, - сказал Полинезия, перешед к нему на плечо. - Отличная работа. Но послушайте: опасность еще не миновала. Думаю, вам лучше вернуться на корабль. Поспешите! Но, пожалуйста, наденьте плащ поверх вашего отвратительного костюма. Мне не нравится, как эти люди на вас смотрят. Больше половины их - в ярости от того, что вы победили. Дон Энрике теперь обязан прекратить бои быков, и вы знаете, как их тут любят. Я по-настоящему боюсь, что какой-нибудь из этих матадоров, свихнувшись от злости и зависти, готов на любую грязную работу. Думаю, сейчас самое лучшее поскорее уехать.

- Скорее всего, ты прав, Полинезия, - согласился Доктор. Впрочем, как всегда. Толпа еще не успокоилась. Я проскользнул на корабль один. Может быть, тогда на меня меньше будут обращать внимания. Вы пойдете другой дорогой, но жоторапливайтесь! Поторапливайтесь!

Доктор ушел, а Бумпо разыскал дон Энрике и сказал ему

- Достопочтенный сэръ, вы должны мне три тысячи песет

Ни говоря ни слова, с глазами, пылающими от гнева, дон Вирике выплатил свой долг.

Мы отправились закупать провизию, по дороге наняли карету и остаток пути проехали в ней.

Вскоре мы нашли бакалейную лавку, там продавались разные продукты. Мы зашли в лавку и накупили там всякой снеди.

Честно говоря, Полинезия был прав, утверждая, что опасность не миновала. Весть о нашей победе, как молния, разнеслась по всему городу. Когда мы вышли из магазина и стали грузить свои покупки в карету, то увидели, что по улице рыскают группы рассвирепевших, вооруженных палашами мужчин, некоторые из них кричали:

— Где эти проклятые англичане, сорвавшие бои быков? Повесить их на фонарных столбах! Сбросить их в море!

Услышав это, мы времени терять не стали. Бумпо нашел кучера-испанца и знаками объяснил ему, что если только карета не помчится в гавань во весь опор, а кучер при этом не будет держать язык за зубами, то Бумпо его попросту задушит на месте. Мы прыгнули в карету, расселись прямо на покупках, хлопнули дверцы, опустили шторы на окнах и помчались мчючь.

— Теперь мы не сможем сдать драгоценности ювелиру, — вздыхал Полинезия, пока мы, подпрыгивая, неслись по булыжным мостовым. — Но не беда. Может быть, нам это позднее удастся. Кроме того, у нас еще осталось две тысячи пятьсот пестов. Кучеру, Бумпо, дай две с половиной песеты. Этого достаточно.

Мы благополучно добрались до гавани и очень обрадовались, увидев на пирсе Чи-Чи. Она приехала в лодке, что прислал за нами Доктор.

Пока мы разгружали карету и перетаскивали покупки в лодку, на причале появилась разъяренная толпа и попыталась на нас напасть. Бумпо схватил огромную дубину и стал махать ею над головой, выкрикивая при этом африканские призывы к войне. Это немного охладило взволнованных граждан. Мы с Чи-Чи внесли в лодку последний сверток и сели туда сами. Бумпо бросил дубину прямо в нападающих и последовал за нами. Мы оттолкнули лодку от берега и с бешеной скоростью стали грести в сторону "Кроншнепа".

Толпа на причале выла, грозила нам кулаками и швыряла вслед камни. Бумпо попали бутылкой в голову. Правда, голова у него была такая крепкая, что он отделался только маленьким синяком, бутылка же разбилась на тысячу мелких осколков.

Когда мы подъехали к нашему кораблю, Доктор все приготовил к отплытию — поднял якорь, поставил паруса. Оглянувшись, мы увидели, что от причала в нашу сторону уже несутся лодки, переполненные возмущенными людьми. Разгрузить свою лодку мы не успели, только привязали ее канатом покрепче к кораблю и взобрались на борт.

Минута — и "Кроншнеп" был уже подхвачен ветром. На всех парусах мы покинули гавань и поплыли в Бразилию.

— Ха! — вздохнул Полинезия, когда мы все повалились на палубу, чтобы хоть немного перевести дыхание и отдохнуть. Это было неплохое приключение. Даже напоминает мне о тех днях, когда я был молод и воевал с пиратами. Какая интересная была тогда жизнь. А голова пройдет, Бумпо. Доктор только должен положить на место ушиба корень арники. Подумайте, в драку мы не ввязались, лодка у нас полна покупок, карманы драгоценностей и песет. Неплохо, совсем неплохо.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Глава I

СНОВА О ЯЗЫКЕ КРАБОВ И УСТРИЦ

Миранда, Пурпурная Райская Птица, не ошиблась, предсказав хорошую погоду. Три недели славный корабль "Кроншнеп" несясь вперед по дружелюбному морю, подгоняемый ровным мощным ветром.

Возможно, настоящие моряки скажут, что столь спокойное плавание скучно. Я так не считаю. Чем дальше на запад, тем сильнее изменялось море. Меня интересовали все мелочи нашего путешествия, даже те, что бывалому моряку могли показаться малозначительными.

Мимо нас редко проходили корабли. Когда же какое-нибудь судно все-таки показывалось на горизонте, Доктор доставал подзорную трубу, и мы все в нее по очереди смотрели. Иногда Доктор подавал сигналы чужим кораблям и расспрашивал о новостях, вывешивая на мачте маленькие цветные флажки. С корабля в ответ посылали сигналы Доктору. Значения сигналов были даны в книжке, которая хранилась у Доктора в каюте. Доктор сказал, что это — морской язык, его понимают на всех кораблях, неважно, английских, датских или французских.

В первые недели плавания самое сильное впечатление на нас произвело появление айсберга. Когда его осветило солнце, айсберг вспыхнул и стал переливаться сотней огней. Он сверкал, как сказочный дворец из драгоценных камней. В подзорную трубу мы увидели белую медведицу. Она сидела на большой льдине и смотрела прямо на нас. Доктор узнал ее: она была среди тех медведей, с которыми он разговаривал, когда открыл Северный Полюс. Доктор подвел корабль поближе к льдине и сказал, что может взять медведицу и ее медвежонка на борт, но только покачала головой, поблагодарив: льдина растает на

палубе нашего корабля, а белым медведям без льда не обойтись. Правда, в тот день было очень жарко. Но как только такая громадная льдина оказалась рядом с кораблем, мы подняли воротники пиджаков и просто дрожали от холода.

Во время плавания Доктор много занимался со мной, продолжая учить читать и писать.

Учился я хорошо, и Доктор разрешил мне вести вахтенный журнал. Это — большая книга, что-то вроде дневника. В нем указывается количество пройденных миль, изменения курса и события, которые произошли во время плавания.

Доктор часто делал пометки в своих записных книжках. Иногда я в них заглядывал, поскольку уже умел читать. Но разобрать почерк Доктора было очень сложно. В записных книжках описывались и были зарисованы разные морские водоросли, немало записей отводилось морским птицам, черепахам, крабам и устрицам. Когда-нибудь все эти книжки будут аккуратно переписаны, перепечатаны и переплетены.

Однажды мы обнаружили, что ветер несет на нас клочки какой-то сухой травы. Доктор объяснил, что это — морская трава. Скоро ее стало так много, что она укрыла поверхность моря до горизонта. Казалось, "Кроншнеп" плывет по лугу, а не по Атлантическому океану.

По траве ползали сотни крабов. Доктор, увидев их, решил о своем намерении выучить язык крабов и устриц. Он сачком выловил нескольких крабов и опустил их в специальный аквариум, чтобы понаблюдать за ними и попытаться понять, о чем они говорят. Кроме крабов, он поймал очень странную кругляшекую маленькую рыбку, которую назвал Серебристой Непоседой.

Послушав крабов довольно долго, но безуспешно, Доктор опустил Непоседу в аквариум. Тут мне пришлось уйти на палубу, где было много всяких дел. Вскоре я услышал, что Доктор меня зовет вниз.

— Стаббинс! — закричал Доктор, как только меня увидел. Произошла невероятная вещь! В это просто нельзя поверить! Может быть, я сплю? Я не верю самому себе. Я...

— Доктор, что случилось? В чем дело?

— Непоседа, — прошептал Доктор, указывая дрожащим пальцем на аквариум, в котором спокойно плавала кругляше-

маленькая рыбка. — Он говорит по-английски! И насвистывает мелодии — английские!

— Говорит по-английски! — воскликнул я. — Насвистывает! Но это невозможно.

— А между тем это правда, — выпалил Доктор, побледневший от волнения. — Он произнес несколько слов без особого смысла. В основном он говорил на своем родном языке, а я его мне не понимаю. Но там было и несколько английских слов. Я ведь еще никому не могу пожаловаться на свой слух. А мелодию он насвистывает очень простую, всегда одну и ту же. Послушай сам, может быть, ты разберешь. Передай мне все, что услышишь, не пропусти ни слова.

Я подошел к аквариуму на столе, а Доктор схватил записную книжку и карандаш. Расстегнув воротник, я стоял на большом пустом ящике, прислонив правое ухо к воде.

Какое-то время я вообще ничего не замечал. Правда, над моим ухом все время сопел Доктор, ожидающий, что я ему скажу. Наконец, из-под воды донесся тоненький голосок, как будто где-то очень далеко пел ребенок.

— Ах! — выдохнул я.

— Ну, так что же? — хрипло спросил Доктор. — Что он говорит?

— Не могу разобрать, — ответил я. — Это какой-то очень странный рыбий язык. Подождите минуту! Я понял! Он говорил: "Не курите!", "Господи, как здесь интересно!", "Выход здесь!", "Не плюйте на пол!", "Здесь продается воздушная кукуруза и открытки!" Какие забавные вещи он говорит, Доктор! Но подождите! Теперь он насвистывает мелодию.

— А какую? — с трудом выдохнул Доктор.

— Джон Пиль.

— Да, да! — закричал Доктор. — И мне показалось то же самое.

Он что-то стремительно записал в свой блокнот.

Я продолжал слушать.

— Это совершенно невероятно, — бормотал Доктор себе под нос, а карандаш его покачивался над страницей. — Совершенно невероятно, но как увлекательно! Не могу понять, где он...

— А вот и еще! — закричал я. — Опять по-английски. Мой аквариум нужно чистить. Вот и все. Он снова заговорил по-рыбьи.

— Большой аквариум! — бормотал Доктор, задумчиво нахмурившись. — Не могу понять, где все-таки он узнал...

Доктор вскочил с кресла.

— Я понял! — закричал он. — Этой рыбке удалось бежать из аквариума. Ну, конечно! Послушай, какие он выучил слова: "почтовые открытки" — их всегда продают там же, где аквариумы, "не плюйте на пол", "не курите", "выход здесь" — эти всегда говорят служители в аквапарках. "Господи, а эта какая интересная!" — восхищаются люди, заглядывающие в аквариум. Все сходится. Сомнений нет, Стаббинс. Перед нами — рыбка, которая вырвалась из неволи. Еще не наверняка, но уже вполне возможно, что через Непоседу я установлю связь с крабами и устрицами. Нам очень повезло!

Глава II

ИСТОРИЯ НЕПОСЕДЫ

Ничто не могло остановить Доктора, раз уж он вернулся к изучению наречия крабов и устриц. Он работал до утра.

Сразу после полуночи я уснул в кресле. Около двух часов Бумпо заснул у руля. Почти пять часов "Кроншнеп" плыл по воле волн. Все это время Джон Дулиттл изо всех сил пытался понять Непоседу. Ему также хотелось, чтобы Непоседа понимала его.

Когда я встал, было совсем светло. Доктор, как и обычно, стоял у аквариума. Он казался смертельно усталым. Кроме того, он весь промок, но на лице сияла гордая и счастливая улыбка.

— Стаббинс, — сказал он, увидев, что я зашевелился, — я нашел своего. Ключ к языку Непоседы найден. Правда, это очень трудный, я еще никогда не слышал ничего подобного, но слегка напоминает древнееврейский. Конечно, это еще не язык крабов и устриц, но первый шаг к нему. А теперь, пожалуйста, возьми карандаш, чистый блокнот и запиши все, что я буду говорить. Непоседа обещал рассказать мне историю своей жизни. Я переведу на английский, а ты запишешь. Готов?

Доктор снова прислонил ухо к воде. Он заговорил, а я начал писать. Вот история, которую рассказал Непоседа.

ТРИНАДЦАТЬ МЕСЯЦЕВ В АКВАРИУМЕ

Я родился в Тихом океане, неподалеку от берегов Чили. В нашей семье было две тысячи пятьсот десять рыб. Отец с матерью рано нас покинули, а мы — самые младшие — поплыли в разные стороны. Семья окончательно распалась из-за того, что нами по пятам плыло целое стадо китов. Мы с моей любимой сестрой Клиппой чуть было не попались. Вообще киты редко кого-нибудь преследуют, особенно если им попадется тот, кто не умеет увернуться. За нами с Клиппой погнался исключительно медленный кит. Стоило нам спрятаться за каким-нибудь камнем, как он тотчас же возвращался и старался прогнать нас на открытое место. Я в первый раз видел такого отвратительного прямого зверя.

Наконец, мы от него оторвались. Правда, кит на несколько миль прогнал нас на север, почти вдоль всего побережья Южной Америки. Но судьба в тот день была против нас. Пока мы отдыхали и пытались перевести дыхание, мимо нас пронесся огромный косяк рыб. Все они кричали: "Спасайтесь! Плывите как можно скорее! За нами гонятся акулы!"

Акулы очень любят рыб нашей породы. Можно сказать, что мы для них — любимое лакомство. Поэтому мы стараемся всегда держаться подальше от глубокой мутной воды. Кроме того, от акул очень трудно скрыться. Они умные и быстрые охотники.

Мы снова бросились в бегство.

Проплыв еще несколько сотен миль, мы оглянулись и обнаружили, что акулы почти догнали нас. Тогда мы заплыли в гавань — как раз у западного побережья Соединенных Штатов. Мы думали, что здесь мы в безопасности: сюда акулы не заплывают. Так и случилось. Акулы нас не заметили и пронеслись мимо гавани на север. С тех пор мы их больше не видели. Я бы очень обрадовался, если бы они замерзли в Арктике.

Но, как я уже сказал, судьба была против нас. Плававшая стая кораблей, стоявших в гавани, мы с сестрой искали рыбьи корочки, которые так любим, и тут-то как раз — попались в сети.

Изю всех сил мы пытались выбраться, но все понапрасну. Сеть была крепкая и очень частая. На нас со всех сторон сыпались удары. Наконец, сеть вытащили, а нас всех выбросили на совершенно сухую, раскаленную солнцем палубу.

Над нами нагнулись какие-то два старичка в очках и с бакенбардами, они издавали странные звуки. С нами в сеть попала мелкая треска, ее выбросили за борт. Мы же показались им весьма ценными рыбами. Старички аккуратно пересадили нас в большую банку, потом привезли на берег. Зайдя в какой-то большой дом на берегу, они выпустили нас из банки в аквариум, мы смогли свободно дышать. Нам все время хотелось приплыть сквозь стеклянные стены, и мы со всего размаху стукались носами о стекло.

Прошло несколько недель изматывающего безделья. С нами обращались очень хорошо. Два раза в день к нам заходили старички в очках. Они с гордостью нас разглядывали и проверяли, есть ли корм, хватает ли света и не слишком ли теплая в аквариуме вода. Но какой скучной была эта жизнь! Нам разглядывали, будто диковинок. В отведенные часы двери дома, где мы жили, распахивались, и жители города, которым нечего было делать, заходили и глазели на нас. Вдоль стен в комнатах стояли аквариумы с разными рыбами. Толпы зевак переходили от аквариума к аквариуму и смотрели сквозь стекло. Рты у них всегда были открыты, поэтому зрители походили на стадо ополоумевших камбал. Мы так от них уставали, что в отчаянии тоже раскрывали рты. Это их очень смешило.

Однажды сестра спросила у меня: "Как ты думаешь, британцы умеют ли разговаривать эти странные существа, что нас и держали?"

"Безусловно, — ответил я. — Разве ты не заметила, что некоторые из них говорят только губами, а у других двигается даже все лицо. А есть еще и такие, кто говорит руками. Когда они стоят рядом со стеклом, их можно услышать. Послушай!"

В ту же минуту какая-то полная женщина уперлась носом в стекло и показала на меня пальцем: "Взгляните, какая интересная рыбка!"

Потом мы поняли, что люди почти всегда жовторяют одни и те же, заглядывая в аквариум. Мы даже думали, у них нет других слов, а значит, не бывает и других мыслей. Чтобы как-то скоротать медленно текущее время, мы выучили

человеческие слова наизусть: "Взгляните, какая интересная рыбка". Правда, мы так и не узнали, что эти слова означают. Были другие фразы, смысл которых мы поняли. Мы даже немного научились читать по-человечьи. По стенам были развешаны таблички с запрещающими надписями. Когда смотрители видят, что кто-то из посетителей плюет на пол, они сердито указывали на табличку и громко читали: "Не курите!" или "Не плюйте на пол!"

Когда вечером толпа расходилась, в комнате появлялся старик с деревянной ногой. Он выметал щеткой скорлупки от орехов. Работая, он всегда насвистывал одну и ту же мелодию. Она нам понравилась, и мы довольно быстро ее запомнили, думая, что это часть человеческого языка.

Так прошел год. В соседних аквариумах появлялись новые рыбы. Некоторых старых рыб, наоборот, выносили. Поначалу мы думали, что нас продержат в аквариуме недолго. Но месяц делал за месяцем, а мы оставались на прежнем месте. На сердце у нас было с каждым днем все тяжелее, и, сидя в своей тюрьме за стеклянными стенками, мы все реже разговаривали друг с другом.

Однажды в большом зале собралось столько народу и стало так жарко, что какая-то раскрасневшаяся толстуха упала в обморок. Через стекло я увидел, что люди вокруг очень разволновались. На толстуху лили холодную воду, а потом вынесли ее на свежий воздух.

Я крепко задумался. Вскоре мне в голову пришла замечательная мысль.

"Сестрица, — обратился я к Клиппе, которая опустилась на колени и пыталась укрыться за камнем от глупых, надоевших нам людей, толпившихся возле нашей аквариума. — А не притвориться ли больными? Ты не думаешь, что нас тогда вынесут из этого дома?"

"Братец, — ответила она устало, — вынести нас, конечно, могут. Но, скорее всего, нас выбросят на помойку, где мы и умрем под солнцем."

Я возразил Клиппе: "Зачем им искать помойку, если гавань совсем близко? Когда нас сюда несли, я увидел, что в гавани некоторые люди выбрасывают мусор прямо в воду. Если только их выбросят в воду, мы уплывем в море!"

"Море, — заплакала Клиппа, глядя на меня. Надо сказать, что глаза у моей сестры Клиппы были удивительные. — Морю! Это звучит, как во сне. Братец, неужели ты думаешь, что мы снова будем плавать в море? Когда я просыпаюсь ночью на дне этой отвратительной темницы, я слышу гул, словно мы опять в море. Как я без него тоскую! Хоть бы еще раз его увидеть, испытать его нежную безграничную ласку! Или спрыгнуть, просто спрыгнуть с гребня волны в Атлантическом океане, закружиться в морской пене и нырнуть в сине-зеленую глубину! Или вечером, когда багровое солнце опускается в воду и пена становится бледно-розовой, поохотиться на креветок! Или полежать в теплой полуденной воде и погреться под тропическим солнцем! Или побродить в зарослях подводных трав в Индийском океане, поискать там любимые лакомства! Или поиграть в прятки в коралловых замках Испанского моря, скрываясь там за окошками то из жемчуга, то из яшмы! А может быть, поужинать на лугу, покрытом дымчато-голубыми и бледно-лиловыми анемонами в Южном море? Или покувыркаться на упругих губках в Мексиканском заливе? Или пробраться на какой-нибудь затонувший корабль и попытаться раскрыть его чудеса и тайны! А длинными зимними ночами, когда северо-восточный ветер гонит по морю ледяную пену, уйти вниз, как можно глубже, туда, где вода темная и теплая. Но лучше всего при мерцающем свете глубоководных рыб в кругу любимых родственников и друзей послушать последние новости и сплетни."

Клиппа вконец расстроилась и начала всхлипывать все громче.

"Прекрати, — потребовал я. — Ты и меня заставляешь тосковать по дому. Я по-прежнему предлагаю притвориться живыми, а еще лучше — мертвыми. Посмотрим, что это даст! В конце концов, если нас выбросят на кучу мусора и мы сожжемся на солнце, то хуже, чем тут, в зловонной тюрьме, нам уже не будет. Ну, что ты скажешь? Готова рискнуть?"

"Готова, — ответила она. — И сделаю это с удовольствием!"

На следующее утро служитель увидел на поверхности воды два безжизненных тела. Должен сознаться, мы очень искусно притворились мертвыми. Служитель выбежал и немедленно привел двух пожилых джентльменов в очках и с длинными бардами. Они осторожно вытащили нас из воды и положили на

влажную ткань. Тут началось самое трудное. Рыбе, лишенной родной стихии, приходится очень широко открывать рот, чтобы хоть как-то дышать. А нам пришлось лежать неподвижно, как деревянным, и потихоньку дышать через полуоткрытые губы.

Старички очень долго нас рассматривали, пробовали даже наколоть булавкой. Я думал, что их опыты вообще никогда не кончатся. Когда они на секунду отвернулись, на стол вспрыгнул огромный кот и чуть было не съел нас. К счастью, старые джентльмены вовремя спохватились и выдворили кота. Пока на нас не смотрели, мы могли несколько раз глубоко вдохнуть воздух. Это спасло от удушья. Я хотел прошептать Клиппе, чтобы она держалась, но не мог. Вы ведь знаете, что рыбу нельзя услышать, даже если она кричит. Наши голоса слышны только под водой.

Мы хотели уже сдаться и дать понять, что на самом деле живы, но тут старый джентльмен взял нас в руки и понес из здания.

"Сейчас или никогда! — подумал я. — Скоро мы узнаем, что нас ждет: свобода или помойка."

На улице, к нашему ужасу, он направился к баку с золой, который находился на другой стороне двора. Пока он шел по двору, какой-то грязный человек с тележкой подъехал к баку и забрал его с собой. Наверное, зола была его собственностью.

Старый джентльмен задумался, куда бы нас деть, и чуть было не бросил на землю, но, видимо, решив, что не стоит мусорить во дворе, направился к воротам. Сердце упало, когда мне показалось, что старик бросит нас в сточную канаву у дороги. Но фортуна в тот день от нас не отвернулась. Какой-то здоровяк в синей форме с серебряными пуговицами остановил джентльмена. Здоровяк долго объяснял нашему старичку, что выбрасывать дохлую рыбу на улицах города запрещено, и при этом многозначительно помахивал толстой дубинкой.

В конце концов, к нашей невыразимой радости, старичок повернулся к гавани. Он шел медленно и косился в сторону здоровяка в синей форме. Я даже хотел укунить его за палец, чтобы хоть немного поторапливался. Мы с Клиппой уже были без сил. Наконец, джентльмен вышел на причал, грустно посмотрел на нас в последний раз и опустил в воду.

Когда наших голов коснулась соленая влага, мы задрожали как никогда в жизни. Один удар хвостом — и мы вернулись

к жизни. Старый джентльмен так удивился, что упал в воду прямо на нас. Ему на помощь пришел матрос со спасательным кругом. В последний раз мы увидели старого джентльмена, когда его потащил за воротник человек в синей форме. Здоровья снова что-то объяснял – наверное, в городе запрещалось выбрасывать дохлую рыбу и в воду в гавани. Впрочем, какое нам было до этого дело? Мы получили свободу! Резкими рывками, пронзительно вскрикивая от удовольствия, мы поспешили домой, в открытое море!

Вот и конец моего рассказа. Теперь я попытаюсь, как обещал, ответить на все вопросы о море, при условии, что вы меня отпустите на свободу.

– Есть ли в океане место более глубокое, чем Впадина Нерона у Гуамских островов? – спросил Доктор.

– Есть. Например, неподалеку от устья Амазонки. Правда, там впадина маленькая, и ее трудно найти. Мы ее называем "Глубокая дыра". Есть еще одна – в Антарктике.

– А ты сам можешь говорить на языке крабов и устриц?

– Не знаю ни одного слова. Мы – обычные рыбы, мы общаемся с крабами и устрицами. Для нас они – низший класс.

– Если ты находишься вблизи от устриц, то различаешь звуки, которые они произносят, и понимаешь, о чем они говорят?

– Я слышу только самых крупных устриц. У всех остальных голоса очень тонкие, их слышат только сами устрицы. Крупные устрицы издают гудящие звуки. Иногда кажется, что по толстой металлической трубе ударяют камнем. Правда, гудят устрицы не очень громко.

– У меня есть мечта – опуститься на морское дно. Там мне нужно многое исследовать. Но я – человек, живу на земле и не могу дышать под водой. Ты мне можешь чем-нибудь помочь?

– Думаю, вам надо отыскать Великую Прозрачную Морскую Улитку.

– Как ты сказал? Что это такое?

– Это самая большая улитка в мире. Она живет в морской воде. Она – из семейства моллюсков-береговичков. Прозрачная Улитка такая же большая, как жилой дом. Говорит очень громко и крайне резко. Может заплывать куда угодно, на любую глубину, и никого никогда не боится. Раковина улитки – из прозрачного перламутра, поэтому сквозь нее все видно. Она

ковина очень толстая и прочная. Когда Прозрачная Улитка выбирается из раковины, то несет ее на себе. Раковина такая большая, что в нее спокойно поместится карета и пара лошадей. А если Прозрачная Улитка путешествует, она возит в раковине провизию.

– Да, именно это я искал. Она может взять с собой не только меня, но и моего помощника. Тогда мы спустимся на большую глубину и будем там в совершенной безопасности. Ты сможешь нас с ней познакомить?

– К сожалению, нет. Ее почти никто не видит. Она живет на дне Глубокой Дыры. Там очень мутная вода.

– Жалы! Я очень разочарован. А таких улиток, как эта, много в море?

– Нет. Прозрачная Улитка – единственная в мире с тех пор, как много лет назад умер ее муж. Она – последняя из рода Гигантских Моллюсков, родилась в те доисторические времена, когда киты были сухопутными животными. Говорят, ей больше семидесяти тысяч лет.

– Как интересно! Я бы очень хотел повстречаться с ней.

– Вы еще долго собираетесь расспрашивать? Вода в аквариуме становится очень теплой. Мне бы хотелось вернуться в море.

– Только один вопрос. Когда в 1492 году Христофор Колумб пересекал Атлантический океан, он бросил за борт две запечатанные бутылки со своими дневниками. Одну до сих пор не нашли. Должно быть, она утонула. Я бы очень хотел, чтобы в моей библиотеке был дневник Колумба. Ты случайно не знаешь, где вторая бутылка?

– Знаю. Она тоже на дне Глубокой Дыры. Когда бутылка утонула, ее отнесло вниз по течению Ориноко. А потом она исчезла навсегда в Глубокой дыре. В любой другой части океана вы бы не нашли ее для вас. Но в Дыре не смогу.

– Тогда достаточно. Конечно, мне совсем не хочется тебя отпускать. Ведь как только ты скроешься в море, мне в голову придет тысяча новых вопросов. Но я должен выполнить обещание. Может быть, перед уходом ты что-нибудь съешь? Например, лапку краба?

– Нет, ничего не нужно. Самое главное для меня сейчас – вернуться в свежую воду.

– Не знаю, как благодарить тебя за все, что ты мне рассказал. Ты был очень терпелив.

— Помочь Джону Дулиттлу — для меня большое удовольствие. Вы очень известны среди нас, рыб. До свидания! Желаем удачи вам, вашему кораблю и всем вашим замыслам!

Доктор вынес аквариум на палубу, открыл его и выплеснул содержимое в воду.

— До свидания! — пробормотал он, когда вдалеке раздался слабый всплеск.

Я положил карандаш на стол и со вздохом выпрямился. Пальцы мои онемели. Казалось, я уже никогда их не разогну. Правда, для отдыха у меня была целая ночь. Бедный Доктор так устал, что с трудом поставил аквариум на место, потом сел в кресло и сразу задремал.

Полинезия сердито постучал в дверь. Я встал и открыл ему.

— Хорошенькое дело! — кричал он. — Что это вообще за корабль такой? Наш цветной друг у руля спит. Доктор спит у себя в кресле! Ты рисуешь какие-то закорючки в тетради! Вы что думаете, корабль сам приплывет в Бразилию? Мы носимся по морю, как пустая бутылка, и плавание длится уже на недели больше, чем положено. Что с вами стряслось?

Полинезия был сердит и расшумелся вовсю. Но Доктора он не разбудил.

Я осторожно положил блокнот в ящик и вышел на палубу, чтобы встать к рулю.

Глава III

ПЛОХАЯ ПОГОДА

"Кроншнеп" лег на прежний курс, но я с удивлением заметил, что движется он гораздо медленнее. Попутный ветер стих.

Сначала мы совсем не беспокоились, полагая, что ветер вот переменится. Но прошел день, второй, потом целая неделя наконец, десять дней, а попутного ветра все не было. "Кроншнеп" еле двигался, как ребенок, который учится ходить.

Беспокойство Доктора возрастало. Он достал навигационные приборы и принялся за расчеты. Очень часто Доктор склонялся

над картами, измеряя расстояния. Он по сто раз в день осматривал море в подзорную трубу.

— Доктор! — сказал я однажды, услышав, как он вполголоса ругает туман. — Разве так уж важно, сколько продлится наше путешествие? Еды нам пока хватит. Пурпурная Райская Птица узнает, что наша задержка — вынужденная.

— Я тоже так думаю, — ответил он задумчиво. — Но не хочется заставлять ее ждать. В это время года она обычно улетает в горы Перу лечиться. Но, самое главное, погода скоро станет хуже. Мы задержимся еще больше. Вот если бы удалось плыть на приличной скорости! А болтание взад и вперед при мертвом штиле меня злит. Кажется, начинается ветер — пока не очень сильный, но, может быть, он еще разыграется.

Легкий северо-восточный ветер загудел в снастях. Мы с радостью и надеждой поглядывали на гнущиеся мачты "Кроншнепа".

— До побережья Бразилии осталось сто пятьдесят миль, — сказал Доктор. — Если ветер не утихнет в течение дня, мы скоро увидим землю.

Но вдруг ветер переменялся. Он подул на восток, потом на северо-восток, затем и вовсе на север. Шторм налетал порывами, будто еще не решил, в какую сторону дуть. Я стоял у руля и пытался держать "Кроншнеп" на нужном курсе.

Вскоре Полинезия, который, словно впередсмотрящий, сидел на мачте, наблюдая, не появится ли где земля или другой корабль, закричал:

— Надвигается буря. Ветер порывами — плохой признак. Посмотрите! На востоке появилась черная полоска. Разрази меня гром, если это не приближающийся шторм! А они тут бываюи свирепые. Все наши паруса может порвать, как бумагу. Доктор, встаньте у руля. Если шторм разразится, будет нужна сильная рука капитана. Я разбужу Бумпо и Чи-Чи. Погода мне очень не нравится. Лучше сразу спустить все паруса, пока ветер их не разорвал.

Небо и вправду на востоке все больше чернело. Море зашумело. Вода из голубой и ласковой превратилась в грязно-серую. По темному небу, словно всклокоченные ведьмы, носились темные облака.

Должен сознаться, я испугался. Раньше я видел только дружелюбное море. Оно было то спокойным, то ленивым. Иногда

посмеивалось и шалило, иногда оставалось задумчивым и потичным, особенно когда луна отражалась в нем серебряными нитями, а в ночном небе, как волшебные замки, плыли снежно-белые облака. Но я не знал и даже не подозревал, каким сильным и свирепым врагом может стать разъяренное море.

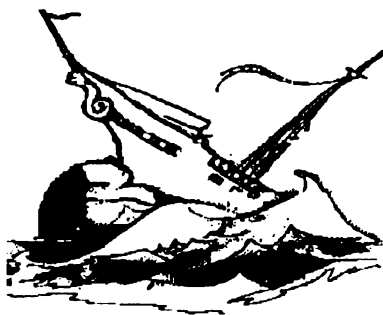
Когда шторм разразился, "Кроншнеп" лег на бок, точно какой-то невидимый великан ударил его.

События разворачивались стремительно. От ветра у нас перехватывало дыхание, вода слепила, гул стоял оглушительный. Я так и не понял, когда произошло кораблекрушение.

Помню только, что мы пытались скатать на палубе паруса, а их вырвало из рук и выбросило за борт, как копеечные монетные шарiki. Вероятно, и Чи-Чи смыло с ними вместе. Помню, Полинезия кричал, что надо спуститься вниз и закрыть все люки.

Хотя на мачтах не было уже ни одного паруса, мы неслись на юг с огромной скоростью. Вокруг нас вздымались огромные черные-пречерные волны, похожие на кошмарных чудовищ. Волны грозно надвигались, а потом обрушивались, пытались сбросить нас в море. "Кроншнеп", то обретая равновесие, то вновь наполовину уходящий под воду, напоминал тонущего поросенка.

Я пробирался к рулю, где стоял Доктор, цепляясь, как пьянка, руками и ногами за корабельные снасти, чтобы меня не снесло за борт. Вдруг огромная волна разомкнула мои руки, горло мое наполнилось водой, а я, как поплавочек, понесся по палубе. Голова моя со страшным грохотом ударилась о какую-то дверь, и я потерял сознание.

Глава IV

ПОТЕРПЕВШИЙ КОРАБЛЕКРУШЕНИЕ

Когда я очнулся, в голове гудело. Небо вновь стало голубым, а море — совершенно спокойным. Сначала я подумал, что просто заснул на палубе "Кроншнепа". Я решил, что опаздываю к рулю, и попытался встать. Но, оказалось, мои руки и ноги скручены толстым канатом. Повернув голову, я увидел, что не на палубе лежу, а качаюсь на волнах, привязанный к плоту из обломков мачты. Стало страшно. Я старательно осмотрел море на севере, на востоке, на юге и на западе. Ни земли, ни кораблей — вообще ничего... Я был совершенно один в океане.

Постепенно я стал вспоминать, что произошло. Сначала на-двигался шторм. Потом смыло за борт паруса. Потом большой волной меня ударило о дверь. Но что с Доктором и со всеми остальными? Какой сегодня день? Вчера был шторм или позавчера? И почему я на обломке мачты?

Засунув руку в карман, я нащупал перочинный ножик и разрезал канат. Тут мне вспомнилась история о капитане и его сыне, которую когда-то рассказал Джо. Капитан привязал сына к мачте, чтоб того не смыла волна. Так же, наверное, поступил и Доктор со мной.

Но где он?

Я с ужасом подумал, что все утонули. Поблизости не было ни одного обломка. Я встал на ноги и огляделся. Вокруг только небо и море.

Через какое-то время я увидел летящую над волнами темную птицу. Она приблизилась, и я узнал буревестника. Я решил поговорить с ним, разузнать хоть что-нибудь, но язык морских птиц был мне почти не знаком, и попытка не удалась.

Буревестник дважды облетел вокруг меня, едва не коснувшись крылом. Было очень грустно, я гадал, где буревестник мог укрыться от бури прошлой ночью, как он пережил столь разрушительный шторм. Все-таки люди, животные и птицы

очень отличаются друг от друга. И дело не только в силе и росте. Вот буревестник, например. Крохотное создание с легкими перьями, он гораздо меньше и слабее меня. Казалось бы, море может сделать с ним все, что угодно. А он, тем не менее, жив и взмахивает крыльями дерзко и лениво. Буревестника, наверное, можно назвать толковым моряком. Пусть бушуют волны, пусть над водой палит солнце, морскими стихия всегда останется его родным домом.

Медленно покружив надо мной (я предположил, что он ищет корм), буревестник улетел. Я снова остался один.

Вскоре я захотел есть, потом меня начала мучить жажда. Меня не покидали грустные мысли. Так всегда случается с одиноким человеком, который к тому же не успел позавтракать. Что теперь будет со мной, если Доктор и все остальные утонули? Я наверняка умру от голода и жажды. Солнце скрылось за облаками, стало холодно. Сколько сотен или тысяч миль отделяют меня от дома? А если налетит новый шторм и разобьет жалкое подобие плота, на котором я плыву?

Так я стоял и думал, и на душе у меня становилось все тоскливее. Вдруг я вспомнил, что мне говорил Полинезия:

— С Доктором ты всегда в безопасности. Он попадет туда, куда ему надо. Помни об этом.

Конечно, если бы Доктор был рядом со мной, я бы так не переживал, но от одиночества хотелось плакать. А ведь буревестник один летает!

— Как же я еще молод, — сказал я самому себе, — если не могу удержаться от слез! На своем плоту я был в безопасности. Джон Дулиттл никогда бы не поддался такой слабости! Он терпит спокойствие только тогда, когда совершал открытие, ловил какого-нибудь клопа или жука, например. И если Полинезия сказала правду, Доктор не мог утонуть. Все еще образуется.

Я глубоко вздохнул, застегнулся и стал расхаживать по плоту, пытаюсь согреться и говоря себе: буду, как Джон Дулиттл, не стану плакать и расстраиваться.

Не знаю, сколько времени я так ходил, но немало. Должно было нечего.

В конце концов я устал, прилег отдохнуть и, несмотря на все тревожения, довольно быстро уснул.

Когда я проснулся, надо мной в безоблачном небе сияли звезды. Море оставалось спокойным, плот легко покачивался на волнах.

волнах. Я взглянул на большое безмолвное ночное небо, и мужество тут же меня покинуло. Я почувствовал голод и жажду.

— Проснулся? — услышал я серебристый голосок у плеча.

Я подпрыгнул, как будто меня укололи булавкой. На самом кончике моего плота сидела Миранда, Пурпурная Райская Птица! В темноте слабо блестел ее золотой хвост.

За всю жизнь я еще никому не был так рад. Пытаясь обнять Миранду, я чуть было не упал в воду.

— Я не хотела тебя будить, — сказала она. — Ты, наверное, очень устал после всего, что произошло. Только, пожалуйста, малыш, не задуши меня в объятиях. Ты же знаешь, я не чувело.

— Миранда, дорогая! — воскликнул я. — Я так рад тебя видеть. Скажи мне, где Доктор? Он жив?

— Конечно, жив. Я уверена, что он бессмертен. Он — вон там, в сорока милях к западу отсюда.

— А что он там делает?

— Сидит на обломке "Кроншнепа" и бреется. По крайней мере, он брился, когда я от него улетала.

— Какое счастье, что Доктор жив! — вскричал я. — А Бумпо и звери, с ними все в порядке?

— Все рядом с Доктором. Ваш корабль раскололся напополам во время шторма. Доктор увидел, что ты оглушен и привязал тебя к плоту из обломков мачты. Потом твой плот унесло. Какой же сильный был шторм! Нужно быть чайкой или альбатросом, чтобы пережить такую непогоду. Три недели я ждала Доктора, сидя на вершине утеса, но прошлой ночью пришлось укрыться в пещере, иначе бы все мои перья растрепались. Когда я нашла Доктора, он послал меня с бурными дельфинами на поиски твоего плота. Буревестник вызвался нам помочь. Доктора собирались приветствовать все морские птицы, но плохая погода помешала встретить его достойно. О тебе нам рассказал буревестник.

— Но как я доплыву до Доктора, Миранда? У меня ведь нет весел.

— Доплывешь. Прямо сейчас. Оглянись!

Я оглянулся. У края неба появилась луна. Вдруг я заметил, что плот потихоньку движется.

— Кто нас толкает? — спросил я.

— Дельфины, — объяснила Миранда.

Я пошел по плоту назад и посмотрел в воду за кормой. Там были четыре бурых дельфина, их гладкая кожа мерцала в лунном свете. Они подталкивали плот носами.

— Это старые друзья Доктора, — сообщила Миранда. — Они все, что угодно, сделают для Джона Дулиттла. Мы его, кстати, скоро увидим, да и остальных тоже. Мы уже близко. Да, вот и они! Видишь темное большое пятно? Посмотри правее. Разве ты не видишь чернокожего человека на фоне неба? А вот и Чи-Чи нас заметила. Видишь, она нам машет. Неужели ты их до сих пор не разглядел?

Глаза у меня не такие зоркие, как у Миранды, но зато я вскоре услышал, что где-то в темноте Бумпо во весь голос распевает веселые африканские песни. Наконец, вглядываясь в темноту я стал различать обломки — то, что осталось от нашего "Кроншнепа".

Возгласы приветствий разорвали тишину ночи. Я откликнулся. Через несколько минут плоты из обломков нашего корабля столкнулись.

Луна уже была высоко. Видел я все лучше. Плот Доктора был гораздо больше моего. Наша команда сидела на плоту и жевала корабельные сухари.

Сам же Доктор Джон Дулиттл, глядя, как в зеркало, в спящую колыбельную воду, брился бутылочным осколком при лунном свете.

Глава V

ЗЕМЛЯ !

Когда я перебрался на большой плот, все дружно мне приветствовали. Бумпо принес стакан восхитительной свежей воды, что еще сохранилась в бочке. Чи-Чи и Полиппи наперебой кормили сухарями.

Больше всего я обрадовался, увидев улыбающееся лицо Доктора. Я понял: мы снова вместе. Доктор аккуратно вытер новую стеклянную бритву и убрал до следующего раза. //

мысленно сравнивал его с буревестником. Этот человек столькому научился! Он дружил со всеми зверями, выучил их наречия. В конце концов, Доктор знал и умел больше всех в мире. Подобно буревестнику, Доктор понимал, в каком настроении бывает море. И разве странно, что некоторые дикари, среди которых он иногда подолгу жил во время своих путешествий, воздвигали ему памятники, изображая Доктора то полурыбой, то полуптицей. Только теперь я понял: Доктор никогда не умрет. Стоит только оказаться рядом с Доктором, и уже не покинет чувство безопасности.

Шторм, так напугавший меня, произвел на Доктора не большее впечатление, чем падение в грязь у речки в Пуделби. Правда, слегка пострадала одежда: помялась и вымокла, а поля высокой шляпы Доктора обвисли.

Доктор вежливо поблагодарил Миранду за то, что она так быстро доставила меня, попросил ее лететь впереди, показывая дорогу к острову Паучьих Обезьян. Затем он велел дельфинам подталкивать наш плот, двигаясь за Райской Птицей.

Что потерял Доктор во время кораблекрушения, кроме бритвы, я не знаю. Вероятно, он потерял все, в том числе деньги, на которые можно было купить корабль. Однако Доктор продолжал улыбаться, как будто ничего не случилось. Единственное, что он спас, насколько я мог заметить, была бочка питьевой воды, мешок с сухарями и его бесценные блокноты. Когда Доктор встал, я увидел, что блокноты привязаны к поясу. Как говаривал старый Мэтью Мэг, Доктор — великий человек. Он непредсказуем.

Три дня мы медленно плыли к югу. Страдали только от холода. Чем дальше, тем холоднее становилось. Доктор сказал, что, по-видимому, наш остров сбит большими волнами с обычного пути. Теперь он, похоже, находится гораздо южнее.

На третью ночь к нам вернулась изрядно замерзшая Миранда. Она сказала Доктору, что наутро мы увидим остров, сейчас это невозможно, поскольку что ночь туманная. Миранда добавила, что ей нужно поторопиться туда, где теплее. Она обещала в следующем августе непременно навестить Доктора в Пуделби.

— Миранда, — сказал Доктор, — если узнаешь, что случилось с Длинной Стрелой, не забудь известить меня.

Райская Птица обещала. Доктор тысячу раз поблагодарил ее за все, что она для нас сделала. Миранда, пожелав нам удачи, исчезла в темноте.

Проснулись мы задолго до рассвета и с нетерпением всматривались вдаль, надеясь увидеть хотя бы клочок земли. Небо на востоке посветлело. И тут же старый Полинезия закричал, что видит пальмы и вершины гор.

Становилось все светлее, и скоро мы все увидели остров (или скалистую грядку) в центре. Он был уже так близко, что, казалось, до берега можно добросить шляпу.

Дельфины в последний раз подтолкнули наше странное судно, и мы легко заскользили по прибрежному песку. Поблагодарив свою счастливую звезду за возможность отдохнуть, наконец, мы гурьбой высыпали на берег. Это была первая земля, куда мы ступили за последние шесть недель. Меня пробрала дрожь, когда я понял: под ногами — Остров Паучьих Обезьян, на который некогда указал мой карандаш!

Стало совсем светло, и мы увидели: пальмы и трава на острове — сухие и мертвые. Доктор сказал, что, возможно, на острове сильно похолодало, а все местные деревья и травы живут лишь в тропическом климате.

Дельфины спросили, могут ли они еще чем-нибудь помочь. Доктор ответил им, что нет. Толкать плот тоже больше не придется, потому что он развалился.

Мы собрались идти вглубь, чтобы исследовать остров, но внезапно заметили большую группу индейцев. Они с любопытством рассматривали нас из-за деревьев. Доктор зашагал вперед, чтобы поговорить с ними, но краснокожие не поняли его намерений. Доктор знаками пытался объяснить, что мы не враги. Но, похоже, индейцам наша группа не понравилась. Луки и охотничьи стрелы с каменными наконечниками были у них наготове. Туземцы знаками объяснили Доктору: сделай он хоть шаг вперед, и нас всех убьют. Наверное, они хотели, чтобы мы как можно скорее убрались с острова. Положение оказалось затруднительным.

Доктор все же объяснил, что очень хотел бы осмотреть остров, а потом уехать. Как он собирался сделать это, если у него не было ни корабля, ни лодки, я не мог себе представить. Пока они переговаривались, какой-то гонец сообщил индейцам.

что их ждут в другой части острова. Краснокожие угрожающе помахали стрелами в нашу сторону и ушли.

— Какие невоспитанные язычники! — воскликнул Бумпо. — Вы когда-нибудь видели таких негостеприимных людей? Они даже не спросили, завтракали мы или нет. Совершенно невоспитанные!

— Тсс! Они возвратились в деревню, — сказал Полинезия. — Бьюсь об заклад, что с другой стороны этой горы расположена их деревня. Выслушайте мой совет, Доктор. Уйдем отсюда, пока индейцы не вернулись. Пошли подальше в горы — туда, где они не догадаются нас искать. Может быть, они смягчатся, когда поймут, что мы не хотим причинять им зла. У них честные открытые лица. Они вроде бы вполне достойные люди, только необразованные. Вероятно, еще никогда не видели белых.

Слегка обескураженные столь холодным приемом, мы двинулись к центру острова.

Глава VI

ЖУКИ ДЖАБИЗРИ

У подножия горы лес был густой и труднопроходимый. По совету Полинезии, мы держались подальше от всех дорог и тропинок — понимали, что пока лучше избегать встреч с туземцами.

Полинезия и Чи-Чи оказались замечательными проводниками. Они прекрасно охотились в джунглях, поэтому сразу принялись добывать нам пищу. За короткое время они нашли множество разных фруктов и орехов. Еда была превосходной, хоть мы и не знали, как называются эти блюда. Вскоре мы нашли маленькую горную речку. Так появился запас питьевой воды.

Мы пошли вдоль по речке в горы. Лес поредел, отвесных и крутых скал стало больше. На остров, окаймленный синей водой, мы смотрели уже сверху.

Все любовались островом, но вдруг Доктор вскрикнул:

— Тсс! Джабизри! Слышите?

Мы прислушались и уловили чрезвычайно мелодичное жужжание — как пчелиное, только не на одной ноте: то поднимаясь на октаву вверх, то опускаясь вниз, будто кто-то пел.

— Никакое другое насекомое не жужжит, как жук Джабири, — сказал Доктор. — Мне кажется, он где-то рядом, судя по звуку, летает среди деревьев. Если бы у меня был сачок! Почему я не привязал его к поясу? Будь проклят этот шторм! Я потерял единственный в мире шанс поймать самого редкого в мире жука. Взгляните! Вот он летит!

Огромный жук в три дюйма длиной закружился прямо перед нами. Доктор ужасно разволновался. Он снял шляпу, помчался к ней вместо сачка и накрыл жука. В страшной спешке он чуть было не упал с обрыва на скалы, правда, не обратив на это ни малейшего внимания. Он встал на колени, накрыв Джабирин шляпой, затем достал из кармана коробочку со стеклянной крышечкой и, приподняв краешек шляпы, загнал туда жука. Наконец, Доктор встал, счастливый, как ребенок, и начал с упоением рассматривать свое сокровище.

Это был исключительно красивый жук: бледно-голубым брюшко и гладко-черная спинка с красными глянтышками.

— Ну какой энтомолог в мире не захочет хоть на минуту побыть на моем месте! — воскликнул Доктор. — Ура! Впрочем, у этого жука что-то прилипло к ноге. На грязь не похоже. Что бы это могло быть?

Доктор осторожно вытащил жука из коробочки. Он держал его пальцами за спинку, а жук медленно помахивал в воздухе своими шестью лапками. Мы столпились вокруг. Действительно, к правой передней лапке жука что-то прилипло. Это был сухой листик, привязанный нитью паутины.

Можете представить наше изумление, когда мы увидели, что листик весь испещрен крохотными знаками и рисунками. Чтобы рассмотреть их, понадобилось увеличительное стекло. Кое-что мы вообще не могли различить. Но было ясно, что на всех рисунках — люди и горы. Художник, вероятно, пользовался коричневыми чернилами.

Пока мы, как зачарованные, рассматривали листик, стояла мертвая тишина.

— Мне кажется, это написано кровью, — наконец сказал Доктор. — Когда кровь высыхает, она приобретает коричневый оттенок. Кто-то специально уколол палец, чтобы все это нарисовать.

вать. Вообще-то, способ старый. Он годится, когда нет чернил. Писать кровью не очень гигиенично, тут тем более странная мысль: привязать листочек к лапке жука! Я пока не знаю языка жуков, иначе сумел бы расспросить Джабизри, откуда взялось послание.

— Что значат все эти маленькие рисунки и значки, Доктор? — спросил я.

— Это письмо, — ответил он, — рисуночное письмо. Все значки вместе передают определенный смысл. Но для чего было привязывать листок к лапке жука? Удивительно!

И Доктор вновь склонился над рисунками.

— Не пойму пока, что все это означает: люди идут в гору, потом заходят в какую-то пещеру, гора обрушилась — какой великолепный рисунок! Дальше люди показывают на свои открытые рты, потом решетки, возможно, тюремные, люди молятся, дальше многие из них лежат, видимо, заболели, и в самом конце просто гора, но странной формы.

Внезапно Доктор посмотрел в мою сторону, и на лице его просияла улыбка: он все понял.

— Длинная Стрела! — воскликнул он. — Разве ты не понимаешь, Стаббинс? Только натуралист мог такое придумать: вручить письмо жуку, но не обычному, а самому редкому в мире. Такого жука любой натуралист постарается поймать. Ну конечно! Это — рисуночное письмо от Длинной Стрелы. Ведь он не умеет писать — только рисует.

— Кому же оно адресовано? — спросил я.

— Скорее всего, мне. Миранда ведь много лет назад сказала ему, что я хочу побывать на этом острове. Но если это письмо предназначено не мне, то тогда — любому человеку, который поймает жука и прочтет письмо. Это письмо — всему миру.

— Ну и что толку? Вот оно у вас в руках, а какая польза от этого Длинной Стреле?

— Польза есть, — ответил Доктор. — Я могу прочесть письмо. Первая картинка: люди идут в гору. Видимо, это Длинная Стрела и его отряд. Дальше люди заходят в пещеру — наверное, ищут лечебные травы и мхи. Гора обрушивается. Скорее всего, сверху сорвался огромный камень и преградил им выход из пещеры. Единственным существом, которое могло вынести наружу их послание, оказался жук. Жук, который мог прорыть себе путь на воздух. Конечно, маловероятно, что кому-то удалось бы

поймать жука и прочесть письмо. Но шанс все-таки был. Когда люди в опасности, они хватаются за любую соломинку. Отлично. Посмотри на следующую картинку: люди указывают на свои открытые рты. Наверное, они голодны. Теперь люди молятся - просят того, кто найдет их письмо, прийти к ним на помощь. Люди лежат: они больны или умирают от голода. Письмо, Стаббинс, их последний крик о помощи.

Закончив, Доктор вскочил на ноги, вытащил блокнот и положил листочек между страницами. Его руки дрожали от возбуждения.

- Пошли! - закричал он. - Все вместе пошли в горы. Нельзя терять ни минуты. Бумпо, возьми с собой воду и орехи. Богу одному известно, столько они мучаются в пещере. Помогимся, чтобы нам не опоздать!

- Но куда вы собираетесь? - спросил я. - Миранда говорила, что весь остров - длиной в сотню миль, а в центре его одни горы.

- Разве ты не видел последнюю картинку? - воскликнул Доктор, поднимая с земли свою шляпу и водрузив ее на голову. - Это гора странной формы. Она напоминает голову сокола. Именно там сейчас Длинная Стрела, если, конечно, он еще жив. Первое, что мы должны сделать, это взобраться на самую высокую гору и посмотреть, где вершина с головой сокола. Подумать только! У меня есть возможность встретиться с Длинной Стрелой. Пойдем! Поторапливайтесь! Любая отсрочка может означать смерть для самого главного натуралиста в мире!

Глава VII

ГОРА, ПОХОЖАЯ НА ГОЛОВУ СОКОЛА

Позже мы вспоминали, что так напряженно еще никогда не работали. Я, например, просто падал от усталости, и двигался, как заведенная машина, сказав самому себе, что первым ни за что не сдамся.

Взобравшись на самый высокий пик, мы сразу нашли картину, изображенную в письме. По форме она напоминала соколиную голову и была второй по высоте на острове.

Хотя все едва переводили дыхание после восхождения, Доктор ни секунды не дал нам отдохнуть. Ориентируясь по солнцу, он бежал вниз, продираясь сквозь заросли, перепрыгивал ручьи, пытаясь сократить дорогу. Он бесспорно стал бы лучшим бегуном по пересеченной местности, если бы такие соревнования придумали для толстых пожилых мужчин.

Мы неслись за ним изо всех сил. Мы — это я и Бумпо. Джип, Чи-Чи и Полинезия намного опережали не только нас, но и Доктора. Для них такой кросс был просто игрой.

Вскоре мы прибежали к подножию горы, которую искали. Склоны ее были отвесными. Доктор распорядился:

— Теперь разделимся на группы и будем искать пещеру. Место, где мы сейчас стоим, будет местом встречи. Если кто-нибудь из нас найдет пещеру или щель, где вход завален, немедленно сообщит об этом остальным. Если никто ничего не обнаружит, собираемся здесь через час. Все поняли?

Мы разошлись в разные стороны.

Не сомневайтесь: каждому очень хотелось первым найти пещеру. Никогда еще никто так тщательно не осматривал гору. Но увы! Там не было ничего, походившего на завал. Кое-где валялись скатившиеся по склону огромные камни. Но пещеры никто не заметил.

Усталые и разочарованные, мы собрались в условленном месте. Доктор был мрачен, но сдаваться не собирался.

— Джип, — сказал он, — ты не чувствуешь здесь поблизости индейцев?

— Нет, — ответил Джип. — Я обнюхал каждую трещину в горе. Боюсь, мой нос вряд ли сможет вам помочь, Доктор. Дело в том, что на всем острове пахнет паучьими обезьянами. Этот запах заглушает все остальные. Да и вообще, сейчас слишком холодно и сухо, чтобы взять след.

— Да, — согласился Доктор. — Становится холоднее. Думаю, остров все дальше относит к югу. Поскорее бы он остановился, иначе нам не придется больше поесть фруктов и орехов. Все на острове замерзнет. Чи-Чи, а ты что-нибудь отыскала?

— Ничего, Доктор. Я взбиралась на каждую скалу и каждый холмик, осмотрела все впадины и трещины, но не видела, где бы мог укрыться человек.

— Полинезия, — позвал Доктор, — ты видел что-нибудь?

— Ничего, Доктор. Но у меня есть план.

— Прекрасно! — воскликнул Джон Дулиттл, полный надежд.
— Послушаем!

— Жук все еще у вас? — спросил Полинезия. — Ну, тот Бизбиз, или как вы его там называете?

— У меня, — ответил Доктор, доставая коробочку со стеклян- ной крышкой. — Вот он.

— Отлично. Теперь слушайте, — сказал Полинезия. — Если ваше предположение верное и Длинная Стрела попал в ловушку в пещере, он наверняка там же и нашел жука и, возможно, и одного. Вряд ли он брал Биз-биза с собой в пещеру. Он ведь искал там лекарственные растения, а не жуков.

— Да, — согласился Доктор, — вероятно, это так.

— Прекрасно. Дальше можно предположить, что жуки жи- вут именно в том месте, где исчез Длинная Стрела и его товарищи.

— Правильно.

— Тогда мы должны отпустить жука и наблюдать за ним. Рано или поздно он вернется в пещеру к Длинной Стреле. А мы пойдем за ним, — тут Полинезия гордо расправил перышки на крыльях. — По крайней мере, будем идти за ним, пока этот несчастный клоп не начнет зарываться в землю. Но так или иначе, он покажет нам, где замурованы Длинная Стрела и его отряд.

— Но ведь жук полетит очень быстро, — заметил Доктор. — И если мы потеряем его из виду, то ничего не добьемся.

— Пусть летит, — презрительно фыркнул Полинезия. — Думаю, попугаи летают не хуже этих жуков. Если только он взлетит в воздух, я обещаю вам не терять его из виду. А если он поползет, вы и сами за ним уследите.

— Великолепно! — воскликнул Доктор. — Полинезия, ты ин- ний. Я сейчас же отпущу жука, и мы посмотрим, что будет.

Мы снова столпились вокруг Доктора, а он осторожно при- поднял стеклянную крышечку. Большой жук вылез на его палец.

— Божья коровка, улети на небо! — запел Бумпо. — Принеси мне хлеба, чер...

— Тише! — сердито защелкал Полинезия. — Не обижай! Думаешь, он не знает, куда ему лететь?

— Я предполагал, что жуку вовсе не хочется домой, он хочет прогуляться, посмотреть на других жуков, — застенчиво заметил

Бумпо. — Может быть, он устал от дома. Тогда ему нужно напомнить. А не спеть ли мне песню "Как прекрасен домашний очаг..."?

— Нет уж. Тогда он никогда не вернется. А ты отдохни. Не пой ему, просто наблюдай. Доктор, а может, написать Длинной Стреле письмо и привязать его к лапке жука? Мы напишем, что ищем Длинную Стрелу и его отряд, и они не должны терять надежды.

— Я напишу, — сказал Доктор и через минуту, сорвав сухой листочек с куста рядом, стал водить по нему карандашом.

Затем мистер Джабизри с новой почтовой сумкой на лапке сполз с пальца Доктора и огляделся. Он вытянул задние лапки, передними потер рыльце, потом лениво двинулся на запад. Мы думали, что он поползет на гору, а жук пополз вокруг нее. Как вы думаете, сколько времени нужно жуку, чтобы проползти вокруг горы? Уверю вас, очень много. Время тянулось. Мы думали, жук вот-вот взлетит и остаток пути проделает именно таким образом. Тогда только Полинезии придется следить за ним. Но жук ни разу даже не пошевелил крыльями. Раньше я и представить себе не мог, как трудно человеку идти вслед за жуком. Скучнее ничего и быть не могло. Пока мы все тащились поодаль от жука, вглядываясь, словно ястребы, особенно если он исчезал под листом или травинкой, мы так свирепели, что готовы были покусать друг друга. Когда жук останавливался, чтобы полюбоваться пейзажем или еще раз почистить нос, я мышал, как Полинезия позади меня сразу начинал произносить самые страшные матросские ругательства.

После того как жук обвел нас вокруг всей горы, мы пришли на то самое место, откуда начали путь. Здесь жук остановился.

— Ну, — обратился Бумпо к Полинезии, — ты все еще думаешь, что жуки соображают? Этот жук даже не знает, где его дом.

— Успокойся, несчастный! — снова защелкал Полинезия. — Неужели бы ты не попытался размять ноги, если бы целый день пролежал, согнувшись, в коробке? По-видимому, его дом где-то здесь, поэтому он сюда и вернулся.

— Но почему он сначала обошел вокруг горы? — спросил я. Мы втроем заспорили. Но вдруг Доктор окликнул нас:

— Взгляните!

Мы оглянулись и увидели, что он указывает на Джабизри, который теперь быстро и деловито полз в гору.

— Что же, — сказал Бумпо и сел, — если жук теперь пойдет на гору, а потом обратно, чтобы еще немного размяться, я лучше подожду здесь. Чи-Чи с Полинезией могут идти за жуком.

И вправду, теперь за жуком могли следовать только обезьяна или птица. Гора в этом месте была совершенно гладкая и отвесная, как стена.

Вскоре, когда Джабизри был уже выше нас футов на десять, мы все разом вскрикнули. В этот самый момент он исчез с поверхности скалы, как капля воды исчезает на песке.

— Он исчез, — кричал Полинезия! — Где-то здесь щель!

Попугай взлетел на скалу и вцепился в нее когтями.

— Здесь! — снова закричал Полинезия. — Трещина прямо под лишайником. Сюда можно просунуть два пальца.

— Вот в чем дело! — воскликнул Доктор. — Должно быть, этот огромный кусок скалы соскользнул с вершины и, словно дверь, прикрыл вход в пещеру. Бедняги! Сколько уж они там сидят! Если бы у нас была с собой лопата или что-нибудь острое!

— Лопаты не помогут, — заявил Полинезия. — Посмотрите на этот осколок: он примерно сто футов в высоту и столько же в ширину. Нужна целая армия, чтобы сдвинуть его с места.

— Интересно, толстый ли он, — заинтересовался Доктор.

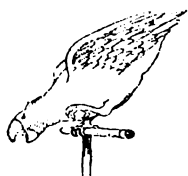
Он поднял с земли большой камень и ударил по скале. Раздался ухающий звук, как бы гигантского барабана. Мы стояли и прислушались: до нас донеслось отдаленное эхо.

По спине у меня пробежала холодная дрожь. Из горы раздалось три ответных удара:

— Бум!.. Бум!.. Бум!

С широко открытыми глазами мы смотрели друг на друга, как будто сама земля заговорила с нами. В торжественной тишине зазвучали слова Доктора.

— Великий Боже! — сказал он с величайшим волнением в голосе. — По крайней мере, хоть кто-то остался жив!

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

Глава I

ВЕЛИКАЯ МИНУТА

Перед нами стояла трудная задача: откатить, столкнуть или разбить гигантский осколок. Мы смотрели на него, задрав головы, и думали, что задача эта нам не по силам.

Но звуки, доносившиеся из горы, внушили надежду. Мы принялись ползать вокруг, пытаясь отыскать хоть какую-нибудь щель или отверстие. Чи-Чи взобралась по скале вверх и осмотрела осколок сверху. Я выкопал все кусты и сорвал все ползучие растения, которые могли закрывать трещину. Доктор нарвал листьев и написал новые письма рисунками, чтобы отправить их почтой с Джабизри. В это время Полинезия принес орехи и осторожно опустил их в дырочку, через которую скрылся жук. Узники могли хоть чем-то подкрепиться.

— Орехи очень питательны, — заметил попугай.

В конце концов самое важное открытие сделал Джип. Оно и привело нас к успеху. Джип долго скреб землю у скалы и, подбежав к Джону Дулиттлу с испачканным носом, закричал:

— Доктор! Осколок держится слабо. Земля под ним очень мягкая, ее легко копать. Пол в пещере, наверное, намного выше, а то бы индейцы сами выгребли землю руками и освободились. Если нам удастся подкопать скалу, она опустится. Тогда щель наверху станет намного шире, и люди сумеют пройти.

Доктор поспешил туда, где Джип раскопал землю.

— Ну, конечно, — согласился он. — Если мы сумеем подкопать скалу, она упадет. Стоит попробовать! Давайте-ка скорее!

Лопаты не было, но палки и каменные скребки нашлись. Должно быть, мы выглядели престранно, когда вшестером, словно барсуки, ползали у скалы, скребя и ковыряя землю.

Через час все изрядно вспотели, хоть было довольно холодно. Доктор сказал:

— Будьте готовы отскочить, если скала начнет двигаться. Тот, на кого она упадет, превратится в блин.

И тут раздался скрипучий звук.

— Посмотрите! — закричал Джон Дулиттл. — Она поддается. Бегите!

Мы бросились врассыпную. Большая скала заскользила по ложбине глубиной в фут, которую мы выкопали. И тут я ужасно расстроился: никакой щели наверху не было! Казалось, все безнадежно. Но потом я посмотрел вверх и увидел, что вершина скалы медленно движется. Мы раскачали скалу снизу, и, когда она отделилась от горы, послышались ликующие голоса узников. Вершина скалы раскачивалась все сильнее, потом вся скала со страшным гулом рухнула на землю и разлетелась на куски.

Сумею ли я описать встречу двух величайших в мире натуралистов — Длинной Стрелы и Джона Дулиттла из Пуделби-на-Болоте? Вижу эту встречу, как сейчас, во всех подробностях, хотя это произошло много лет назад. Но когда я пытаюсь написать об этом, у меня не хватает слов.

Я ведь знаю, что Доктор, в жизни которого было много приключений, всегда считал, что спасение индейского натуралиста — самый главный поступок в его жизни. Что касалось меня, то я, зная, сколь важно это событие для Доктора, сидел как на иголках. Умирая от любопытства, я заглянул в пенсиль после того, как скала грохнулась у наших ног.

Перед нами открылся черный мрачный грот примерно двенадцати футов в высоту. У выхода стоял огромный краснокожий индеец, ростом в семь футов, очень приятной наружности, красивый, стройный и почти обнаженный. Только на бедрах у него висела какая-то повязка из ткани, а в волосах — орлиное перо. Одной рукой он прикрывал глаза от спящего солнца, которого не видел уже много дней.

— Это он! — прошептал Доктор. — Я узнаю его по большому росту и шраму на подбородке.

И Доктор осторожно прошел вперед по осколкам разбитого камня, протянув руку краснокожему человеку.

Вскоре индеец открыл глаза. Я заметил, что они сверкали как у орла. Только глаза у него были гораздо добрее. Остатками

совершенно неподвижным, как статуя, индеец медленно поднял правую руку и взял руку Доктора в свою. Это была великая минута. Полинезия понимающе и довольно закивал мне. Я услышал, что Бумпо тихо всхлипнул, затем доктор попытался заговорить с Длинной Стрелой. Конечно, индеец не понимал по-английски, а Доктор не знал языка индейцев. Но вскоре, к моему изумлению, я услышал, что Доктор пытается говорить с индейцем на зверином языке.

— Как вы поживаете? — спросил он по-собачьи. — Я рад вас видеть, — добавил по-лошадиному. — Сколько времени провели в пещере? — на оленьем языке. Индеец стоял, не шевелясь, не понимая ни единого слова. Доктор попытался заговорить на других звериных языках. Безрезультатно.

Наконец, он перешел на орлиный язык.

— Великий краснокожий! — резко прокричал он, как обычно кричат большие птицы. — Никогда еще я не был так счастлив, как сегодня, когда обнаружил вас живым.

Каменное лицо Длинной Стрелы осветила улыбка понимания. Ответил он тоже на орлином языке:

— Могущественный белый человек, я обязан вам жизнью. До конца своих дней я буду верно служить вам.

Впоследствии Длинная Стрела рассказал нам, что орлиный язык был единственным языком птиц и зверей, который он выучил. Но он очень давно не говорил на нем, потому что орлы редко залетали на остров.

Потом Доктор позвал Бумпо, который принес орехи и воду. Но Длинная Стрела не притронулся ни к еде, ни к пище. С благодарностью взяв все из рук Бумпо, он повернулся и пошел вглубь пещеры. Мы пошли за ним.

В пещере на полу лежали еще девять индейцев — мужчин, женщин и детей. Они были в ужасном состоянии — исхудавшие и изможденные.

Доктор быстро обошел их, слушая, бьется ли сердце. Все были живы. Только одна женщина была так слаба, что не могла встать на ноги.

Доктор попросил — и Чи-Чи с Полинезией немедленно отправились в джунгли за фруктами и водой.

Пока Длинная Стрела объяснял нам, в какой пище нуждается его умирающие от голода друзья, мы услышали странные звуки у входа в пещеру. Оглянувшись, мы увидели большую

группу индейцев, которые так недружелюбно встретили нас на берегу. Сначала они осторожно всматривались в темноту, а когда они увидели рядом с нами Длинную Стрелу и других индейцев, ворвались внутрь, засмеялись, захлопали, быстро и невнятно заговорили на своем языке.

Длинная Стрела объяснил Доктору, что с ним в горы пошли девять индейцев — две семьи. Они собирали лекарственные растения. Когда они искали мох, помогающий при несварении желудка — он растет только во влажных пещерах, с вершины горы сорвался огромный осколок и преградил им путь к выходу. Две недели они питались лекарственным мхом и пили воду, которая сочилась из влажных стен пещеры. Все остальные индейцы на острове решили, что они потерялись навсегда и считали их умершими. К своей радости и удивлению, они теперь обнаружили, что родственники живы.

Длинная Стрела рассказал индейцам о том, что их родственников нашел и освободил вот этот белый человек. Тогда туземцы окружили Джона Дулиттла, все разом заговорили и начали бить себя кулаками в грудь.

Длинная Стрела объяснил: индейцы просят простить их. Они очень сожалеют, что на берегу так враждебно встретили Доктора. Они раньше никогда не видели белых и по-настоящему испугались, особенно когда увидели, что Доктор говорит с дельфинами. Они подумали, что Доктор — дьявол.

Потом они осмотрели огромный камень, который мы сбросили. Камень был большой, как луг. Индейцы ходили вокруг камня, показывали трещину в середине и удивлялись, что нам удалось его расколоть.

С тех пор все путешественники, побывавшие на островах Паучьих Обезьян, рассказывают, что огромная каменная глыба которую мы сбросили, стала там главной достопримечательностью. Каждый экскурсовод рассказывает свою историю о том, каким образом камень попал сюда. Наиболее популярна история о том, как Доктор Джулиттл, узнав, что скалы поймали в лапшу его друга Длинную Стрелу, очень рассердился и голыми руками разбил камень.

Глава II

ЛЮДИ С ПЛАВУЧЕГО ОСТРОВА

Отношение к нам индейцев сразу переменялось. Нас приглашали в каждую деревню отпраздновать возвращение утерянных родственников.

Чтобы вынести из пещеры больную женщину, мы сделали носилки из гибких молодых веток и начали спускаться. По дороге вниз индейцы, видимо, рассказали Длинной Стреле о чем-то неприятном. Лицо у него посерело. Доктор спросил о причинах его беспокойства, и Длинная Стрела сказал, что ему сообщили о смерти почтенного вождя индейского племени, которому было восемьдесят лет.

— Теперь все понятно, — прошептал мне на ухо Полинезия. — Помнишь, как они побежали с берега в деревню, когда за нами пришел гонец?

— А от чего он умер? — спросил Доктор.

— Замерз, — ответил Длинная Стрела.

Действительно, солнце уже садилось, мы начинали дрожать от холода.

— Это достаточно серьезно, — сказал мне Доктор. — Остров пока еще подхвачен течением. Завтра мы этим займемся. Если ничего не удастся сделать, индейцам придется сесть в каноэ и покинуть остров. Уж лучше потерпеть кораблекрушение, чем застрять во льдах Антарктики.

Мы шли по горам и сверху смотрели на остров. Внизу под нами была деревня: травяные хижины, а в центре, ближе к берегу, шест-тотем.

— Как красиво! — воскликнул доктор. — Так удачно расположено! Как называется эта деревня?

— Попсипитель, — ответил Длинная Стрела. — Так же зовется и племя. Это на языке индейцев значит "люди с движущегося острова". Правда, на острове живут два индейских племени: попсипителы и бэг-джегдереги.

— Какое племя многочисленнее?

— Бэг-джегдереги. И намного. Их деревня занимает почти четыре квадратных мили. Но, — запнулся Длинная Стрела, и

его выразительное лицо потемнело: — я бы предпочел обменять целую сотню бэг-джегдерегов на одного поппсипителя.

Весть о спасении индейцев опередила нас. Чем ближе мы подходили к деревне, тем больше встречали индейцев, которые вышли приветствовать друзей и родственников. Ведь никто больше не надеялся их увидеть.

Индейцы рассказали, что их соплеменников спас странный белый гость. Они окружили Доктора, трясли его за руки и хлопали по спине, потом подняли его на руки и понесли вниз по склону прямо в деревню.

Там нас встретили еще более радостно. Несмотря на холодную ночь, все жители, дрожащие от холода в своих домах, настежь открыли двери и высыпали на улицу. Я очень удивился, как в такой маленькой деревне живет столько народу. Люди проходили мимо нас, улыбались, кивали, размахивали руками. Вскоре Длинная Стрела уже всем рассказал о случившемся. Тогда индейцы стали издавать странные мелодичные звуки, которые мы воспринимали как знаки похвалы и благодарности.

Нас отвели в хижину из совершенно свежей травы. Она была светлая, в ней очень приятно пахло. Нам сказали, что хижина принадлежит нам. Шестерых индейских мальчиков они просили нам прислуживать.

Проходя по деревне, мы увидели дом побольше, чем все остальные. Он стоял на краю главной улицы. Длинная Стрела сказал, что это был дом вождя, но теперь он пуст. Нового вождя еще не выбрали.

В нашей хижине лежали приготовленные для нас рыбы и фрукты. За столом, когда мы вошли, уже сидели наиболее почетные члены племени. Длинная Стрела пригласил нас к трапезе.

Мы с радостью приняли его приглашение, так как были очень голодны. Но каково же было наше удивление и разочарование, когда мы увидели, что рыба сырая. Индейцы же с наслаждением поглощали ее.

Извинившись несколько раз, Доктор объяснил Длинной Стреле, что мы бы хотели рыбу поджарить или сварить.

Представьте себе наше изумление, когда мы поняли, что великий натуралист Длинная Стрела, который превосходно разбирался в естественных науках, не понял нас.

Полинезия, который сидел на лавке между мной и Джоном Дулиттлом, потянул Доктора за рукав и зашептал:

— Я объясню вам, в чем дело, Доктор. У этих людей нет огня! Они не умеют его добывать. Посмотрите на улицу. Ведь уже совсем темно, а в деревне нет ни одного огонька.

Глава III

ОГОНЬ

Доктор спросил у Длинной Стрелы, знает ли он, что такое огонь. Объясняя, Доктор рисовал картинки на скатерти из оленьей кожи. Длинная Стрела сказал, что он уже видел нечто подобное, вырывавшееся из кратера вулканов, но ни он и ни другие пописипители не знали, из чего он состоит.

— Бедные вымирающие язычники! — пробормотал Бумпо. — Не удивительно, что старый вождь умер от холода!

В эту минуту у входа в хижину раздался плач. Мы оглянулись и увидели рыдающую индейскую женщину с ребенком на руках. Она что-то говорила. О чем, мы не поняли. Длинная Стрела объяснил, что ребенок болен и мать хочет, чтобы белый Доктор попытался вылечить его.

— Господи! — простонал Полинезия над моим ухом. — Все, как в Пуделби. Стоит сесть за стол, как тут же появляются пациенты. Хорошо еще, что еда сырая. По крайней мере, ничего не остынет.

Доктор осмотрел ребенка и сразу сказал, что причина болезни — переохлаждение.

— Огоны! Вот что ему нужно! — сказал Доктор, обращаясь к Длинной Стреле. — Это и вам нужно. Этот ребенок может умереть от воспаления легких, если его не согреть.

— Вы правы. Но как добыть огонь? — спросил Длинная Стрела. — Где его взять? Это очень сложно. Все вулканы на острове уже давно заглохли.

Мы начали шарить по карманам, пытаюсь найти хоть одну пичку, и отыскали две целых и одну сломанную. Их головки сильно отсырели в морской воде.

— Послушайте, Длинная Стрела, — обратился к нему Доктор. — Есть разные способы добыть огонь без спичек. Первый: нужно сильное увеличительное стекло и солнечный луч. Но поскольку солнце уже село, мы не можем воспользоваться стеклом. Другой способ: трением. Но ведь день уже кончился? Тогда, боюсь, нам придется ждать до утра. Тут понадобятся не только палки, но и пух из беличьего гнезда. А без фонарей в это время мы ничего не найдем в лесу.

— Белый Человек! Ваша хитрость и ловкость, несомненно, велики, — ответил Длинная Стрела. — Но вы плохо знаете индейцев. Люди, не знакомые с огнем, прекрасно видят в темноте. Раз уж у нас нет фонарей, мы научились видеть в самой глухой и беззвездной ночи. Я пошлю своих друзей, и они через час принесут вам беличье гнездо.

Он кивнул двум мальчишкам, нашим помощникам, и они тотчас скрылись из виду. Действительно, прошло совсем немного времени, и две палки и беличье гнездо лежали у наших ног.

Луна еще не взошла, в доме царила кромешная тьма. Но индейцы передвигались свободно, как днем. Доктор пытался разжечь огонь исключительно на ощупь. Он просил то Длинную Стрелу, то индейцев дать ему в руки палки, а потом соединить их, что ему никак не удавалось одному. Тут я сделал любопытное открытие. Постепенно и понемногу я тоже начинаю видеть в темноте. Тогда я понял, что кромешной темноты не бывает, если только дверь чуть приоткрыта, а над головой у нас небо.

Доктор взял одну из принесенных палок, вырезал паз посередине, положил ее на землю и укрепил в пазу вертикально другую палку. Затем он попросил у индейцев лук, ослабил тетиву и принялся мастерить устройство, которое африканцы используют, чтобы добыть огонь трением. С помощью лука Доктор стал быстро-быстро вращать палку, поставленную вертикально. Из паза потянулась струйка дыма. Доктор попросил положить вокруг паза беличий пух и, не прекращая вращения, начал раздувать огонь. Дым наполнил комнату. Вдруг в темноте мелькнула искра. Беличье гнездо вспыхнуло!

Индейцы зашептались от изумления. Они упали на колени и стали молиться огню, потом захотели взять его в руки и поиграть с ним. Нам пришлось объяснить, как пользоваться огнем

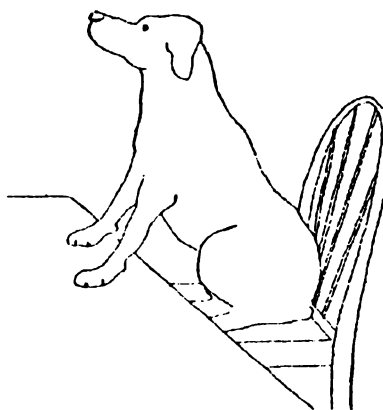
Они с удивлением смотрели, как мы положили рыбу на костер, чтобы зажарить, и с удовольствием втягивали носом воздух. Первый раз в истории острова запах жареной рыбы пронесся по деревне.

Мы послали индейцев за вязанками хвороста, а потом развели огромный костер на главной улице. Вокруг костра, привлеченное его теплом, собралось целое племя. Зрелище было удивительное. Я навсегда его запомнил. Под черным ночным небом ревели веселое пламя. Вокруг него кольцом стояли индейцы. Огонь отражался на их бронзовых щеках, белых зубах и в сверкающих глазах. Все они пытались согреться, смеялись и толкали друг друга, как школьники.

Вскоре мы научили их следить за костром. Доктор сказал, что огонь можно внести в хижины, оставив в крыше отверстие для выхода дыма. Перед тем, как мы легли спать после такого длинного утомительного дня, мы в каждую хижину внесли по маленькому факелу.

Индейцы, ко всеобщей радости, наконец, согрелись. Мы думали, что они вообще никогда не лягут спать.

Маленькая деревня вся гудела от слухов: поспипители собирались, чтобы поговорить о чудесном бледнолицем госте и необычной замечательной вещи, которую он принес с собой, — об огне!

Глава IV

ПОЧЕМУ ПОПЛЫЛ ОСТРОВ

Познав доброту поспипителей, мы очень скоро увидели: если нужно что-нибудь сделать, то сделать это следует тайком. Доктор был так любим всеми, что стоило ему только показаться утром в дверях, как толпы восхищенных, терпеливо ожидающих поклонников приветствовали своего кумира и повсюду следовали за ним. После героической добычи огня эти люди непрерывно ожидали от Доктора чудес и боялись пропустить их.

Утром мы с огромным трудом скрылись от толпы и вместе с Длинной Стрелой отправились исследовать остров. Углубившись в лес, мы обнаружили, что не только деревья и растения страдали от холода, животные оказались даже в более затруднительном положении. Везде были видны дрожащие, взъерошенные птицы, собирающиеся стайками для полета в теплые края. Множество замерзших птиц лежало на земле. Спускаясь к берегу, мы встретили крабов, спешащих в море, и продвигаясь на юго-восток, заметили плывущие айсберги. Похоже, приближалась Антарктида.

Вглядываясь в море, мы увидели наших друзей — дельфинов, прыгающих над волнами. Доктор окликнул их, и они подплыли к берегу.

Он спросил, далеко ли Южный Полярный Континент.

— Около ста миль, — сказали они и поинтересовались, зачем это ему нужно знать.

— Потому что наш плавучий остров, увлекаемый течением дрейфует все время в южном направлении. Обычно остров должен быть где-то в тропической зоне, где царит вечное лето. Если он вскоре не прекратит движения на юг, все живое погибнет.

— Хорошо, — сказали дельфины. — Тогда все дело в том, чтобы вернуть его обратно в теплые края, верно?

— Да, но как? — спросил Доктор. — Мы не можем грести назад.

— Конечно, — согласились дельфины. — Но киты, если бы вы собрали их в нужном количестве, могли бы толкать его.

— Великолепная идея! Киты, в самом деле, киты! — воскликнул Доктор. — Вы не могли бы их найти для меня?

— Конечно, — ответили дельфины. — Мы как раз проплыли мимо их стада, резвящегося среди айсбергов, и попросили приплыть сюда. Если их будет маловато, поищем еще. Лучше, чтобы их было побольше.

— Спасибо, — сказал Доктор. — Вы очень добры. Между прочим, не знаете ли вы, как этот остров стал плавучим? Как я заметил, по крайней мере, половина его — из камня. Странно, что он вообще плавает, не так ли?

— Это действительно необычно, — согласились дельфины. — Но на самом деле очень просто. Этот остров был выступающей частью скалистой Южной Америки, что-то наподобие гигантского выступа. В ледниковый период тысячи лет назад он оторвался от материка и, полый внутри, в силу каких-то странных обстоятельств, падая в океан, наполнился воздухом. Вы видите меньше половины острова, большая его часть вод водой. А внутри весь он вместе со своими скалами — полый, и там, как в огромной каменной комнате, скопилось много воздуха. Это и держит его на воде.

— Какой специфический пеномен! — сказал Бумпо.

— В самом деле, — признался Доктор. — Я должен отметить это.

И он достал свою вечную записную книжку.

Прыгая над водой, дельфины отправились к айсбергам и вскоре мы увидели, что море начало вздыматься и пениться. К острову мчалось большое стадо китов.

Их было сотни две.

— Они здесь, — сказали высунувшиеся из воды дельфины.

— Хорошо, — сказал Доктор. — Теперь объясните им, пожалуйста, что это очень важно для всех живущих на этом острове. И спросите их, не будут ли они так добры отправиться к дальнему концу острова и оттолкнуть его куда-нибудь к берегам Южной Бразилии.

Дельфинам, очевидно, удалось убедить китов выполнить просьбу Доктора. Вскоре мы увидели, что громадные животные двинулись к южному берегу острова.

Мы улеглись на пляже в ожидании событий.

Примерно через час Доктор поднялся и бросил в море палку. Какое-то время она лежала на воде неподвижно, но вскоре, мы увидели, начала медленно удаляться от берега.

— Ну, видите? — обрадовался Доктор. — Остров, наконец, поплыл в нужном направлении. Слава Богу!

Палка исчезала вдали все быстрее и быстрее, айсберги у линии горизонта становились все меньше и меньше. Очертания их постепенно расплывались.

Доктор вытащил часы, бросил в воду еще несколько палок и что-то быстро подсчитал.

— Гм! Четырнадцать с половиной узлов в час, — пробормотал он. — Очень хорошая скорость. Так мы дней через пять вернемся назад к берегам Бразилии. Ну, так-то вот, просто камень в души свалился. Я заявляю: мне уже становится теплее. Пойдем обедать.

Глава V

ВОЙНА

По пути в деревню Доктор обсуждал с Длинной Стрелой тайны природы. Однако едва начавшаяся беседа о растениях была прервана стремительным появлением индейского гонца с посланием.

Длинная Стрела с серьезным видом выслушал сбивчивую, несвязную речь, затем повернулся к Доктору и сказал ему на орлином языке:

— Великий Белый Человек, злая беда пришла к попсипитлям. Южные соседи, вороватые бэг-джегдерегы, уже давно бравшие завистливые взгляды на наши запасы зрелого зерна, ступили на тропу войны и движутся на нас.

— В самом деле, скверные новости, — согласился Доктор. — Но давайте не будем отчаиваться. Возможно, они пошли на это только чтобы добиться еды, видя, что их урожай побит морозом до жатвы. Ведь у них еще холоднее, чем у вас.

— Совершенно незачем оправдывать кого-либо из племени бэг-джегдерегов, — сказал Длинная Стрела, потряхнув при этом головой. — Все это ленивый, беспомощный народ. Они ничего не

делают, а только ищут возможности добыть зерно без труда. Если бы их племя не было таким большим и если бы они не надеялись победить своих соседей просто благодаря явному численному превосходству, они никогда бы не осмелились открыто пойти войной на храбрых попсипителей.

Когда мы вернулись в деревню, там все кипело от возбуждения. Мужчины приводили в порядок луки, заостряли наконечники копьев, оттачивали боевые топоры, заготавливали сотни стрел. Женщины строили вокруг деревни высокую изгородь из бамбука. Разведчики и гонцы приходили и уходили, принося известия о передвижении неприятеля. Высоко на деревьях и холмах вокруг деревни сидели наблюдатели и следили за горами на юге.

Длинная Стрела представил невысокого коренастого индейца Доктору. Его звали Большие Зубы. Это был главный боец попсипителей.

Доктор вызвался пойти взглянуть на врага и попытаться уладить дело миром, поскольку война, по его словам, дело глупое. Его собеседники покачали головами, заявив, что этот план безнадежен. Во время прошлой войны, когда они отправили своего посланца потолковать о мире, враги просто зарубили его топором.

В тот момент, когда Доктор спрашивал Большие Зубы, как тот собирается защищать деревню от нападения, наблюдатели подняли тревогу, крича:

— Они идут! Бэг-джегдерег! Их тысячи! Они потоком спускаются с гор!

— Ну что ж, — сказал Доктор, — полагаю, что здесь всего на день работы. Я противник войны, однако если деревню атакуют, мы должны помочь ее защитникам.

Тут он поднял с земли дубинку и испытал ее прочность на камне.

— Это, похоже, вполне подходящий инструмент для меня, — сказал он и отправился к бамбуковой изгороди, чтобы занять место в рядах участников будущего сражения.

Мы тоже добыли себе оружие, чтобы помочь нашим друзьям, храбрым попсипителям. Я одолжил лук и полный колчан стрел, Джип решил положиться на свои старые, но еще крепкие зубы. Чи-Чи набрала сумку камней и залезла на пальму, откуда могла бросать их на голову врагам, а Бумпо,

вооружившись молоденьким деревом и дверным косяком, маршировал вслед за Доктором к ограде.

Когда неприятель подошел близко, мы все открыли рты от изумления. Все склоны холмов были усеяны врагами, их были тысячи и тысячи, и наша армия в деревне казалась просто ничтожной.

— Святые угодники, — пробормотал Полинезия. — Наш маленький островок не устоит против такого потока. Но этому ни когда не бывать. Я отправляюсь за подмогой.

Я не знал, куда он намеревается пойти и что за помощь собирается искать. Он просто исчез.

Джип, услышавший наш разговор, просунул нос между стволами бамбуковой изгороди, чтобы получше рассмотреть врагов, и сказал:

— Вполне возможно, он отправился за Черными Попугаями. Будем надеяться, что он найдет их вовремя. Вы только взгляните на этих неуклюжих негодяев, спускающихся с гор. Их ведь миллионы! Похоже, в этой битве нам всем придет конец.

Джип был прав. Меньше чем через четверть часа наша деревня была полностью окружена огромной толпой пронзительно кричащих и производящих невероятный шум бэг-джегдерегов.

Теперь я вновь подхожу к той части рассказа о наших путешествиях, где события развиваются столь стремительно, что, оглядываясь назад, вижу весьма беспорядочную картину. Я знаю, что если бы не было Ужасной Тройки — Длинной Стрелы, Бумпо и Доктора (как их впоследствии с любовью стали величать в истории попсипителей) — война бы закончилась очень скоро и остров захватили негодяи — бэг-джегдереги. Но англичанин, африканец и индеец втроем стоили полка, и против них не могли устоять враги, рвавшиеся в деревню.

Бамбуковая изгородь, сооруженная на скорую руку, были непрочной защитой и с толпившиеся вокруг враги то тут, то там стали проникать в деревню.

Тогда Доктор, Длинная Стрела и Бумпо спешили к месту прорыва, там разгорался жестокий рукопашный бой, и враги отбрасывали прочь. Но сигнал тревоги раздавался почти постоянно то из одного, то из другого пролома. Тройка спешила туда, и все повторялось сначала.

Попсипитатели и сами по себе были неплохими воинами, но сила и мощь тройки помощников из разных стран и с разным

цветом кожи, стоящих вплотную друг к другу, размахивающих огромными боевыми дубинками, действительно вызывала удивление и восхищение.

Много недель спустя, проходя ночью мимо индейского лагерного костра, я услышал, как пели вот эту песню. С тех пор она стала одной из любимых песен пописпителей.

ПЕСНЯ ОБ УЖАСНОЙ ТРОЙКЕ

*О, слушайте песню о Тройке Ужасной,
Ведущей у моря с врагом бой опасный.
Со скал и холмов, с диких гор и утесов
Бэг-джегдереги неслись, словно осы.*

*Деревня в кольце, нас беда окружает,
Защитные стены легко враг ломает.
Но Небо решило спасти нам свободу,
И Тройка явилась на помощь народу.*

*Один из них Черный, он в Африке рос,
Другой — краснокожий и ростом с утес.
Но главным был Белый, на пчелку похожий.
Ужаснее тройки быть в мире не может.*

*Плечом к плечу встав, они бились с врагами,
Валили их наземь руками, ногами.
Как демоны, злобны, страшны, беспощадны,
Сметали врагов набегавших отряды.*

*Силен краснокожий и яростен черный.
Враги отступают дорогою горной.
А Белого встретив, кричат: "Берегись!
Людей он швыряет десятками ввысь!"*

*С тех пор все враги темной ночью ненастной
Страшают детей Белым, Черным и Красным.
А мы споем песню о Тройке Ужасной,
Ведущей у моря с врагом бой опасный.*

Глава VI

ГЕНЕРАЛ ПОЛИНЕЗИЯ

Но увы! Даже Тройка, какой бы могучей она ни была, не могла вечно удерживать позиции против бесчисленной вражеской армии. В один из самых ожесточенных моментов борьбы, когда неприятель пробил особенно широкий проход сквозь изгородь, я увидел, как Длинная Стрела упал. В его широкий груди торчало копье.

Следующие полчаса Доктор и Бумпо сражались плечом к плечу. Не могу сказать, как у них хватало на это сил, ведь не оставалось ни секунды, чтобы перевести дыхание.

Доктор. Тихий, добрый, миролюбивый Доктор! Да вы бы не узнали его, если бы увидели в тот день. Он наносил удары, которые были слышны за милю, бил и разил во всех направлениях.

Что же касается Бумпо с его вытаращенными глазами и зловеще сжатыми губами, то он был вылитым дьяволом. Никто не осмеливался попасть в пределы досягаемости страшного, быстровращающегося дверного косяка. В конце концов камень, брошенный умелой рукой, попал ему прямо в лоб, и второй из Тройки упал на землю. Джон Дулиттл, последний из Ужасных, продолжал сражаться в одиночку.

Мы с Джипом бросились к нему и попробовали занять место упавших. Но было совершенно ясно, что мы, такие легкие и маленькие, были плохой заменой. Был выломан еще один кусок изгороди, и сквозь широкую брешь бэг-джегдереги хлынули на нас потоком.

— Все на каное! К морю! — закричали поспешители. — Спасайтесь! Все кончено! Война проиграна!

Но у Доктора и у меня не было возможности спастись бегством. Мы были сбиты с ног и распластаны на земле. А упав, уже не могли подняться из-за толпы. Я боялся, что мы будем наверняка растоптаны насмерть.

Но в тот момент грохот и шум битвы заглушил самый ужасный звук, который когда-либо терзал человеческий слух: пронзительный крик миллионов и миллионов попугаев.

От бойцов армии, которую Полинезия привел для нашего спасения, потемнело все небо на западе. Я спрашивал впоследствии Полинезию, сколько же там было птиц, и он отвечал, что точно сказать нельзя, но, наверняка, от шестидесяти до семидесяти миллионов. С невероятной для них скоростью попугаи прилетели с южноамериканского материка.

Если вы когда-нибудь слышали, как кричит разъяренный попугай, то признаете: это действительно пугающий звук. А уж если вас когда-нибудь кусал попугай, то нет нужды объяснять, как это больно.

Черные Попугаи (они были действительно черные, как уголь, за исключением ярко-красного клюва и красной полоски на крыле и на хвосте) по команде Полинезии принялись обрабатывать бэг-джегдерегов, которые растекались по деревне в поисках добычи.

Воевали Черные Попугаи особым способом. На голову каждого бэг-джегдерега садилось по три-четыре попугая, хорошенько цеплялись когтями за волосы, потом свешивались с разных сторон и начинали, словно компостируя билеты, протыкать бэг-джегдерегам уши. Вот и все. Но благодаря этому мы победили.

С жалобными завываниями, падая друг на друга, бэг-джегдереги со всех ног помчались от проклятой деревни. Их попытки стряхнуть попугаев были бесполезны, так как на каждую голову всегда приходилась еще четверка птиц, нетерпеливо ожидающих своей очереди.

Некоторым врагам повезло: им удалось выбраться за ограду, прежде, чем уши превратились в некое подобие почтовой марки или даже гребенки. За оградой попугаи отпускали беглецов. Но большинству все же крепко досталось. Раны были весьма болезненными, хоть и не слишком опасными. В дальнейшем бахрома на ушах стала отличительной приметой мужчин племени бэг-джегдерегов. По мнению местных франтов, это изрядно уменьшало их привлекательность, но зато свидетельствовало об участии в Великой Войне, чем и оправдывались неудачливые воины, беседуя с юными леди своего племени. Много позже среди индейских племен за бэг-джегдерегам закрепилось прозвище

"Рваные Уши". Ученые только гадают о причинах такого переименования.

Как только деревня была очищена от врага, Доктор отправился к раненым.

Несмотря на продолжительность битвы, серьезных ранений было на удивление мало. Больше всех пострадал бедняга Длинная Стрела. После того, как Доктор промыл ему рану и уложил в постель, он открыл глаза и заявил, что чувствует себя уже лучше. Бумпо же отделался легкой контузией.

Когда первая помощь была оказана, Доктор попросил Полинезию, чтобы Черные Попугаи прогнали бэг-джегдерегов до границы их владений и караулили их там всю ночь.

Полинезия коротко скомандовал, и миллионы попугаев, открыв свои красные клювы, еще раз издали свой ужасающий боевой клич.

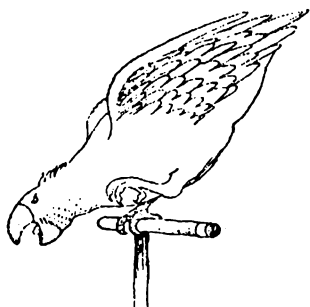
Бэг-джегдерегои не стали дожидаться, когда их искусят вторично, и в суматохе побежали через горы. Полинезия и его победоносная армия следовали за ними, как огромная грозная черная туча.

Доктор поднял свою шляпу и, осторожно отряхнув, водрузил на голову.

— Завтра, — сказал он, грозя кулаком горам, — мы утвердим условия примирения и сделаем это в Городе бэг-джегдерегов!

Попсипители сопровождали его слова возгласами вояхищения.

Война закончилась.

Глава VII

МИР, ЗАКЛЮЧЕННЫЙ БЛАГОДАРЯ
ПОПУГАЯМ

На другой день мы отправились на дальний край острова. Добираться туда пришлось по морю на каноэ. В Городе бэг-джегдерегов мы оставались не больше, чем это было необходимо.

Когда Доктор вступил в битву, защищая пописипителей, я впервые увидел его по-настоящему сердитым. Но гнев, вспыхнув однажды, не торопился остывать. По пути к морю он не переставал ругать этих трусов, напавших на пописипителей для того, чтобы захватить чужое зерно. Его возмущало, что бэг-джегдереги были слишком ленивы и не умели обрабатывать землю. Сердился он и тогда, когда прибыл в Город бэг-джег-дерегов.

Длинная Стрела не поехал с нами, он был еще слишком слаб после ранения. Но Доктор, всегда столь способный к языкам, уже почти свободно овладел языком индейцев. Кроме того, среди полудюжины пописипителей, сопровождавших нас в качестве гребцов на каноэ, был мальчик, которого мы научили говорить по-английски. Вместе с Доктором они могли объясняться с бэг-джегдерегами. А те были очень испуганы, видя ужасных попугаев, все еще покрывавших черной тучей холмы вокруг каменного города и ожидавших команды к атаке.

Оставив каноэ, мы прошли по главной улице к дворцу вождя. Мы с Бумпо не могли сдерживать улыбки, удовлетворенно наблюдая, как ожидающая по обе стороны толпа склонила голову до земли, в то время как Доктор — маленький, круглый, сердитый — важно выступал посреди нас, задрав нос.

Вождь и все знатные люди племени ожидали Доктора у ступенек дворца. Они улыбались и дружески протягивали руки, но Доктор не обратил на это ни малейшего внимания. Торжественным шагом он прошел мимо них к дверям. Здесь он повернулся и сразу же громким твердым голосом обратился к присутствующим.

Я не слышал такой речи за всю свою жизнь, да и все собравшиеся тоже, в этом я вполне убежден. Прежде всего, Доктор обозвал их трусами, бездельниками, ворами, бродягами, неуме-

хами и задирами. Потом сказал, что серьезно подумывает, не разрешить ли попугаям загнать бэг-джегдерегов в море, дабы раз и навсегда очистить эту благодатную землю от их никчемных туш.

При этих словах поднялся громкий крик: бэг-джегдереги молили о пощаде, вождь и все остальные упали на колени, повторяя, что согласятся на любые условия Доктора.

Тогда Доктор позвал одного из знавших рисуночное письмо и на каменных стенах дворца бэг-джегдерегов заставил его записать условия мира. Этот договор известен как мир, заключенный благодаря попугаям, и (в отличие от большинства соглашений) его условия строго выполнялись и выполняются по сей день.

Договор был весьма длинным. Половина дворцового фасада была покрыта рисунками, пятьдесят банок краски пошло на эту скучную запись. Но главное заключалось в том, что войн больше не будет и что два племени торжественно обещают всегда помогать друг другу в случае неурожая или других бедствий.

Все это ужасно удивило бэг-джегдерегов. Глядя на сердитое лицо Доктора, они ожидали, что он срубит, по крайней мере, сотни две голов, а оставшихся в живых, возможно, обратит в пожизненное рабство.

Но когда они увидели, что он желает им добра, страх сменился необыкновенным восхищением. И как только Доктор закончил длинную речь и проворно спустился по ступенькам, чтобы пойти назад к каноэ, группа старейшин бросилась к его ногам с криком:

— Останься с нами, Великий Господин, и все сокровища бэг-джегдерегов потекут в твои руки. Мы знаем золотые прииски в горах и местоположение жемчужниц на дне моря. Только останься с нами, ведь твоя всесильная мудрость может привести наш Совет и наш народ к процветанию и миру!

Доктор поднял руку, требуя тишины.

— Никто не захочет быть гостем у бэг-джегдерегов, пока они делами не подтвердят, что стали порядочными людьми. Честно соблюдайте условия Мира, и вы сами добьетесь процветания. Прощайте!

Потом он повернулся и вместе со мной, Бумпо и попсипителями стремительно двинулся вниз к каноэ.

Глава VIII

ВИСЯЧИЙ КАМЕНЬ

В душах бэг-джегдерегов произошел настоящий переворот. Доктор произвел на них впечатление, большее, чем сам тогда думал. Честно говоря, мне иногда кажется, что его речь на ступеньках дворца подействовала на индейцев острова Спайдеманки сильнее, чем любое из его великих дел, которое, будучи великим само по себе, всегда преувеличивалось и превозносилось, когда слух о нем передавался из уст в уста.

Едва Доктор пришел на берег к лодкам, ему принесли больную девочку. Заболевание было легким, и он быстро ее вылечил. Популярность Доктора еще более возросла. И когда он вошел в лодку, все по-настоящему разрыдались. Казалось (и это подтвердилось позже), они думали, что Доктор уезжает за море, в замечательные, таинственные, чужие края, откуда прибыл, и никогда уже не вернется.

Некоторые из старейшин говорили с поспипителями, пока мы удалялись от берега. Я не понял сказанного, но мы заметили, что несколько каноэ с бэг-джегдерегами сопровождали нас на приличной дистанции весь обратный путь.

Доктор решил вернуться с другой стороны, чтобы мы смогли объехать остров целиком.

После того, как пологий берег удалился, мы увидели скалистый мыс, вокруг которого море бушевало, пенилось и бурлило. Подплыв ближе, мы обнаружили, что все это происходило благодаря нашим друзьям-китам, которые все еще продолжали добросовестно трудиться, транспортируя остров. Мы были так заняты войной, что совсем забыли о них. Но когда, остановившись, мы увидели их мощные хвосты, рассекающие воду, то внезапно осознали, что уже довольно долго не чувствуем холода. Поплыв быстрее, чтобы не упустить остров, мы двинулись дальше вдоль побережья, замечая, что деревья на берегу выглядят уже свежее и лучше. Остров Спайдеманки возвращался к привычному теплу.

Примерно на полпути к попсипителям мы высадились на берег и провели два или три дня, исследуя центральную часть острова. Индейцы помогали нам взобраться на горы, очень отвесные и высокие. И они показали нам то, что называли Скалами Шепота.

Место это, действительно, необычайное. Оно походило на огромный бассейн или цирк в горах. В центре возвышался громадный, похожий на стол, камень, а на нем — стул из слоновой кости. Высокие горы поднимались вокруг ступеньками, как в театре, и только узкий проход открывал вид на море. Это напоминало концертный зал для великанов, а каменный стол в центре — сцену для актеров или место для оратора.

Мы спросили наших проводников, откуда взялось такое странное название — Скалы Шепота. Они ответили:

— Спуститесь, и мы услышим вас.

Гигантская чаша уходила на мили вглубь и вширь. Мы сползли вниз по скалам, и индейцы показали нам, что там, даже отойдя друг от друга на сотню шагов, можно было переговариваться шепотом, и любой человек в театре слышал вас. Это происходило, как объяснил Доктор, благодаря эху, многократно отражавшемуся от высоких скалистых стен.

Наши проводники сказали, что много лет тому назад, когда попсипителям принадлежал весь остров Спайдеманки, их монархи короновались именно здесь. Стул из слоновой кости был их тронem. Все индейцы острова помещались в этом огромном театре во время коронации.

Проводники показали нам и громадный камень, нависший над краем вулкана, — высочайшую точку на острове. Хотя камень был очень высоко над нами, мы видели его вполне отчетливо. Казалось, он держался так непрочно, что его можно было столкнуть одной рукой. Согласно легенде, когда величайший из королей попсипителей будет короноваться, сидя на стуле из слоновой кости, висячий камень сорвется в кратер вулкана и попадет прямо в центр земли.

Доктор сказал, что хотел бы подойти и познакомиться с этим чудом поближе.

Когда мы взобрались на край кратера вулкана (что отняло полдня), то убедились, что камень действительно невероятно велик — с кафедральный собор. А черный кратер казался бездонным. Доктор объяснил, что вулканы иногда выбрасывают

пламя из этих дыр на вершинах, но на плавающих островах вулканы остаются холодными и мертвыми.

— Стаббинс, — сказал он, глядя на большой камень, вздымавшийся над нами. — Знаешь ли ты, что скорее всего произошло бы, если бы этот валун свалился?

— Нет, — ответил я, — а что?

— Ты помнишь о воздушной комнате, которая, по словам дельфинов, находится внизу, в центральной части острова?

— Да.

— Так вот, камень достаточно тяжел, чтобы, свалившись в кратер вулкана, пробить сверху воздушную комнату. Когда это случится, воздух улетучится, и плавающий остров не будет больше плавать. Он утонет.

— Но тогда утонут все его жители, верно? — заволновался Бумпо.

— О нет, не обязательно. Это будет зависеть от глубины моря, когда он погрузится. Остров может коснуться дна, когда опустится, скажем, на сотню футов. Но тогда большая его часть будет выступать над водой, не правда ли?

— Да, — сказал Бумпо, — я предполагаю, что примерно так и будет. Но, возможно, камень не остановится в центре Земли, а пробьет ее насквозь и выйдет с другой стороны.

Много чудес показали нам в центральных областях острова. Но сейчас у меня нет ни места, ни времени, чтобы рассказать о них.

Спустившись на берег, мы обнаружили, что даже здесь за нами все еще наблюдают издали бэг-джегдереги. И когда мы опять вышли в море, их люди двинулись впереди нас. Поскольку каноэ бэг-джегдерегов было легче, они плыли быстрее, и мы определили, что они подойдут к деревне — если именно туда добирались — на несколько часов раньше нас.

Доктора беспокоило самочувствие Длинной Стрелы, все налегли на весла и продолжали путешествие при луне всю ночь.

К поспипителям мы вернулись на рассвете.

К нашему великому удивлению, никто в деревне не ложился спать. Огромная толпа собралась вокруг дома мертвого вождя.

Когда мы выталкивали наши каноэ на берег, то увидели старейшин племени, выходящих из хижины.

Мы спросили, что все это значит. Оказалось, всю ночь шли выборы нового вождя. Бумпо поинтересовался, кого избрали. Но

результаты еще не оглашались. Имя нового вождя надлежало назвать в полдень.

Как только Доктор посетил Длинную Стрелу и увидел, что дела у того идут превосходно, мы отправились к своему дому на дальнем конце деревни. Здесь мы позавтракали, а затем улеглись, чтобы хорошенько отдохнуть.

В отдыхе мы действительно нуждались, ибо наша жизнь была напряженной и хлопотливой с тех пор, как мы оказались на острове. И только наши усталые головы опустились на подушки, как вся команда сонно засопела.

Глава IX

ВЫБОРЫ

Разбудила нас музыка. Ослепительно яркий свет солнца струился в дверь. Снаружи играл оркестр. Мы поднялись и взглянули на улицу. Вокруг нашего дома собралось все племя поспипителей. Мы привыкли, что несколько любопытных всегда часами стоят у дверей нашего дома, но сейчас это была огромная толпа, разодетая, как на праздник. Яркие бусы, перья, пестрые одежды... Многие пели или играли на раскрашенных деревянных свистульках или барабанах.

На двери нашего дома сидел Полинезия. Пока мы спали, он прилетел от бэг-джегдерегов и теперь наслаждался представлением. Мы спросили его, что происходит.

— Объявили результаты выборов, — ответил попугай. — В полдень сообщили имя нового вождя.

— И кто же это? — спросил Доктор.

— Ты, — спокойно ответил Полинезия.

— Я?! — открыл от удивления рот Доктор. — Ну и дела!

— Да-да, — повторил попугай. — Речь идет о тебе. Более того, они дали тебе другое имя. Им кажется, что имя Дулиттл, которое по-английски означает "сделавший мало", совсем не годится для такого, как ты. Теперь тебя будут звать Джон

Синкелот, что означает "думающий много". Как тебе это нравится?

— Но я не хочу быть вождем, — раздраженно сказал Доктор.

— Боюсь, тебе не удастся выпутаться, если только ты не хочешь вновь отправиться в море на одной из этих углых лодчонков. Видишь ли, тебя избрали не только вождем пописипителей, ты будешь королем всего острова Спайдеманки. Бэг-джегдереги, которые так хотели, чтобы ты управлял ими, послали сюда своих гонцов, и когда те узнали, что тебя этой ночью изберут вождем пописипителей, то ужасно огорчились. Но как бы там ни было, опасаясь навсегда лишиться твоей помощи, бэг-джегдереги предпочли лишиться собственной независимости и настояли на объединении с пописипителями, чтобы ты мог стать вождем обоих племен. Так что теперь ты их владыка.

— О Боже, — простонал Доктор, — ну к чему мне это? Черт возьми, я не хочу быть королем!

— Мне казалось, Доктор, — заметил я, — что вы будете рады. Если бы я мог стать королем!

— Да, знаю, это звучит пышно, — сказал Доктор, печально натягивая ботинки. — Но беда в том, что вы не можете принять на себя ответственность, а потом отказаться от нее, когда не будет настроения. У меня своя работа. С тех пор, как я высадился на остров, едва ли был хоть миг, чтобы я мог заняться естествознанием. Все время отвлекали чужие дела. А теперь они хотят, чтобы я продолжил в том же духе. Что ж, как только я стану королем пописипителей, я не смогу оставаться стоящим натуралистом. Дел будет слишком много. А у короля, на мой взгляд, работа неинтересная.

— Ну, королю живется не так уж плохо, — возразил Бумпо. — Вот мой отец — король, и у него сто двадцать жен.

— Так это ж еще хуже, — испугался Доктор. — В сто двадцать раз хуже. У меня есть моя работа, и это — главное. Не хочу быть королем.

— Смотри, — сказал Полинезия, — сюда идут старейшины, чтобы объявить о твоём избрании. Поспеши и зашнуруй ботинки.

Толпа перед нашей дверью внезапно разделилась пополам, оставив узкий длинный проход, и мы увидели группу старейшин, шествующих к нашему дому. Идущий впереди красивый старый индеец с лицом, изборожденным морщинами,

нес в руках корону, великолепно расписанную. Спереди ее украшали два чудесных голубых пера. Вслед за стариком восемь индейцев несли паланкин — крытые носилки со стулом внутри.

Опустившись на одно колено и склонив голову почти до земли, старик обратился к Доктору, который поправлял воротничок и одновременно завязывал галстук.

— О Могущественнейший, — сказал старик. — Мы несем тебе послание от народа пописипителей. Невероятно славны твои дела, а доброта и мудрость глубже моря. Наш вождь мертв. Люди требуют достойного предводителя. Наши старые враги, бэг-джегдереги, благодаря тебе стали нашими друзьями и братьями. Они тоже хотят греться в лучах твоей улыбки. Зная это, я несу тебе Священную Корону пописипителей, что хранилась с древних времен, когда на острове еще жил единый народ под властью монарха. О Великодушный, нам поручено от имени всех людей этой страны отвести тебя к Скалам Шепота, чтобы там, с соблюдением всех достойных тебя почестей, провозгласить тебя нашим королем, Королем Плавучего Острова.

Добрым индейцам и в голову не приходило, что Джон Дулиттл захочет отказаться. Что же касается бедного Доктора, то я никогда не видел его таким расстроенным. Впервые за все время нашего знакомства он был по-настоящему встревожен. Доктор озирался по сторонам в поисках выхода.

— О Боже! — услышал я его шепот. — Что же мне делать? Никто не видел, куда я дел запонку? Так что же мне все-таки делать с воротничком без запонки? Ну и денек сегодня, однако! Может быть, она закатилась под кровать, Бумпо... Я думаю, они могли бы дать мне сутки, чтобы подумать. Где это слыхано: сонного человека поднимать с кровати и сообщать, что он будет королем, даже не дав ему умыться? Вам не приходилось видеть подобные вещи?.. А ну-ка, Бумпо, подвинься. Может, ты как раз и стоишь на этой запонке?

— Да брось ты эту запонку, — посоветовал Полинезия. — Тебя выберут королем и без воротничка. Им это безразлично.

— Послушай, я не буду короноваться! — закричал Доктор и добавил: — Если, конечно, от меня что-нибудь зависит. Я произнесу речь. Может быть, это удовлетворит их.

Он повернулся к индейцам:

— Друзья мои, — сказал он. — Я не достоин высокой чести, которую вы мне оказываете. У меня нет или почти нет никакого

опыта правления. Среди ваших собственных храбрецов вы наверняка найдете более подходящего для этой роли. Я благодарю вас за хвалу, доверие и честь. Но, умоляю, не возлагайте на меня обязанностей, которые я не смогу выполнять.

Старик-индеец повторил его слова народу погромче. Но люди потрясли головами и не тронулись с места.

Старик вновь обратился к Доктору.

– Ты избран, – возвестил он. – Они не хотят никого, кроме тебя.

Растерянное лицо Доктора внезапно озарилось надеждой.

– Я пойду к Длинной Стреле, – прошептал он мне. – Возможно, он посоветует мне, как выпутаться из этой истории.

Попросив у собравшихся прощения и оставив их у дверей, Доктор помчался к дому Длинной Стрелы.

Я следовал за ним.

Мы обнаружили нашего друга на ложе из травы перед домом. Длинную Стрелу перенесли сюда, чтобы он мог наблюдать за церемонией.

– Длинная Стрела, – быстро заговорил Доктор на орлином языке, чтобы окружающие не могли случайно подслушать, – в минуту ужасной опасности я пришел к тебе за помощью. Эти люди собираются сделать меня их королем. Если это случится, вся большая научная работа, которую я надеялся сделать, пойдет прахом, ибо кто здесь менее свободен, чем король? Умоляю тебя поговорить с ними и убедить в том, что их поступок не вполне мудр.

Длинная Стрела приподнялся на локте.

– О Великодушный! – сказал он (похоже, это стало обычной манерой обращения к Доктору), – мне ужасно жаль, что я не в состоянии исполнить твою первую просьбу, с которой ты ко мне обратился. Увы! Я ничего не могу поделать. Эти люди настолько утвердились в своей мысли задержать тебя здесь в качестве короля, что если я попытаюсь вмешаться, они прогонят меня с их острова, и в конце концов ты будешь королем. Ты должен стать им, хотя бы только на время. Мы должны так устроить, чтобы у тебя оставалось время на разгадку секретов природы. Позже мы сможем придумать план, как освободить тебя от ноши власти. Но сейчас ты должен быть королем. Это своевольное племя, и они настоят на своем. Другого пути нет.

Доктор печально отвернулся от Длинной Стрелы.

Позади него вновь оказался старик-индеец, все еще держащий корону в морщинистых руках. Королевский паланкин ждал рядом. С глубоким почтением носильщики указывали на стул, приглашая белого человека войти внутрь.

Доктор еще раз затравленно, безнадежно оглянулся по сторонам в поисках лазейки. Одно мгновение мне казалось, что он бросится улепетывать. Но толпа вокруг нас была слишком плотной, чтобы кто-либо мог пробиться сквозь нее. Оказавшийся рядом оркестр вдруг заиграл на свистульках и барабанах торжественный марш. Доктор еще раз умоляюще обернулся к Длинной Стреле с последним призывом о помощи. Но большой индеец просто кивнул головой и указал, как и носильщики, на ожидающий Доктора стул.

Наконец, почти со слезами на глазах, Джон Дулиттл медленно шагнул к паланкину и уселся в него. И когда широкоплечие носильщики поднимали Доктора, я слышал, как он тихонько бормотал:

– Черт возьми! Я не хочу быть королем!

– Прощай! – крикнул Длинная Стрела со своего ложа. – И пусть удача всегда пребывает в тени твоего трона!

– Он идет, идет! – забурлила толпа. – Пошли! Пошли! К Скалам Шепота!

И лишь только процессия покинула деревню, толпа вокруг нас устремилась к горам, чтобы занять места получше в гигантском театре, где должна была состояться церемония коронации.

Глава X

КОРОНАЦИЯ ДЖОНА ДУЛИТТЛА

За долгую жизнь мне пришлось повидать много великих и вдохновляющих событий, но я никогда не видел ничего, более впечатляющего, что могло бы хотя бы наполовину поразить меня так, как Скала Шепота в день коронации Джона Дулиттла. Как только Бумпо, Чи-Чи, Полинезия, Джип и я

подошли к гигантской чаше и глянули вниз с головокружительной высоты, мы увидели что-то вроде бесконечного океана красных, как медь, лиц: театр был заполнен, все мужчины, женщины и дети на острове, включая Длинную Стрелу, принесенного на постели, собрались, чтобы увидеть коронацию.

Еще ни один звук, ни одна упавшая булавка не нарушили торжественной тишины Скал Шепота. Все это выглядело довольно пугающе, так что у нас мурашки бежали по спине. Бумпо рассказывал мне позже, как у него перехватило дыхание и он не мог вымолвить ни слова. Африканский принц никогда не видел так много людей сразу.

Внизу, у Тронного Стола, стоял совершенно новый, ярко окрашенный тотемный столб. У каждой семьи индейцев был свой тотемный столб, укрепленный перед дверьми дома. Тотемный столб — это что-то вроде дощечки с указанием фамилии или визитной карточки. Резьба на нем рассказывает о подвигах и достоинствах семьи, которой он принадлежит. Такой вот столб, прекрасно разрисованный и гораздо более высокий, чем остальные, представлял теперь тотем Дулиттла, или, как его с этого времени называли, Царственного Синкелота. Но столбе были изображены различные животные, что указывало на великие познания Доктора в этой области. То были животные, по мнению индейцев, воплощавшие лучшие качества человека: олень символизировал скорость, бык — упорство, рыба — осторожность и так далее. Но на самой вершине тотемного столба всегда вырезался знак животного, олицетворяющего присущие семье качества, которыми она гордилась. Таким знаком на столбе Синкелота был огромный попугай — в память о знаменитом Мире, заключенном благодаря этим мудрым птицам.

Трон из слоновой кости был весь отполирован благовонным маслом и сиял белизной в лучах яркого солнца. У подножия лежало множество ветвей цветущих деревьев, которые вновь ожили в долинах.

Вскоре мы увидели королевский паланкин с Доктором, медленно поднимающийся по извивающимся ступенькам Стола. На плоской поверхности носильщики остановились, и Доктор ступил на ковер из цветов. Стояла мертвая тишина. Я отчетливо услышал, как хрустнула веточка под ногой Доктора.

В сопровождении старика-индейца Джон поднялся на пьедестал, а затем уселся на трон. Какой крошечной с этой огромной высоты показалась его круглая маленькая фигурка! Трон был предназначен для рослых королей, и ноги Джона Дулиттла, не косались земли. До ближайшей ступеньки было около шести дюймов.

Затем старик-индеец, повернувшись кругом и глядя вверх, говорил медленно, тихо, ровно, но каждое слово было отчетливо слышно в самом дальнем уголке гигантского амфитеатра.

Он перечислил имена всех великих королей попсипителей, которые в стародавние времена короновались на этом стуле из слоновой кости. Он говорил о величии попсипителей, об их традициях и тяжелых испытаниях. Затем, указывая на Доктора, он принялся перечислять все, что сделал этот кандидат в короли. И, должен сказать, подвиги Доктора затмевали дела тех, кто короновался здесь раньше.

Как только старик стал перечислять подвиги Доктора, все люди, не произнося ни единого слова, указали правой рукой на трон. Выглядело это весьма впечатляюще.

Наконец, старик закончил речь, поднялся по ступенькам к стулу и с почтением снял поношенный цилиндр Доктора. Он уже собирался положить его на землю, но Джон Дулиттл поспешил взять его и положил себе на колени. Затем индеец поднял Священную Корону и возложил ее на голову Джона Дулиттла. Корона оказалась маловата, и, когда с залитого солнцем моря подул свежий ветер, Доктор еле удерживал ее. Но выглядела она просто великолепно.

Повернувшись еще раз к народу, старик сказал:

— Люди из племени попсипителей, вот избранный вами король. Вы довольны?

И тогда, наконец, раздался глас народа:

— Джон! Джон! Да здравствует король Джон!

Это прозвучало, как залп сотни пушек. Здесь, где даже шепот был слышен на расстоянии мили, шок был особенно силен. Отражаясь от скал, гул разносился по театру. Я думал, эхо не стихнет, оно с грохотом неслось над всем островом, ревя в низких долинах, шумя в дальних морских пещерах.

Вдруг я увидел, что старик указывает на высочайшую вершину острова, и, обернувшись через плечо, увидел, как висячий камень медленно валится прямо в кратер вулкана.

— Смотрите, люди Плавучего Острова! — закричал старик. — Камень упал, и наша легенда стала былью: в этот день коронован Король всех Королей!

Доктор также увидел падение камня и теперь привстал и выжидающе смотрел на море.

— Он думает о воздушной комнате, — прошептал мне на ухо Бумпо. — Будем надеяться, что море здесь не слишком глубоко.

Только через минуту (столько времени ушло на падение камня) мы услышали приглушенный, далекий, дробящий удар и тут же вслед громкий свист выходящего воздуха. Доктор вновь уселся на трон, все еще пристально всматриваясь в голубые воды океана.

Вскоре мы почувствовали, что остров стал медленно оседать под нами, потом увидели, как море заливает землю, а берега уходят под воду — на фут, три и десять, потом двадцать, пятьдесят, сто. Наконец, нежно, так нежно, как бабочка садится на розу, все замерло. Остров Спайдеманки обрел покой, коснувшись песчаного дна Атлантического океана, земля вновь соединилась с землей.

Конечно, множество домов на берегах оказалось под водой. Деревня поспипителей совершенно исчезла. Но все это было неважно. Ни один человек не утонул, так как все жители острова находились высоко в горах и наблюдали за коронацией.

Сами индейцы в тот момент не понимали смысла происходящего, хотя, конечно, почувствовали, что остров уходит у них из-под ног. Доктор впоследствии говорил нам, что, должно быть, именно колебание воздуха от того ужасного крика, вырвавшегося у миллиона людей одновременно, столкнуло висячий камень. Но в истории поспипителей записано (и в это твердо верят по сей день), что, когда король Джон уселся на трон, столь велик оказался его вес, что целый остров, опустившись, коснулся дна моря и замер навечно.

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ

Глава I

ЦАРСТВОВАНИЕ ДЖОНА СИНКЕЛОТА

Джон Синкелот управлял своим новым королевством дня два, но мои понятия о королях и образе их жизни сильно изменились. Я думал, что короли только и делают, что сидят на троне. Оказалось, труд короля - самый тяжелый в мире, если монарх относится к своему делу серьезно.

Семь дней в неделю, с рассвета и до темноты, Джон Дулиттл был занят, занят и занят. Прежде всего, следовало выстроить новый город, поскольку деревня пописипителей исчезла. Место подбирали очень тщательно и выбрали на славу - возле устья большой реки. Берега острова образовали здесь обширную бухту, где лодки и корабли (если бы корабли пришли сюда) могли стать на якорь, не опасаясь шторма.

При строительстве города Доктор подарил индейцам множество новых идей. Он объяснил, как построить городскую канализацию и как собирать и сжигать мусор. Высоко в горах он запрудил поток и создал большое озеро. Оно снабжало водой город. Ничего подобного индейцы никогда не видели, и многие болезни, от которых они страдали раньше, были предотвращены благодаря надлежащему дренажу и чистой питьевой воде.

Люди, не знающие огня, не знают, конечно, и металла, потому что без огня почти невозможно придать форму железу. Одной из главных забот Джона Дулиттла были геологические изыскания. Он нашел в горах залежи железа и меди.

Потом он принялся учить индейцев, как плавить эти металлы и делать из них ножи, плуги, водопроводные трубы и любые другие вещи. Доктор изо всех сил старался избавить королевский двор от пышных, но бесполезных церемоний. Он говорил нам с Бумпо, если уж стал королем, то будет при этом

настоящим демократом и останется другом своих подданных. Когда он начертил план города, там не было никакого дворца. Небольшой домик в тихой улочке — вот все, что он предусмотрел для себя.

Но индейцы не могли допустить такого ни в коем случае. Они требовали, чтобы король выстроил себе величественный дворец. Самый величественный из всех, что когда-либо существовали. В остальном они дали Доктору полную свободу действий, позволяя лишь уклониться от церемоний и парадов. Днем и ночью тысяче слуг полагалось дежурить во дворце, чтобы исполнить любую прихоть короля. В полном порядке надлежало содержать королевское каноэ — великолепную лодку из полированного красного дерева, выложенную перламутром. Сотня сильных гребцов постоянно ожидала приказа отправиться в путь. За королевским садом в милю длиной и милю шириной ухаживали сто шестьдесят садовников.

Бедный Доктор не мог выбирать даже одежду: все, что ему приносили, было великолепным, изысканным и неудобным. Любимый цилиндр спрятали в чулане, и Доктор лишь тайком поглядывал на него. Когда однажды ему удалось ускользнуть в короткую экспедицию для изучения местной природы, он не осмеливался надеть свой старый сюртук и гонялся за бабочками с короной на голове и развевающейся по ветру алой мантией.

Чем только ни занимался король: от улаживания споров о границах земельных владений до примирения мужей и жен, бросавших друг в друга посудой. В восточном крыле Королевского Дворца находилась Палата Правосудия, где Король Джон заседал каждое утро с девяти до одиннадцати, вынося приговоры по всем делам, которые здесь рассматривались.

В полдень он принимался за проблему народного образования. То, чему Доктор учил, не всегда соответствовало курсу школы. Взрослые приходили к королю учиться так же, как дети.

Индейцы не знали многого, известного даже совсем маленьким детям, но они, и это тоже верно, знали то, о чем взрослые белые люди и понятия не имели.

Мы с Бумпо помогали на этих уроках, как могли: показывали, например, как решать простые арифметические задачи. Занятия по астрономии, сельскохозяйственным наукам, детской гигиене и многое другое Доктор проводил сам. Индейцы тяну-

лись к знаниям и приходили в школу целыми толпами, так что даже во время занятий на свежем воздухе (школьное здание, конечно, не вмещало столько учеников) Доктор должен был вести уроки в группах по пять или шесть тысяч и пользоваться большим мегафоном или рупором, чтобы его было слышно.

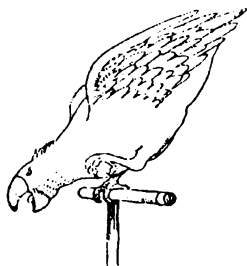
Остаток королевского дня он тратил на руководство прокладкой дорог, строительством водяных мельниц, а также посещал больных. Но ведь оставались еще тысячи других дел.

Вопреки собственному желанию избавиться от короны, Джон Дулиттл стал очень хорошим королем, стоило ему только взяться за дело. Возможно, он и не прославился, как иные правители, что всегда убегали на войну или попадали в романтические истории. Но с тех пор, как я вырос и в какой-то мере изучил чужие страны и тамошние формы правления, то часто думал, что держава попсипителей под властью Джона Стинкелота была, возможно, наилучшим образом управляемым государством в мировой истории.

Ровно через шесть с половиной месяцев после нашего появления на острове наступил день рождения Доктора. Был грандиозный праздник с пиром, танцами, фейерверками, тостами, увеселениями.

К концу дня вождь двух племен провел по улицам города процессию. Люди несли очень пышно расписанную доску черного дерева, футов десяти высотой. Это была история в картинках. Такая доска припасалась для каждого короля попсипителей, чтобы запечатлеть его подвиги.

Ее торжественно установили над дверью нового дворца, и все потом теснились вокруг, разглядывая рисунки. Шесть картин славили шесть великих событий в жизни Короля Джона, а внизу — стихи, объясняющие изображенное. Стихи сочинил Придворный Поэт.

I

Джон Синкелот прибывает на остров

*Не известный миру,
Посланный небесами,
В каноэ, влекомом дельфинами,
Он прибыл к нашему берегу,
И даже пальмы склонились,
Приветствуя владыку.*

II

Джон Синкелот читает письмо

*При лунном свете в горах
Он разговаривал с жуками.
Робкие Джабизри принесли ему
Нарисованные слова
О великом горе.*

III

Джон Синкелот освобождает пленников горы

*Большая жалость пришла к нему в сердце,
Большая сила пришла к нему в руки.
Смотри, как он раздирает горы, словно батат!
Смотри, как пленники
Танцуют, приветствуя день!*

IV

Джон Синкелот добывает огонь

*Наша земля была холодной и умирающей.
Он взмахнул рукой, и смотри!
Молния прыгнула с безоблачного неба,
Солнце спустилось на землю,
И Огонь родился.
Когда мы толпились вокруг
Благодатного пламени, толкнул он
Наш своенравный плавучий остров,
И вернулись мы в солнечные моря.*

V

Джон Синкелот ведет народ к победе

*Только однажды
Доброе лицо его
Потемнело от гнева.
Горе злым врагам,
Что посмели напасть на племя,
Охраняемое Великодушным.*

VI

Джон Синкелот получает Корону

*Птицы в воздухе веселятся,
Море смеется и играет с берегами,
Все люди плачут от радости
В день, когда мы коронуем Великодушного.
Он Строитель, Целитель, Учитель,
Король он самый великий.
Пусть живет он тыячи, тысячи лет!
Пусть счастье будет в его сердце!
Пусть благославляет нашу землю.*

Глава II

МЫСЛИ О ДОМЕ

В Королевском Дворце нам с Бумпо отвели великолепные покои. Полинезия, Джип и Чи-Чи жили рядом. Официально Бумпо был Министром Внутренних Дел, я – Первым Лордом Казначеем. У Длинной Стрелы также было здесь свое помещение, но в это время он отсутствовал – путешествовал за границей.

Однажды после ужина, когда Доктор был где-то в городе, навещая новорожденного, мы все сидели вокруг стола в приемной у Бумпо. Каждый вечер мы собирались здесь, чтобы обсудить государственные дела на следующий день. Это было что-то вроде Заседания Кабинета Министров.

Сегодня же мы говорили об Англии и о еде. Мы уже немного устали от индейской пищи. Видите ли, никто из местных жителей не умел готовить, и все наши попытки обучить королевского шеф-повара не принесли результата. Большинство индейцев можно было назвать чемпионами по порче хороших продуктов. Иногда мы были столь голодны, что Доктор вместе с нами крался вниз по ступенькам на цокольный этаж и тайком жарил оладьи на остывающих углях. Сам Доктор был лучшим поваром, когда-либо жившим на свете. Но он обычно устраивал на кухне ужасный беспорядок, и, конечно, нам следовало вести себя очень осторожно, чтобы он не заметил наших улыбок.

Как я уже говорил, сегодня вечером еда была темой дискуссии на Заседании Кабинета Министров. Я напомнил Бумпо о прекрасных блюдах в доме столяра из Монтеверде.

– Послушайте, вот бы что мне теперь хотелось – большую чашку какао со взбитыми сливками, – сказал Бумпо. – В Оксфорде мы привыкли к лучшему какао. Это действительно ужасно, что на острове нет какао-деревьев.

– Как вы полагаете, когда Доктор собирается уехать отсюда? – спросил Джип.

– Я говорил с ним только вчера, – сообщил Полинезия, – но не получил ответа. Он вроде бы не хотел говорить об этом.

Беседа прервалась.

— Знаете, — добавил попугай. — Доктор, похоже, не собирается возвращаться.

— Боже Милостивый! — закричал Бумпо. — Не говори так!

— Тс-с! — зашипел Полинезия. — Что это там за шум?

Мы прислушались. До нас донеслись крики стражи в дальних коридорах дворца.

— Короли! Дорогу Королю! Короли!

— Вот и он, наконец, — прошептал Полинезия, — и, как всегда, поздно. Бедняга, сколько он работает. Чи-Чи, достань трубку и табак из шкафа и повесь халат на стул.

Когда Доктор вошел в комнату, он выглядел серьезным и задумчивым. Устало он снял корону и повесил ее на деревянный колышек за дверь. Потом он сменил королевскую мантию на халат, плюхнулся с глубоким вздохом на стул во главе стола и принялся набивать трубку.

— Ну, — спросил тихонько Полинезия, — как малыш?

— Какой малыш? — пробормотал Доктор с отсутствующим видом. — А, да. Малышу много лучше, спасибо. У него прорезался второй зуб.

Потом он вновь замолчал, мечтательно уставившись в потолок сквозь облачко табачного дыма. Мы сидели вокруг тихонько и ждали.

— Мы тут интересовались, Доктор, — сказал я, наконец, — как раз перед вашим приходом. Когда вы собираетесь отправиться домой? Завтра будет семь месяцев, как мы на этом острове.

Доктор заерзал на стуле.

— Ну, по сути дела, — сказал он, — я сам собирался поговорить с вами сегодня вечером на эту тему. Но видите ли... э-э... Эту ситуацию совсем непросто объяснить каждому из вас. Боюсь, что не смогу бросить работу, которой теперь занят. Помните, когда они впервые настаивали на том, чтобы сделать меня королем, я говорил, что совсем непросто отказаться от однажды принятой ответственности. Эти люди привыкли полагаться на меня чуть ли не во всем. Мы обнаружили, что они не знают многого, и это радует белых, наталкивающих на невежество. Можно сказать, мы значительно изменили ход здешней жизни. Это довольно деликатное дело — менять жизнь. Приведут ли на

ши перемены к добру или злу? Все зависит от нашей бдительности.

Он задумался на мгновение и затем добавил тихо и печально:

— Я бы хотел продолжить мои путешествия и мои занятия естествознанием. Так же, как и вы, я хотел бы вернуться в Пуделби. Сейчас март, вскоре шафран зацветет на лужайках... Но случилось то, чего я опасался: я не могу просто так покинуть людей, которые мне вверили свою судьбу. Без меня они вернутся к старым привычкам и обычаям: войнам, суеверию, идолопоклонничеству... То, чему мы их научили, можно использовать не по назначению, и жизнь их станет хуже, чем раньше, до нас. Они полюбили меня, доверяют мне, в тяжелые минуты всегда обращаются за помощью. Нельзя быть бесчестным по отношению к тем, кто доверяет тебе. И вот еще что: я люблю их. Они мне, как дети, ведь у меня никогда не было своих детей, и мне очень интересно, какими они вырастут. Понимаете, что я имею ввиду? Как же я могу убежать и оставить их? Нет. Я долго думал об этом и постарался решить вопрос как можно справедливее. Боюсь, я не смогу отказаться от дела, за которое взялся. Боюсь, что я должен остаться здесь.

— Навсегда? На всю жизнь? — спросил Бумпо упавшим голосом.

Некоторое время Доктор не отвечал, нахмурившись.

— Не знаю, — вымолвил он, наконец. — Сейчас, конечно, и речи нет о моем отъезде. Это было бы предательством.

Наступившее печальное молчание было прервано стуком в дверь.

Вздохнув, Доктор поднялся и вновь надел корону и мантию.

— Войдите, — произнес он, вновь сядя на свой стул.

Дверь открылась, у входа в поклоне замер лакей — один из ста сорока трех, кто всегда дежурили по ночам.

— О Великодушный! — сказал он. — Тут у ворот дворца путешественник, который хотел бы поговорить с Вашим Величеством.

— Спорю на шиллинг, родился еще один малыш, — пробормотал Полинезия.

— Вы спросили его имя? — поинтересовался Доктор.

— Да, Ваше Величество, — ответил лакей. — Это Длинная Стрела, сын Золотой Стрелы.

Глава III

НАУКА КРАСНОКОЖЕГО ЧЕЛОВЕКА

— Длинная Стрела! — воскликнул Доктор. — Как чудесно! Просите его, просите скорее! Я так рад, — продолжал он, оборачиваясь к нам, когда лакей вышел. — Мне ужасно не хватало Длинной Стрелы. Просто прекрасно, когда поблизости такой хороший человек, даже если он не очень разговорчив. Дайте-ка подумать: вот уже пять месяцев, как он отправился в Бразилию. Я так рад, что он вернулся. Он, такой умница, так страшно рисковал. Это не шутка — пересечь сотни миль в открытом море на лодке в двадцать футов длиной. Я бы не осмелился.

Еще раз постучали в дверь, и когда она распахнулась в ответ на приглашение Доктора, на пороге оказался наш друг. На его мужественном бронзовом лице сияла улыбка. За ним стояли два носильщика с грузом на индейской рогоже, сделанной из пальмового волокна. После первых приветствий Длинная Стрела приказал положить ношу на пол.

— Смотри, Великодушный, — сказал он, — я привез тебе, как и обещал, коллекцию растений, которую спрятал в пещере в Андах. Эти сокровища — труд всей моей жизни.

Тюки были развязаны, внутри оказалось множество пакетов и узелков. Их осторожно выложили рядами на стол.

Вначале эта большая выставка меня несколько разочаровала. Здесь были растения, цветы, фрукты, листья, корешки, орехи, бобы, мед, гумми, кора деревьев, семена, пчелы, несколько видов насекомых.

Изучение растений, или ботаника, как ее называли, было одним из не слишком привлекательных для меня разделов естествознания. Я считал, что в сравнении с изучением животных, ботаника — наука скучная. Но когда Длинная Стрела стал вынимать различные экспонаты из своей коллекции и пояснять их особенности, он все больше и больше очаровывал меня. И прежде, чем он закончил, я был совершенно покорен чудесами Королевства Растений, которые он привез.

— Вот, — сказал он, беря маленький пакетик с крупными семенами, — то, что я назвал "смеющимися бобами".

— А для чего они? — спросил Бумпо.

— Чтобы радовать нас, вызывать веселье, — пояснил индеец.

В этот момент Длинная Стрела отвернулся, а Бумпо схватил три боба и проглотил.

— Увы! — сказал индеец, обнаружив этот неразумный проступок Бумпо. — Если он хотел проверить действие семян, надо было съесть не больше четверти одного из них. Будем надеяться, он не умрет от смеха.

Воздействие бобов на Бумпо оказалось в высшей степени необычным. Сначала рот его растянулся в широкой улыбке, потом он начал хихикать, наконец, разразился таким мощным хохотом, что нам пришлось отнести принца в соседнюю комнату и уложить в постель. Впоследствии Доктор говорил, что Бумпо мог даже умереть от смеха, если бы не был так могуч. Всю ночь он счастливо посмеивался во сне. И даже когда мы разбудили принца на следующее утро, он скатился с кровати, хохоча.

Возвратившись в Приемные Покои, мы увидели на столе несколько красноватых корней, которые, по словам Длинной Стрелы, обладали особыми свойствами. Сваренные вместе с сахаром и солью, они вынуждали людей танцевать очень долго и с необычайной скоростью. Длинная Стрела предложил нам попробовать их, но мы, поблагодарив, отказались. После представления, которое устроил Бумпо, мы слегка опасались новых экспериментов.

Удивительным и полезным растениям, собранным Длинной Стрелой, не было числа. Сок виноградной лозы, который позволял плешивым отрастить волосы за одну ночь, апельсин, величиной с тыкву, выращенный в специальном высокогорном саду Перу, черный мед, от которого вы могли заснуть прямо с чайной ложкой в руке, а проснуться сутки спустя. Длинная Стрела принес и пчел, что делают этот мед, и семена цветов, которые они опыляют. Он нашел орех, пробуждавший в вас голос певца, и водоросли, останавливающие кровотечение, мох, предохраняющий от змеиных укусов, лишайник, который избавлял от морской болезни.

Доктора, конечно, все это заинтересовало. Все утро он изучал экспонаты, записывал их названия и сведения о применении, что диктовал Длинная Стрела.

— Здесь есть вещицы, — сказал Доктор, — которые, попади они в руки искусных аптекарей, станут огромным подспорьем для медиков во всем мире. Я подозреваю, этот усыпительный мед сам по себе может заменить половину снотворных, что мы вынуждены так широко использовать. Длинная Стрела открыл собственную фармакопею. Миранда была права: это великий натуралист, даже более великий, чем Карл Линней. Я должен забрать все это в Англию. Но когда? — добавил он печально.

Глава IV

МОРСКАЯ ЗМЕЯ

Много времени миновало с той встречи в кабинете, о которой я вам рассказывал. Никто из нас не спрашивал Доктора о возвращении домой. На острове Паучьих Обезьян жизнь продолжалась. Месяц шел за месяцем. У нас было много дел, мы работали с удовольствием. Прошла зима, мы отпраздновали Рождество, а лета почти и не заметили.

С каждым днем Доктор все дальше уходил от естествознания. Я понимал, что он часто вспоминает дом и сад в Пуделби. Доктор не забывал и о своих планах, о честолюбивых замыслах. Время от времени мы замечали, как он задумывался и даже грустил, если кто-нибудь напоминал ему об Англии, о прежней жизни. Правда, он никогда об этом не говорил. Думаю, Доктор навсегда остался бы на острове Паучьих Обезьян, если бы не один случай и... не Полинезия.

Старому попугаю очень надоели индейцы, и он этого не скрывал. Однажды когда мы гуляли по берегу, он сказал:

— Сама мысль, что знаменитый Джон Дулиттл тратит здесь свое бесценное время на этих индейцев, кажется мне ужасной!

До нашей прогулки мы все утро наблюдали, как Доктор руководил строительством здания театра в Попсипителе. Опера и концертный зал были уже готовы. Полинезии все это так надоело, что он брюзжал непрерывно. Я предложил ему пойти на пляж.

— Как ты думаешь, — спросил я, когда мы сели на песок, — Доктор больше не вернется в Пуделби?

— Не знаю, — ответил Полинезия. — Я думал, что память о доме, о зверях, которых он там оставил, заставит Доктора вернуться. Но с тех пор как в минувшем августе Миранда сообщила ему, что дома все в порядке, надежда исчезла. Вот уже несколько месяцев, как я ищу способ вывезти его отсюда. Если б только нам удалось найти какой-нибудь способ, повернуть мысли Доктора к естествознанию. Но повод должен быть достаточно серьезным. Только тогда Доктор вернется домой. Что б такое нам отыскать?

Полинезия с отвращением передернул плечами:

— Нет, в самом деле, — что? Ведь Доктор думает только о том, как сделать в городе мостовые, да объяснить здешним, что дважды два — четыре!

Стоял безоблачный жаркий день, как и обычно в Попсипителе. Небо было голубым, и все вокруг казалось желтым. Я сонно смотрел на море, думая о родителях. Интересно, беспокоятся ли они обо мне? Старый Полинезия монотонно бормотал. Его слова сливались с мягкими ударами волн о берег. Не знаю, то ли убаюкало бормотание Полинезии, то ли теплый и ласковый ветер... Во всяком случае, вскоре мне приснилось, что остров снова начал двигаться. Но не так плавно, как раньше, а резко, рывками, будто неведомая сила приподняла его, а потом бросила вниз.

Не помню, сколько времени я проспал. Проснулся от того, что кто-то нежно клевал меня в нос.

— Томми! — раздался голос Полинезии. — Вставай! Ну что это такое! Мальчишка проспал землетрясение и ничего не заметил. Томми, просыпайся! У нас появился шанс. Вставай поскорее!

— Что случилось? — спросил я и сел.

— Тс-с! Посмотри! — прошептал Полинезия, указывая на море.

Мои глаза все еще туманил сон. На отмели, примерно в тридцати ядрах от берега, я увидел огромную бледно-розовую раковину. Переливаясь всеми цветами радуги, она возвышалась над водой, как купол. Нежные белые волны бились об ее основание. Казалось, раковина — порождение сна.

— Что это такое? — спросил я.

— Уже сотни лет моряки называют ее морской змеей, — сказал Полинезия. — Раньше я видел ее только с палубы корабля на большом расстоянии, издали. Она вот так же возвышалась над водой. Теперь разгляжу поближе. Похоже, что история морской змеи — то же самое, что нам рассказывал Непоседа о Великой Морской Улитке. Вы все можете назвать меня просто черной вороной, если перед нами не единственная в своем роде рыба. Томми, нам повезло. Мы должны немедленно привести сюда Доктора, чтобы он успел взглянуть на этот редчайший образец, пока улитка не уползла в Глубокую Дыру. Если удача не изменит, мы скоро уедем с этого благословенного острова. Оставайся здесь и не спускай с улитки глаз. Я побегу за Доктором. Не двигайся и не разговаривай. И дыши потише. Улитка может испугаться — они все очень застенчивые. Понаблюдай за ней. Я — мигом.

Прячась, Полинезия полз вверх по песку, чтобы укрыться за кустами. Там он расправил крылья и полетел к городу. Я же остался на берегу и завороченно смотрел, как невообразимое чудовище барахтается на отмели.

Улитка передвигалась очень медленно. Иногда она приподнимала над водой голову с рожками и невероятно длинную шею. Потом вдруг вся высывалась из раковины, будто собираясь оставить ее. А потом снова заползала в свое убежище, словно совсем лишившись сил. Я решил, что улитка ранена, но рана, вероятно, оставалась под водой.

Я не отрывал глаз от гигантской Улитки. Тем временем вернулся Полинезия вместе с Доктором. Они так тихо и осторожно подошли, что я не только не видел, но и не услышал их, пока попугай и король не присели рядом на песок.

Один только взгляд, брошенный на Улитку, — и Доктор совершенно переменялся. В глазах его сверкнула радость. Я ни разу не видел его таким возбужденным и счастливым, с тех пор как мы поймали жука Джабизри.

— Это она! — зашептал Доктор. — Великая Морская Улитка! Собственной персоной! Нет сомнений! Полинезия, спустись, пожалуйста, пониже к берегу, нет ли где дельфинов. Может быть, они расскажут, что здесь делает улитка. Вообще улитка редко выползает на отмели. Стаббинс, а ты сходи в гавань и приведи маленькое каноэ. Будь очень осторожен, когда начнешь

опускать его на воду. Если Улитка испугается, она уйдет на глубину, и мы никогда ее больше не увидим.

— И не говори ничего никому из индейцев, — шепотом добавил Полинезия, когда я сдвинулся с места. — Мы должны пока все хранить в тайне, иначе через пять минут на берегу будет полно зевак. Нам очень повезло, что мы нашли улитку в тихой бухте.

Придя в гавань, я выбрал самое маленькое и легкое каноэ. Никому не сообщив, зачем мне понадобилась лодка, я залез в нее и поплыл вдоль берега.

Я смертельно боялся, что Улитка уползет до моего возвращения. Можете себе представить, как я был рад, когда, обогнув скалистый мыс и зайдя в бухту, увидел Улитку на прежнем месте.

Полинезия еще раньше меня выполнил поручение Доктора и привел двух дельфинов. Они уже потихоньку разговаривали с Доктором. Я вытащил каноэ на берег и подошел послушать, о чем они беседуют.

— Хочу знать, — шептал Доктор, — как улитка здесь оказалась. Мне говорили, что обычно она живет в Глубокой Дыре. Если улитка и появляется на поверхности океана, то где-нибудь в открытом море.

— Разве вы еще не знаете? Разве ничего не слышали? — удивились дельфины. — Когда вы погружали остров, то прикрыли Глубокую Дыру. Да, вы уложили остров прямо на отверстие. Будто крышку положили.

Рыбы, что оказались в Дыре, долго пытались оттуда выбраться. Большой Улитке не повезло больше всех. Остров прищемил ей хвост как раз в тот момент, когда она собиралась на вечернюю прогулку. Улитка провела у Дыры полгода, пытаясь освободиться. В конце концов ей пришлось приподнять одну половину острова, чтобы высвободить хвост. Разве вы не почувствовали что-то вроде землетрясения около часа назад?

— Я почувствовал, — сказал Доктор. — Здание театра, который я строил, разрушилось наполовину.

— Улитка приподняла остров, чтобы выбраться из Дыры, — объяснили дельфины. — Все попавшие в ловушку рыбы этим воспользовались и тоже уплыли, как только она приподняла крышку. Хорошо еще, что улитка такая большая и сильная. Правда, тяжесть была столь велика, что улитка растянула

мышцы хвоста и теперь он распух. Улитка искала какое-нибудь тихое пристанище в бухте, чтобы отдохнуть. Нашла удобный залив и присела тут.

— Господи! — воскликнул Доктор. — Я ужасно виноват. Думаю, мне надо было всех предупредить, что остров опускается. Но, по правде говоря, мы и сами ничего не знали. Все случилось весьма неожиданно. Как вы думаете, Улитка сильно поранена?

— Мы не уверены, — ответили дельфины. — Никто из нас не говорит на ее языке. Мы проплыли около улитки. Не похоже, что рана ее серьезна.

— А вообще кто-нибудь из дельфинов знает язык устриц и крабов? — спросил Доктор.

— Нет, — ответили они. — Это очень трудный язык.

— Как вы думаете, удастся ли найти какую-нибудь рыбу, которая понимает его?

— Не знаем, — засомневались дельфины. — Но можно попробовать.

— Я был бы вам очень благодарен, — сказал Доктор. — Есть много важных вопросов, которые я хочу задать Улитке. Кроме того, я сделаю все, чтобы вылечить ей хвост. Я обязан это сделать, поскольку виноват: Улитка ранена из-за меня.

— Хорошо, подождите здесь, — сказали дельфины.

Глава V

ЗАГАДКА ЯЗЫКА КРАБОВ РЕШЕНА!

Доктор Дулиттл сидел на берегу и ждал, не снимая короны. Целый час дельфины то уплывали в море, то возвращались к нам с какими-нибудь глубоководными рыбами. Все хотели нам помочь.

Дельфины приводили с собой прелюбопытнейших созданий из морских глубин. Но на языке крабов и устриц почти никто не говорил, кроме самих крабов. Правда, у дельфинов появилась небольшая надежда, когда они отыскали старого морского ежа (он был очень забавный: круглый, как шар, весь покрытый

длинными-предлинными колючками). Еж сказал, что на языке крабов и устриц он говорит плохо. Тем не менее, когда он был молодым, то вполне сносно объяснялся с морской звездой. Это уже было кое-что, хотя радоваться, конечно, вроде бы и рано. Дельфины оставили нам ежа, а сами уплыли искать морскую звезду.

Разыскивали они звезду недолго, так как места, где она питается, были им хорошо знакомы. Морской еж стал переводчиком, с его помощью можно было задавать вопросы морской звезде. Она оказалась довольно глупой, но изо всех сил старалась помочь. После нескольких вопросов мы убедились, что звезда неплохо говорит на языке крабов и устриц.

Ободренные, мы с Доктором уселись в лодку, дельфины, морской еж и морская звезда плыли рядом. Очень осторожно мы приблизились к раковине Большой Улитки.

Я еще никогда не слышал такого интересного разговора. Сначала морская звезда обращалась к Улитке. Улитка отвечала, и звезда переводила ее ответ морскому ежу. Еж, в свою очередь, переводил все дельфинам, а те - Доктору.

Разговаривая таким образом, мы узнали много нового о древней истории царства зверей. К сожалению, многое было упущено из-за того, что морская звезда оказалась на редкость глупой. Да и в тройном переводе многое потерялось.

Когда улитка заговорила, мы с Доктором прижали уши к раковине. Так мы вполне отчетливо слышали ее голос. Как Непоседа и говорил, голос Улитки был очень глубоким и напоминал звон колокольчика. Разумеется, мы не поняли ни одного слова. Правда, Доктор очень разволновался. Чтобы выучить язык крабов и устриц, ему оставалось сделать лишь несколько шагов. Вскоре он начал просить рыб повторять коротенькие фразы по нескольку раз. Потом сам начал улавливать смысл и произносить некоторые слова. Ведь Доктор знал несколько рыбьих языков. Это ему помогло. Доктор поупражнялся с дельфинами и морским ежом, а потом сам, перегнувшись через борт нашей лодки, опустил лицо в воду и попытался заговорить с Улиткой.

Это была по-настоящему трудная работа. Прошло несколько часов, прежде чем он добился хоть каких-то результатов. На лице Доктора появилась счастливая улыбка, и я понял: дело пошло на лад.

Солнце садилось, подул прохладный вечерний ветер. Тонкие стволы бамбука стали гнуться от ветра. Наконец, Доктор оторвался от своей работы и повернулся ко мне:

— Стаббинс, я убедил Улитку в том, что надо выйти на берег. Там я смогу осмотреть ее хвост. Не сможешь ли сходить в город и попросить рабочих, которые строят театр, сделать сегодня перерыв? Потом пойди во дворец и принеси мою медицинскую сумку. Мне кажется, я оставил ее под тронем в парадном зале.

— Помни, — прошептал мне Полинезия, — никому ни слова. Если тебе будут задавать вопросы, не отвечай. Сделай вид, что у тебя болит зуб. Или еще что-нибудь придумай.

Когда я с медицинской сумкой возвращался на берег, Улитка была уже там, огромная и совершенно сухая. Увидев Улитку во всей ее величине, я сразу понял, почему в старые времена моряки называли ее морской змеей.

Действительно, улитка была невероятно большой, но по своему грациозной и даже красивой. Джон Дулиттл осматривал опухоль на ее хвосте.

Потом из сумки, которую я принес, Доктор достал большую бутылку какой-то мази и стал натирать то место, где у Улитки было растяжение. Затем он вытащил из сумки все бинты и связал их друг с другом. Связанных бинтов хватило только на половину огромного хвоста. Доктор настаивал, что растянутые связки надо чем-то туго перевязать. Поэтому он еще раз послал меня во дворец и велел принести все льняные простыни из королевской спальни. Мы с Полинезией разорвали их на бинты. После всех этих усилий мы, наконец, перевязали Улитке хвост.

Наверное, Улитке очень понравилось такое внимание. Когда Доктор закончил, она растянулась во всю длину на песке. Теперь раковина Улитки была совершенно пустой. Через нее, как в подзорную трубу, можно было увидеть пальмы вдалеке.

— Думаю, кому-нибудь из нас надо посидеть с Улиткой всю ночь, — сказал Доктор. — Нужно поручить это Бумпо. Он наверняка дремал весь день в своем летнем домике. У Улитки очень сильное растяжение. Если ей от боли не удастся уснуть, пусть кто-нибудь будет рядом. Думаю, через несколько дней ей станет гораздо лучше. Если бы я не был так занят, сам посидел бы с Улиткой. Мне ведь нужно задать ей немало вопросов.

— Но, Доктор, — возразил Полинезия, когда мы собрались возвращаться в город, — у вас ведь должен быть отпуск. У всех

королей бывают отпуска. У короля Чарльза, например. Он еще до вас жил. Правда, его нельзя назвать образцовым королем, но он был очень популярен, все его любили. Даже зеркальные карпы в пруду Хэмптон Корта. На мой взгляд, у Чарльза был один недостаток — он вывел породу маленьких глупых собак. Их называют спаниелями короля Чарльза. О бедном короле Чарльзе рассказывают разные истории. Но худшее, что он сделал, — королевские спаниели. Конечно, все это к делу не относится. Я говорил, что всем королям положен отпуск, они ведь не хуже обычных людей. А ведь у вас, Доктор, с тех пор как вы коронованы, еще не было отпуска?

— Нет, — ответил Доктор, — кажется, не было.

— Ну, так я скажу, что вы должны сделать. Как только вернетесь во дворец, издайте манифест о том, что на неделю уезжаете в деревню лечиться. Уезжаете вы без слуг, как самый обычный человек. У королей это называется "путешествовать инкогнито". Все короли так поступают. Им тоже хочется отдохнуть иногда. Неделя будет вашей, и вы проведете ее здесь, разговаривая с Улиткой. Как вам мой план?

— Мне очень хотелось бы его осуществить, — сказал Доктор. — Звучит все так увлекательно! Но ведь нужно достроить новый театр. Никто из плотников не знает, как класть балки. Я должен им показать. Да еще грудные дети туземцев! Матери совсем не знают, как с ними обращаться.

— Надоел этот театр, да и грудные дети, — проворчал себе под нос Полинезия. — Театр может хоть неделю подождать. Ну а что касается детей, то у них вечно живот болит. Как же, интересно, до вас тут дети росли? Возьмите отпуск, Доктор... Он вам очень нужен.

Глава VI

ПОСЛЕДНЕЕ ЗАСЕДАНИЕ КАБИНЕТА

Я догадался, что "отпуск" Доктора входит в план, придуманный Полинезией..

Доктор же ничего не ответил. Мы медленно шли в город. Мне все-таки показалось, что слова Полинезии произвели на Доктора впечатление.

После ужина он исчез из дворца, никому не сказав, куда собирается. Раньше он так не делал. Все мы, конечно, знали, куда пошел Доктор: на берег посидеть с Улиткой. Мы были в этом уверены, ведь Доктор так ни о чем и не попросил Бумпо.

В тот самый вечер, как только двери кабинета закрылись, Полинезия обратился к членам правительства:

— Слушайте меня внимательно. Если мы не хотим остаться до конца нашей жизни на этом благословенном острове, нужно уговорить Доктора уйти в отпуск.

— Но зачем? — спросил Бумпо.

Полинезия резко повернулся к министру внутренних дел:

— Разве ты не понимаешь? Как только Доктор снова заинтересуется наукой — ну, там всякими морскими зверями или дном океана — то у нас появится шанс уехать с того надоевшего всем нам острова.

А пока Доктор здесь исполняет обязанности короля, он не может думать ни о чем, кроме управления.

— Да, это правда. Доктор — очень обязательный человек, — согласился Бумпо.

— Кроме того, — продолжал Полинезия, — навсегда уехать с острова Доктор может лишь тайком. Он должен уехать тогда, когда будет в отпуске, то есть инкогнито. Тогда никто, кроме нас, не будет знать, где Доктор и что он делает. Начни он строить большой корабль, на котором можно переплыть море, — и все индейцы сразу увидят, услышат, начнут спрашивать, для чего это. Начнут вмешиваться. Они пойдут на что угодно, лишь бы не потерять Доктора. Думаю, если бы индейцы вдруг решились, что он собирается бежать, они бы заковали его в цепи.

— Я тоже думаю, что они бы так сделали, — вставил я. — Но без корабля я не представляю, как Доктор скроется, тем более тайно.

— Хорошо, могу объяснить, — сказал Полинезия. — Если мы сможем убедить Доктора, что ему нужен отпуск, мы должны попросить Улитку отвезти нас в своей раковине прямо в устье речки Пуделби. Как только Улитка согласится, Доктор не сможет устоять. Джон Дулиттл поедет. Я знаю Доктора. Ведь он сможет забрать с собой лекарственные травы, которые ему дал Длинная Стрела, Доктор отвезет их английским врачам. Да еще по дороге он сможет увидеть дно океана.

— Как здорово! — закричал я. — Неужели Улитка провезет нас под водой до Пуделби?

— Ну, конечно, — ответил Полинезия. — Для нее это — короткое путешествие. Она проползет по дну океана, а Доктор увидит все, что его интересует. Очень просто. Джон Дулиттл непременно поедет, если только нам удастся отправить его в отпуск. И, конечно, если Улитка согласится довезти нас до дому.

— Хоть бы она согласилась! — вздохнул Джип. — Я так устал от этих тропиков. В них чувствуешь себя совсем никчемным. Ничего не хочется делать. Мышей нет. Впрочем, если бы даже они и были, нет сил за ними бегать. Как бы мне хотелось снова увидеть Пуделби и наш сад! Даб-Даб обрадуется нашему возвращению?

— В конце следующего месяца, — сказал я, — исполнится ровно два года с того дня, как мы уехали из Англии, с того момента, как подняли якорь в Кингсбридж и начали путь по реке.

— И запутались в тине, — добавила Чи-Чи мечтательно.

— А помните, как нам все махали с пристани? — спросил я.

— Конечно. Думаю, с тех пор они часто о нас говорили, — заметил Джип. — Наверное, гадали, живы ли мы.

— Прекратите, — попросил Бумпо. — Я готов расплакаться от тоски.

Глава VII

РЕШЕНИЕ ДОКТОРА

Можете себе представить, как мы обрадовались, когда на следующее утро Доктор, проговоривший всю ночь напролет с Улиткой, сказал, что уйдет в отпуск. Королевский герольд немедленно прочитал манифест. Он сказал, что Его Величество отправляется в семидневный отпуск и во время его отсутствия дворец и все службы управления страной будут работать, как обычно.

Полинезия места себе не находил от радости. Потом он обдумал, как готовиться к отъезду. Прежде всего, никто не должен знать, куда мы направляемся. Во-вторых, нужно было решить, что брать с собой, когда и через какие ворота выходить.

Многоопытный и хитрый Полинезия, конечно же, ничего не забыл. Даже мы, верные друзья Доктора, не всегда знали о намерениях Полинезии. Меня, например, он отвел в сторону и велел взять с собой все записные книжки Доктора. Единственным индейцем, посвященным в нашу тайну, был Длинная Стрела. Он сказал, что ему тоже очень хочется пойти на берег и взглянуть на Большую Улитку. Полинезия просил Длинную Стрелу принести всю коллекцию растений. Бумпо должен был вынести шляпу Доктора с высокой тульей. Ее надо было осторожно спрятать под плащом. Всех лакеев Полинезия разослал с какими-то поручениями по городу. Он хотел, чтобы наш отъезд никто не видел. Отправление из дворца было назначено на двенадцать часов ночи. В это время в городе все спят.

В отпуск мы взяли с собой недельный запас еды. Стрелки часов подошли к двенадцати. Все мы, нагруженные кулками и свертками, открыли западные ворота дворца и вышли в залитый лунным светом сад.

— Идите так, чтобы вас никто не узнал, — прошептал нам Полинезия, когда тяжелая дверь закрылась за нами.

Никто нас не видел.

У подножия огромного камня, ведущего с Террасы Павлинов к Висячему Розарию, я остановился и, оглянувшись, увидел величественный дворец, который мы, единственные белые люди в этой далекой и удивительной стране, построили за такой корот-

кий срок. Я вдруг почувствовал, что, уехав из этой страны сегодня ночью, мы никогда больше не вернемся и подумал: каким еще королям и министрам придется работать во дворце после нас? Ночь была жаркая и безветренная. Слышалось только, как ручные фламинго ступают по воде в пруду среди лилий. Вдруг за углом ограды из кипарисов появился мерцающий фонарь ночного сторожа. Полинезия подлетел ко мне и велел идти как можно скорее, пока наше бегство никто не заметил.

Когда мы пришли на берег, Улитка чувствовала себя намного лучше. Она с легкостью и без боли двигала хвостом.

Дельфины, а они по природе исключительно любопытны, кружили в воде поблизости. Они ждали, не произойдет ли еще что-нибудь интересное. Заговорщик Полинезия, пока Доктор был занят со своим новым пациентом, отозвал дельфинов в сторону для тайного разговора.

— Друзья! — тихо заговорил Полинезия. — Вы ведь знаете, сколько хорошего Джон Дулиттл сделал для всех зверей. Можно сказать, он отдал им всю жизнь. Теперь и у вас есть возможность помочь ему. Послушайте! Он совсем не хотел, но его заставили стать королем этого острова. Доктор взялся за работу и не может теперь от нее отказаться. Он думает, что индейцы одни без него не справятся. Все это ерунда, вы прекрасно об этом знаете. Так вот. Как бы нам уговорить Улитку взять Доктора и нас с собой в раковину? У нас и багаж небольшой: всего-то свертков тридцать-сорок. Улитка отвезла бы нас в Англию. Я уверен, что Доктор согласится. Он больше всего на свете хотел бы увидеть морское дно. Кроме того, для него это единственная возможность убежать с этого острова. А сейчас самое важное — чтобы Доктор вернулся к своей работе натуралиста. Это нужно всем зверям в мире. Поэтому мы просим вас сказать морскому ежу, а он пусть передаст морской звезде, а та пусть скажет Улитке, чтобы она взяла нас с собой в раковину и довезла до речки Пуделби. Согласны?

— Конечно, — ответили дельфины. — Мы постараемся убедить Улитку. В конце концов, это просто стыдно, когда такой великий человек тратит свое время здесь. Ведь в Докторе так нуждаются все звери на земле.

— Но только пусть Доктор ни о чем не догадывается, — предупредил Полинезия. — Он может заартачиться, если запо-

дозрит, что все это — наших рук дело. Пусть Улитка как бы сама предложит нам поездку. Поняли?

Джон Дулиттл ни о чем не подозревал. Он стоял по колено в воде и помогал Улитке двигать вылеченным хвостом. Бумпо, Длинная Стрела и Чи-Чи с Джибом разговаривали под пальмой на берегу. Мы с Полинезией подошли к ним.

Прошло полчаса.

Как шло у дельфинов дело, мы не знали. Вдруг Доктор, все время занятый с Улиткой, повернулся и побежал в нашу сторону. От быстрого бега он почти задыхался.

— Что вы скажете? — закричал Доктор. — Я сейчас разговаривал с Улиткой, и она только что сама предложила отвезти нас в Англию. Улитка говорит, что ей нетрудно подбросить нас до речки Пуделби, если, конечно, мы захотим. Господи, какие возможности! Мне бы очень хотелось поехать! Я бы смог исследовать все дно океана от Бразилии до Европы. Никто этого еще никогда не делал! Какое путешествие! Зачем только я позволил выбрать себя королем! Теперь я могу пройти мимо главной цели в жизни!

Доктор отвернулся от нас и тихо пошел по песку, с тоской поглядывая на Улитку. Во всей его фигуре было что-то очень печальное и незащитное. С короной на голове он стоял совершенно один на пустынном, залитым лунным светом берегу. Вдали мерцало море.

Тут из темноты вылетел Полинезия и спокойно направился к Дулиттлу.

— Доктор, — сказал он мягко, как будто пытался успокоить ребенка, — вы ведь знаете, что все эти королевские дела совсем не для вас. Туземцы и сами обойдутся. Ну, конечно, им будет не так хорошо, как с вами, но они будут жить, как жили и до вашего приезда. Никто не упрекнет вас в том, что вы не исполнили свой долг перед ними. Они сами виноваты: выбрали вас королем. Почему бы не принять предложение Улитки? Бросить все и уехать? Ведь то, что вы сделаете, вернувшись домой, гораздо ценнее всего, что вы сейчас делаете здесь.

— Друг мой! — грустно ответил Доктор. — Не могу. Индейцы тотчас же вернутся к тем антисанитарным условиям, в которых жили: плохой воде, сырой рыбе, отсутствию канализации, кишечным заболеваниями, ну и прочему... Нет. Я должен думать об их здоровье и благополучии. Я начал свою жизнь с того, что ле-

чил людей. Мне кажется, что так я и должен закончить ее. Я не могу бросить индейцев. Может быть, когда-нибудь потом. Но сейчас – нет!

– В этом вы как раз не правы, Доктор, – сказал Полинезия. – Вы должны уехать именно сейчас. Ничего не будет "потом". Чем дольше вы тут остаетесь, тем труднее будет уехать. Поезжайте сейчас. Сегодня же.

– Как? Сбежать, не сказав никому "до свидания"? Полинезия, как ты можешь мне такое предлагать?

– Как же! Дадут они вам возможность сказать "до свидания"! – заворчал Полинезия, теряя терпение. – Доктор, если только вы вернетесь во дворец попрощаться или еще за чем-нибудь, вы там навсегда и останетесь. Сейчас наступает решительный момент. Вы должны уехать.

Наконец-то слова старого попугая возымели хоть какое-то действие. Доктор постоял с минуту, глубоко задумавшись.

– А как же мои блокноты, – подумав, сказал он. – Я должен взять их с собой.

– Они у меня, Доктор, – громко сказал я. – И записные книжки тоже.

Доктор снова задумался.

– Нет, а как же коллекция Длинной Стрелы? Я тоже должен взять ее с собой.

– Коллекция здесь, о Великий Вождь, – тихо произнес индеец в тени пальмы.

– А провизия на все дни путешествия? – снова спросил Доктор.

– У нас еды на семь дней. Все то, что мы взяли с собой в отпуск, – сказал Полинезия. – У нас даже больше, чем нужно.

Доктор замолчал и задумался в третий раз.

– А как же моя шляпа? – наконец, раздраженно сказал Доктор. – Все решено. Я должен вернуться во дворец. Без шляпы я не могу уехать. Не могу же я появиться в Пуделби с короной на голове?

– Шляпа здесь, Доктор, – сказал Бумпо, доставая старую, истрепанную, но такую привычную шляпу из-под плаща. Полинезия действительно все предусмотрел.

Но даже после этого Доктор попытался придумать что-нибудь еще, что позволило бы ему вернуться во дворец.

— Великий Вождь! — сказал Длинная Стрела. — Зачем искушать судьбу? Ваш путь ясен. Все ваше будущее и ваша работа связаны с вашим домом за океаном. Ведь с вами сейчас уплывет и то малое, что я собрал для человечества. Там оно будет полезнее, чем здесь. На востоке уже светает. Заря занимается. Уезжайте, пока здесь нет ваших подданных. Уезжайте, пока ваши планы еще не раскрыты. Честно говоря, я думаю, что если только вы замешкаетесь, то проведете остаток своих дней на острове в качестве Короля-пленника Попсипетеля.

Самые важные решения чаще всего принимаются мгновенно. На фоне бледного неба я снова увидел очертание фигуры Доктора. Он медленно снял священную корону с головы и положил ее на песок.

Потом он заговорил с глазами, полными слез.

— Ее найдут здесь, — шептал он. — Они придут искать меня — и найдут. Тогда они узнают, что я уехал... Мои дети! Бедные мои дети! Поймут ли они хоть когда-нибудь, почему я их оставил?.. Поймут ли и простят ли?

Доктор взял у Бумпо свою старую шляпу, потом молча протянул руку Длинной Стреле.

— Великий Вождь! Вы приняли правильное решение, — сказал индеец. — И хотя никто не будет скучать без вас больше, чем я, Длинная Стрела, сын Золотой Стрелы, я говорю вам: "Прощайте! И пусть вам сопутствует удача!"

Первый раз в жизни я увидел, как Доктор плачет. Не говоря ни слова, он повернулся и пошел к отмели.

Улитка нагнулась. Между ее спиной и раковиной появилось небольшое отверстие. Доктор взобрался к улитке на спину и прошел внутрь. Мы передали ему свертки и последовали туда же. Улитка выпрямилась, вход в раковину закрылся.

Повернувшись на восток, улитка начала медленно сползать по дну все глубже и глубже.

Когда темно-зеленая вода сомкнулась над нашими головами, из-за моря встало огромное солнце. Сквозь прозрачные перламутровые стенки раковины мы наблюдали морское царство. Над морем начался новый день, и все в подводном мире вдруг вспыхнуло и заиграло яркими красками.

О нашем путешествии домой я расскажу лишь вкратце.

Новая квартира нам понравилась. В раковине на широкой спине Улитки было очень удобно сидеть и даже лежать. Удобнее,

чем на диване, когда привыкнешь к влажной и липкой спине. Улитка попросила нас снять ботинки, потому что подметки у нас были прибиты металлическими гвоздиками. Мы царапали Улитку, когда бегали по ней.

Двигалась Улитки очень ровно, и было не понять, удаляемся мы от острова или нет.

Раньше я всегда думал, что дно в океане ровное и гладкое. Теперь увидел, что на дне моря все так же, как и на суше. Мы взбирались на горы, преодолевая пик за пиком. Иногда нам приходилось прокладывать дорогу сквозь заросли морских растений. Мы пересекали пустынные пространства, покрытые илом и песком. По ним можно было двигаться хоть целый день, ничего не видя на горизонте. Иногда в океане появлялись густые заросли мхов. Зеленый мох покачивался в воде, и тогда океан напоминал огромный луг. Казалось даже, что вот-вот на лугу появятся овцы, пощипывающие траву в морской глубине. Иногда мы, как горох, катались на спине улитки. Это случалось всякий раз, когда она резко опускалась в какую-нибудь темную низину с отвесными или крутыми склонами.

В таких низинах почти всегда скрывались затонувшие корабли. Кто знает, сколько лет они пролежали на дне моря? Проплывая мимо кораблей, мы всегда говорили только шепотом, как школьники в церкви.

На большой глубине в темноте часто таились огромные рыбы, живущие в пещерах. При нашем приближении они вздрагивали и тотчас уносились прочь во мглу со скоростью стрелы. Самые смелые из них, всех форм и оттенков, подплывали к нам поближе и заглядывали внутрь раковины.

— Мне кажется, они думают, что мы сидим в аквариуме, — сказал Бумпо. — Мне бы очень не хотелось быть рыбой.

Вокруг все менялось, зрелище было захватывающее. Доктор непрерывно что-то записывал или рисовал. Мы использовали все чистые блокноты, потом вывернули наизнанку карманы в поисках хоть какого-нибудь листочка. Следовало записывать новые наблюдения. Пришлось заносить их в старые блокноты между строк и на обложки.

Труднее всего было со светом. На глубине света было мало. На третий день мы проплывали мимо светящихся угрей. Они похожи на больших морских червяков. Доктор попросил Улитку

взять их на какое-то время с собой. Угри поплыли с нами. Свет от них был хоть и неяркий, но ровный.

Как наша Улитка находила дорогу в этом бескрайнем и темном мире, для нас оставалось загадкой. Джон Дулиттл спросил у Улитки, как она ориентируется в воде и выбирает путь в Пуделби. От ее ответа Доктор так разволновался, что даже оторвал кусок бесценной шляпы, чтобы заставить нас записать слова улитки.

Ночью ничего нельзя было увидеть. Поэтому в темноте Улитка не ползла, а плыла. Плыть она могла с огромной скоростью — ей достаточно было лишь слегка шевелить хвостом. Вот почему мы доплыли до Пуделби так быстро — всего за пять с половиной дней.

Воздух в раковине вскоре стал спертым. Ведь наша квартира ни разу не проветривалась. В первые два дня у нас даже болела голова. Правда, потом мы привыкли и не замечали духоты.

На шестой день мы обратили внимание, что взбираемся по склону. Чем выше мы поднимались, тем светлее становилось вокруг. Улитка целиком выбралась из воды и остановилась на тонкой полоске серого песка.

За спиной у нас ветер гнал по морю волны. Слева было устье реки. Прямо перед нами простиралась земля. Ее накрыл туман. Над нами пролетела пара диких гусей, вытянув шеи. Они мчались к морю.

Все, что мы увидели, было совсем не похоже на жаркий, блестящий на солнце Попсипетель.

Воздух выходил из панциря Улитки с резким звуком. Она наконилась, чтобы мы смогли выйти. Накапывал мелкий осенний дождик.

— Неужели это Англия? — спросил Бумпо, пытаясь рассмотреть хоть что-нибудь в тумане. — Выглядит вполне обычно. Может быть, Улитка ошиблась и привезла нас не туда, куда надо?

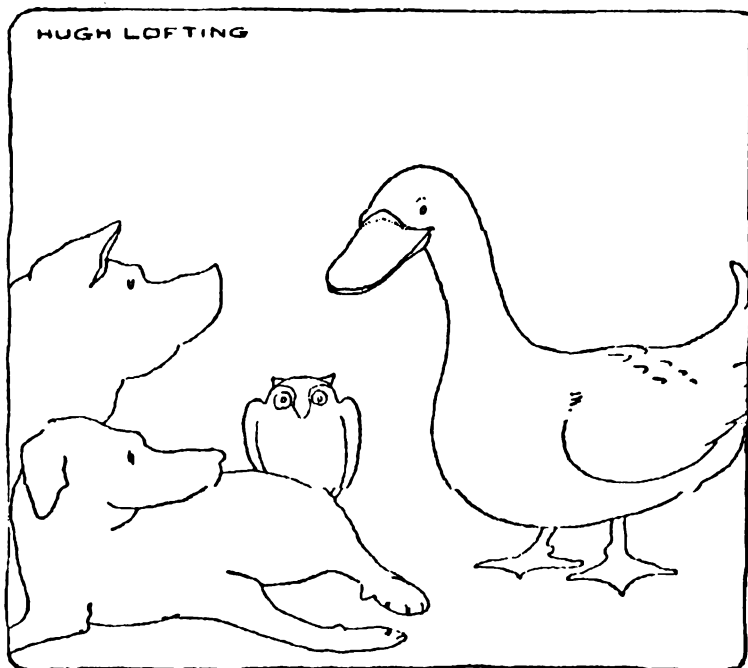
— Это Англия, — сказал Полинезия, стряхивая с перьев капли дождя. — Погода не даст ошибиться!

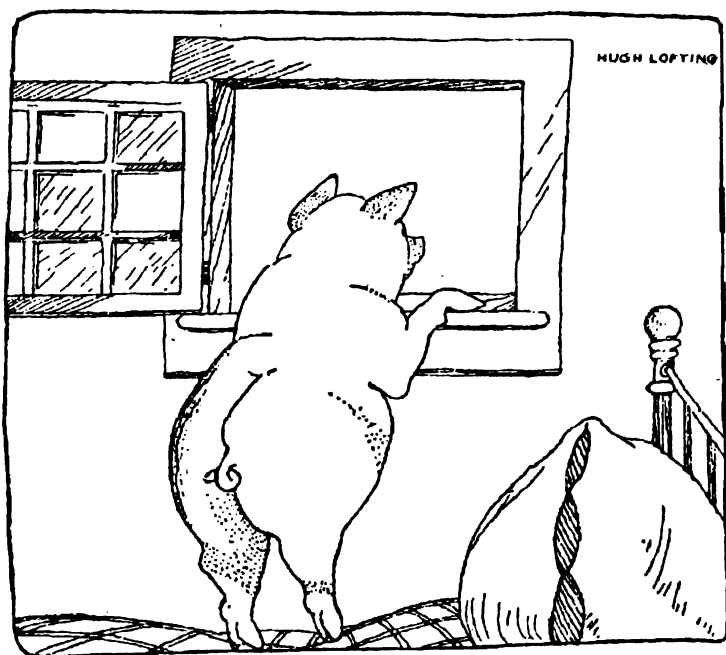
— Друзья! — закричал Джип, жадно втягивая воздух большими глотками. — В воздухе появился запах! Отличный запах! Погодите, я увидел водяную крысу.

– Тсс! Послушайте! – сказала Чи-Чи, постукивая зубами от холода. – Часы на церкви в Пуделби бьют четыре. Нужно взять наши свертки и трогаться в путь. Нам еще далеко идти через болота...

– Может быть, Даб-Даб развела в кухне огонь? – вставил я.

– Уверен, что она так и сделала, – сказал Доктор, – подхватив свой старый чемоданчик. – Ветер дует с востока, и ей нужно держать всех наших зверей в тепле. Пошли! Давайте отправимся по берегу реки, чтобы не потеряться в тумане. Знаете, в плохой английской погоде есть своя прелесть. Особенно, когда тебя ждет теплая печка... Четыре часа! Пойдемте! Мы как раз успеем к чаю!

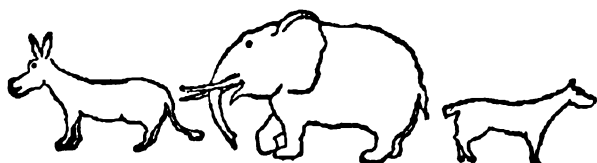

СОДЕРЖАНИЕ

Ф.Гримберг	ЗДРАВСТВУЙТЕ, ДЯДЯ ДЖОН!	3
Х. Уолпл	МИСТЕР ЛОФТИНГ И ДОКТОР ДУЛИТТЛ	8
ПРИКЛЮЧЕНИЯ ДОКТОРА ДУЛИТТЛА		
Глава I	ПУДЕЛВИ-НА-БОЛОТЕ	13
Глава II	ЯЗЫК ЗВЕРЕЙ И ПТИЦ	15
Глава III	НОВЫЕ ДЕНЕЖНЫЕ ЗАТРУДНЕНИЯ	20
Глава IV	ВЕСТИ ИЗ АФРИКИ	23
Глава V	БОЛЬШОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ	26
Глава VI	ПОЛИНЕЗИЯ И КОРОЛЬ	29
Глава VII	МОСТ ИЗ ОБЕЗЬЯН	32
Глава VIII	ПРЕДВОДИТЕЛЬ ЛЬВОВ	36
Глава IX	ОБЕЗЬЯНИЙ СОВЕТ	39
Глава X	САМОЕ РЕДКОЕ В МИРЕ ЖИВОТНОЕ	41
Глава XI	ЧЕРНЫЙ ПРИНЦ	45
Глава XII	МЕДИЦИНА И МАГИЯ	48
Глава XIII	КРАСНЫЕ ПАРУСА И СИНИЕ КРЫЛЬЯ	52
Глава XIV	КРЫСЫ ПРЕДУПРЕЖДАЮТ	54
Глава XV	ДРАКОН БЕРБЕРИИ	57
Глава XVI	ТОНКИЙ СЛУХ БУ-БУ	60
Глава XVII	ОКЕАНСКИЕ КУМУШКИ	63
Глава XVIII	ЗАПАХИ	66
Глава XIX	СКАЛА	70
Глава XX	РЫБАЦКИЙ ГОРОД	73
Глава XXI	ОПЯТЬ ДОМА	76

ПУТЕШЕСТВИЯ ДОКТОРА ДУЛИТТЛА

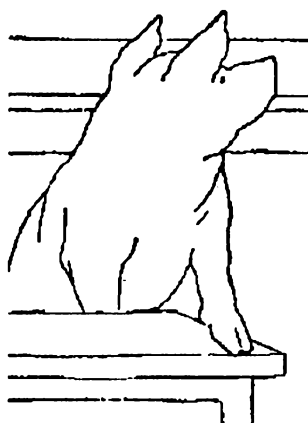
ПРОЛОГ 81

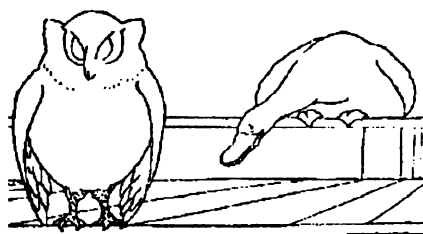
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава I СЫН САПОЖНИКА	82
Глава II Я УЗНАЮ О ВЕЛИКОМ НАТУРАЛИСТЕ	84
Глава III ДОМ ДОКТОРА	88
Глава IV ВИФФ-ВАФФ	92
Глава V ПОЛИНЕЗИЯ	97
Глава VI РАНЕНАЯ БЕЛКА	102
Глава VII БЕСЕДА МОЛЛЮСКОВ С РАКООБРАЗНЫМИ	104
Глава VIII НАБЛЮДАТЕЛЬНЫ ЛИ ВЫ?	107
Глава IX САД МЕЧТЫ	109
Глава X ЧАСТНЫЙ ЗООПАРК	111
Глава XI МОЙ УЧИТЕЛЬ ПОЛИНЕЗИЯ	115
Глава XII У МЕНЯ ИДЕЯ!	117
Глава XIII ПУТЕШЕСТВЕННИЦА ПРИБЫВАЕТ	120
Глава XIV ПУТЕШЕСТВИЕ ЧИ-ЧИ	122
Глава XV Я СТАНОВЛЮСЬ ПОМОЩНИКОМ ДОКТОРА	124

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава I ЭКИПАЖ "КРОНШНЕПА"	127
Глава II ЛУКА-ОТШЕЛЬНИК	129
Глава III ДЖИП И ЕГО СЕКРЕТ	131
Глава IV БОБ	133
Глава V МЕНДОСА	136
Глава VI СОБАКА СУДЬИ	139
Глава VII ТАЙНА ЛУКИ	141
Глава VIII ТРОЕКРАТНОЕ УРА	144
Глава IX ПУРПУРНАЯ РАЙСКАЯ ПТИЦА	146
Глава X ДЛИННАЯ СТРЕЛА, СЫН ЗОЛОТОЙ СТРЕЛЫ	148
Глава XI ПУТЕШЕСТВИЕ ВСЛЕПУЮ	150
Глава XII НАША СУДЬБА И ЦЕЛЬ ПУТЕШЕСТВИЯ	153

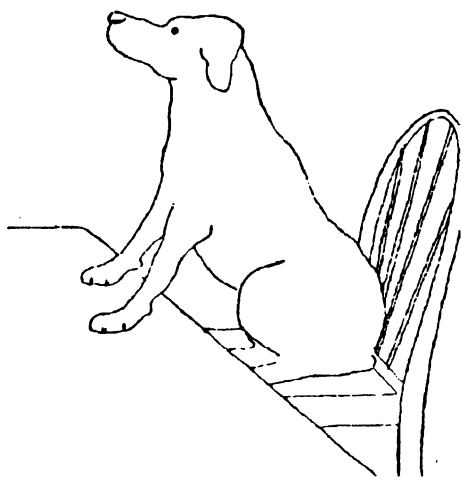

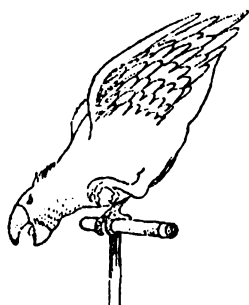
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Глава I ТРЕТИЙ	157
Глава II ДО СВИДАНИЯ!	161
Глава III НЕПРИЯТНОСТИ НАЧИНАЮТСЯ	163
Глава IV НЕПРИЯТНОСТИ ПРОДОЛЖАЮТСЯ	166
Глава V ПОЛИНЕЗИЯ СТРОИТ ПЛАНЫ	170
Глава VI КРОВАТНЫЙ МАСТЕР ИЗ МОНТЕВЕРДЕ	173
Глава VII ДОКТОР ДЕРЖИТ ПАРИ	175
Глава VIII БОЛЬШОЙ БОЙ БЫКОВ	179
Глава IX МЫ ПОСПЕШНО УЕЗЖАЕМ	183

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Глава I СНОВА О ЯЗЫКЕ КРАВОВ И УСТРИЦ	187
Глава II ИСТОРИЯ НЕПОСЕДЫ	190
Глава III ПЛОХАЯ ПОГОДА	198
Глава IV ПОТЕРПЕВШИЙ КОРАБЛЕКРУШЕНИЕ	201
Глава V ЗЕМЛЯ!	204
Глава VI ЖУКИ ДЖАВИЗРИ	207
Глава VII ГОРА, ПОХОЖАЯ НА ГОЛОВУ СОКОЛА	210

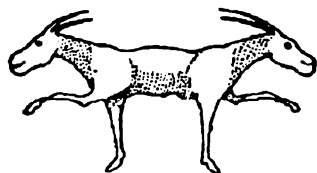

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

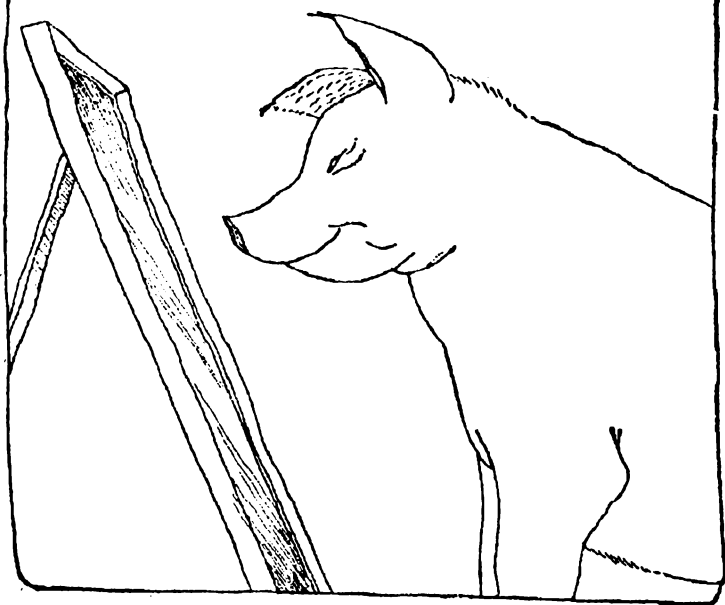
Глава I ВЕЛИКАЯ МИНУТА	215
Глава II ЛЮДИ С ПЛАВУЧЕГО ОСТРОВА	219
Глава III ОГОНЬ	221
Глава IV ПОЧЕМУ ПОПЛЫЛ ОСТРОВ	224
Глава V ВОЙНА	226
Глава VI ГЕНЕРАЛ ПОЛИНЕЗИЯ	230
Глава VII МИР, ЗАКЛЮЧЕННЫЙ БЛАГОДАРЯ ПОПУГАЯМ	233
Глава VIII ВИСЯЧИЙ КАМЕНЬ	235
Глава IX ВЫБОРЫ	238
Глава X КОРОНАЦИЯ ДЖОНА ДУЛИТТЛА	242

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ

Глава I ЦАРСТВОВАНИЕ ДЖОНА СИНКЕЛОТА	246
Глава II МЫСЛИ О ДОМЕ	251
Глава III НАУКА КРАСНОКОЖЕГО ЧЕЛОВЕКА	254
Глава IV МОРСКАЯ ЗМЕЯ	256
Глава V ЗАГАДКА ЯЗЫКА КРАБОВ РЕШЕНА!	260
Глава VI ПОСЛЕДНЕЕ ЗАСЕДАНИЕ КАБИНЕТА	264
Глава VII РЕШЕНИЕ ДОКТОРА	266

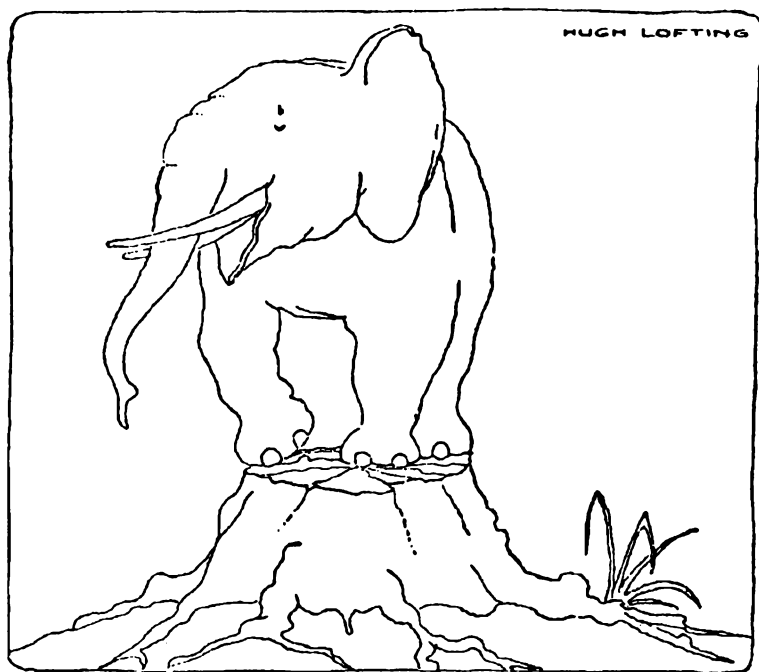
HUGH LOFTING

Этой книгой мы начинаем выпуск серии "Приключения Доктора Дулиттла и его зверей". Автор четырнадцати повестей, составивших серию - популярнейший английский детский писатель Хью Лофтинг. Его книги почти семьдесят лет издаются на всех европейских языках, кроме русского. Потому что Доктору Дулиттлу "не повезло" в СССР, как "не повезло" героям многих всемирно известных детских книг. Знаменитый Пиноккио превратился в Буратино, суровый джин, освобожденный из бронзового кувшина - в старика Хоттабыча, ну а Дулиттл стал Айболитом. Впрочем, они друг другу не помеха.

Четырнадцать повестей о Докторе Дулиттле ждут Вас!

Серия подготовлена издательством "Сигма F" совместно с
рекламно-художественным агенством "Remi"

Все, о чем будет рассказано на страницах следующей книги, произошло с Доктором Дулиттлом на обратном пути в Западную Африку...

Однажды утром, в первую неделю плавания, Доктор Дулиттл и его звери сидели в каюте за большим столом и завтракали. Неожиданно прилетела одна из ласточек и сказала, что хочет поговорить с Доктором.

Джон Дулиттл сразу же встал из-за стола и вышел в коридор, где его ждала предводительница ласточек, очень милая маленькая красивая птичка с длинным хвостом и внимательными черными глазками. Ее звали Флитси, и это имя было знаменито во всем пернатом мире...

— Здравствуй, Флитси, — сказал Доктор Дулиттл. — Что-нибудь случилось?

— Доктор, — взволнованно прошептала птичка, — к западу от корабля, приблизительно в миле от него, мы обнаружили каноз, в котором сидит черная женщина. Лодка находится в открытом море на много миль от берега — по моим расчетам, по крайней мере, милях в десяти. В таком углу суденышке и так далеко в открытом море! Она в большой опасности, — но, кажется, совсем не обращает на это внимания. Просто сидит на дне лодки и плачет, и ей совершенно все равно, что может случиться. Не могли бы вы поговорить с ней? Кажется, женщина в беде.

— Конечно, — заволновался Доктор, — ты пока лети к лодке, а я поверну корабль вслед за тобой.

Джон Дулиттл вышел на палубу и, повернув корабль по курсу, указанному ласточкой, вскоре увидел небольшую черную лодку, которую волны бросали то вверх, то вниз...

**О том что произошло дальше, читайте в следующей книге
о приключениях Доктора Дулиттла и его зверей.**

HUGH LOFTING
DOCTOR DOLITTLE

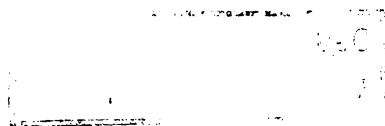
THE STORY OF DOCTOR DOLITTLE
THE VOYAGES OF DOCTOR DOLITTLE
DOCTOR DOLITTLE'S POST OFFICE
DOCTOR DOLITTLE'S CIRCUS
DOCTOR DOLITTLE'S CARAVAN
DOCTOR DOLITTLE'S ZOO
DOCTOR DOLITTLE'S GARDEN
DOCTOR DOLITTLE IN THE MOON
DOCTOR DOLITTLE'S RETURN

*

THE STORY OF MSR. TUBBS
PORRIDGE POETRY
NOISY NORA

*

THE TWILIGHT OF MAGIC
GUB-GUB'S BOOK

Лофтинг Х. Приключения Доктора Дулиттла. Путешествия Доктора Дулиттла. Перевод С.Мещерякова. Первые две книги из серии "История доктора Дулиттла и его зверей". Под общей редакцией А.В.Леденева

Хью Лофтинг
ПРИКЛЮЧЕНИЯ ДОКТОРА ДУЛИТТЛА
ПУТЕШЕСТВИЯ ДОКТОРА ДУЛИТТЛА

Ответственный за выпуск В.Бродский
 Редактор И.Пивоварова
 Корректор Н.Осовецкая
 Технический редактор Н.Кучерова
 Художник В.Денисов

Сдан в набор 25.01.92. Подписано к печати с готовых диапозитивов 25.06.92. Формат 60×90¹/₁₆. Бумага офсетная № 2. Гарнитура Школьная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 18,5. Уч. изд. л. 18,5. Тираж 100 000 экз. Заказ № 1440.

МП «Сигма-Ф», 127576, Москва, Абрамцевская ул., 3—165.

Тверской ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат детской литературы им. 50-летия СССР Министерства печати и информации Российской Федерации, 170040, Тверь, проспект 50-летия Октября, 46.

